

Фальшивая принцесса

София Балашова

Пробуждение в другом мире грозило обернуться для двадцатилетней москвички Анжелины трагедией, если бы не судьбоносная встреча с принцессой одного из местных королевств. Договор прост: Анжелина подменит Генриетту на брачном алтаре, а когда та вернётся — получит приличное состояние и возможность удачно устроиться в новом мире.

Но судьба известна своей любовью к насмешкам над чаяниями страждущих, и на этот раз она пишет свою историю. Вопрос лишь в том, окажется ли финал её счастливым для фальшивой принцессы, или же фиктивное замужество с дикарём обернётся для неё погибелью?

— Эй, ты слышишь меня?

Тишину прорезал звук высокого громкого голоса. Отголоски его резко ударили по вискам Анжелины, вызвав неприятную пульсирующую боль. Наморщившись, она едва заметно застонала.

— Пришла в себя, наконец?

На плечо девушки легла тонкая — явно женская — рука, принявшаяся трясти её.

— В-ваше Выс-высочество, не нужно так резко, — другой голос, принадлежащий, видимо, пожилому мужчине, звучал надтреснуто, выдавая взволнованность своего обладателя. — Это может повредить ей...

— О, Божество, — недовольно фыркнув, женщина одёрнула руку. — Почему она не открывает глаза? Я хочу их увидеть! Сейчас же!

— Дайт-те ей прийти в себя, Ваше Высочество... она ещё слаба из-за травмы...

— А ты здесь, по-твоему, для чего? Мне казалось, я плачу за твои услуги достаточно для того, чтобы не тратить своё драгоценное время на ожидание. Или статус моего личного лекаря уже успел вскружить тебе голову, Бронхилай?

— Нет, Ваше Высочество. Я делаю всё, что в моих силах, но её организму нужно время!

— У меня его нет, покарай тебя Великий Душитель! — Меря шагами небольшую темную комнатку, женщина принялась нервно заламывать руки. — Скоро прибудет этот ублюдочный Ротхен со своим сбродом, если ты вдруг запомнил, старик! Она нужна мне как можно быстрее, иначе... ох, смотри, она открывает глаза!

Услышав громкий звук быстрых шагов, Анжелина снова поморщилась. Вопреки её ожиданиям, новой вспышки боли не последовало. Вместо этого затылок охватила лёгкая прохлада, успокаивая разгорячённые нервные окончания.

Активно заморгав, девушка попыталась подняться, но тут же была оставлена мягкой тёплой рукой, лёгшей ей на грудь.

— Чшшш, госпожа, пока рано — дайте магии подействовать.

Услышав последние слова мужчины, Анжелина резко распахнула глаза, не давая им больше возможности привыкнуть к царившей в комнатке полутьме. Увиденное заставило девушку приглушённо вскрикнуть. Перед ней предстал полный, невысокий старик. Его редкие волосы, представляющие собой три жиденьких, перекинутых на правую сторону седых волосинки, выглядели растрёпанными. Серая туника, накинутая, похоже, прямо на голое тело, была порядком измята и вообще своим видом походила больше на ночное бельё, чем на обычную одежду. Маленькие, лишённые ресниц и бровей глазки взволнованно бегали из стороны в сторону, как у заправского шарлатана.

В общем и целом его наружность внушала некое отторжение — такое возникает обычно, когда человек смотрит на что-то совсем уж отвратительное. Возможно, этот случай был из тех, про которые говорят: "внешность обманчива", но то, насколько мерзко свисала с подбородка мужчины слюна, оказавшаяся там из-за его привычки жевать свои обветренные, пухлые губы, отбило у Анжелины всяческое желание погружаться во внутренний мир незнакомца.

Но сильнее всего поразило девушку во всём увиденном отнюдь не отталкивающая наружность её — как она догадалась — доктора. Настоящий шок вызвали те сотни

светящихся голубизной тонких нитей, вытекающих из его рук и пронизывающих голову Ангелины. Переплетаясь друг с другом, эти невесомые щупальца пульсировали, проникая в её тело, встраиваясь в её голову.

Приняв их, поначалу, за электричество, девушка застыла от ужаса, приготовившись к мучительной смерти, но приглядевшись к ним и поняв, что в их планы не входит её убивать, она заморожено протянула руку, желая прикоснуться к ним. К её удивлению, нити эти оказались абсолютно лишёнными какой бы то ни было материальной формы — совсем как эфир. Игнорируя постороннее вмешательство, они невозмутимо продолжили свой танец, не оставив и следа на пальцах девушки. Если бы не произнесённая заискивающим тоном просьба мужчины не нарушать "магический поток", то Ангелина бы решила, что это — всего лишь её галлюцинация.

Внезапно загадочное голубое свечение погасло, утонув во мраке комнаты. Моргнув от неожиданности, девушка рефлекторно приподнялась на матрасе, едва заметно шевеля губами. В ту же секунду прохладная тонкая рука сжала её подбородок, резко повернув голову в противоположную сторону.

— Ты только взгляни, дин Бронхилай... — разглядывая лицо Ангелины, медленно проговорила скрытая в тени серого капюшона женщина. — Просто поразительно... даже глаза, — резко притянув лицо девушки ближе, продолжила она, — серые. Неужто Божество услышало мои молитвы? Такая удача!

Мотнув головой, Ангелина вырвалась.

— К-то вы та-ак-кие? — Голос её оказался севшим и охрипшим.

— Мы? Перед тобой принцесса Норфолка Генриетта Норфолкская, дочь королевы Боудики Второй и младшая сестра кронпринца Уильяма Норфолкского. Как твоё имя?

— Э-э-э, имя... — сбита с толку всем произошедшим, девушка замешкалась. — Ангелина Долохова.

— Ангэлина Долохова... — голова принцессы чуть склонилась к левому плечу — жест, выразивший, по всей видимости, задумчивость. — Ты из Ладоги?

— А-а-а, — лихорадочно соображая, Ангелина украдкой бросила взгляд на раскрасневшегося от волнения мужчину, надеясь в его лице прочесть хоть какую-то подсказку.

К её разочарованию, тот, продолжая нервно жевать свои губы, старался даже не смотреть в их сторону, усиленно изображая погружённость в собственные мысли.

Девушка слегка растерянно проговорила:

— Да... наверное... — сглотнув, она продолжила, — я... я мало что помню, э-э-э Ваше Высочество.

— Надо же... бедняжка, — в голосе женщины, казалось, зазвучала жалость. — Кто твоя семья? Ты помнишь их?

— У меня только тётя, — произнеся это, Ангелина прикусила язык.

Постепенно охватывающая её паника мешала ей здраво оценивать ситуацию — она не знала ни кто эти люди, ни чего они от неё хотят. Господи, да что уж говорить — она толком не понимала, где находится! Последним её воспоминанием была ссора со словившей очередную белую горячку тёткой, которая закончилась тем же, чем всегда заканчивались все их конфликты — дракой. Она даже не помнила, как выходила из квартиры, и уж тем более — как очутилась в этом месте! Вдруг она забрела в какой-то наркоманский притон? Не лучшим ли тогда было бы попытаться уверить этих двух в наличии у неё огромной

влиятельной семьи, готовой поставить на уши всю полицию ради её поисков? Чёрт. Ей определённно не стоит спешить.

— Не похоже, что ты особо дорога ей, — заложив руки за спину, женщина принялась раскачиваться на каблуках, — раз оказалась на обочине избитая и едва живая. Я права, Ангелина?

Тяжело сглотнув, девушка поджала губы. Как такое могло произойти?

— На обочине? — Глухо отозвалась она.

— Бронхилай, давай, расскажи нашей дорогой гостье, где ты её нашёл.

Слегка вздрогнув от неожиданности, мужчина вытер взмокшие от волнения ладони о свою нехитрую одежду и, прочистив горло, поспешно произнёс:

— У обочины, госпожа, нашёл вас. Лежали недалеко от трактира "Весёлый крендель"... вышел, вот, буквально на несколько минуточек... от бессонницы пропустить рюмочку, вот. Иду и слышу — стонет кто-то. Ну, думаю, пьянчуга очередная насинячилась, а до дому дойти не может. Хотел пройти сперва, а потом как Божество нашептало — пошёл проверить. Ну, и увидел вас. Вы вся в крови лежали там, одежда порвана... ну я и на руки вас сразу и обратно, в постоянный двор, помощь вам оказать, вот. А здесь и Её Высочество вас увидела и наказала мне, значит, все усилия приложить для вашего спасения.

К концу своего рассказа Бронхилай окончательно покраснелся. На его почти облысевших висках выступили капельки пота. Стекая, они собирались в многочисленных складках его жирной шеи. Заметившая это Ангелина едва заметно поморщилась, отведя взгляд от мужчины.

— Благодарю за спасение, — выдавив улыбку, хрипло проговорила она.

— Да что уж, — картинно разведя руками, ответил мужчина, — как тут пройти мимо лекаря...

— Сколько тебе лет, Ангелина? — Бесцеремонно перебив Бронхилая, нетерпеливо задала вопрос принцесса.

— Двадцать.

— Ну, надо же... — стянув тонкую бордовую перчатку, протянула женщина. — Вот это удача...

Сняв перчатки, она резко отшвырнула их в сторону.

— Что ж, времени остаётся не так много, поэтому перейдём к делу. Я хочу предложить тебе сделку, Ангелина.

— К-какую сделку? — Наблюдая за движениями своей собеседницы, девушка напряглась. Разум подбрасывал ей самые разнообразные варианты развития событий — один чудовищнее другого, — отчего нервы её казались натянутыми, подобно струне. — Что вы хотите от меня?

— Я хочу, — как только принцесса откинула назад свой капюшон, Ангелина в ужасе уставилась на неё, — поменяться с тобой местами.

Шок от открывшейся перед Анжелиной картины на несколько мгновений лишил девушку дара речи. Принцесса оказалась её точной копией. На такие же тонкие, как и у неё самой плечи, спускались тяжёлые волны таких же длинных чёрных волос, обрамляющих такой же точённый овал лица. Те же прямые, придающие лицу строгости брови мягко спускались к немного широковатой переносице, плавно переходящей в небольшой греческий нос. Нижняя губа так же выделялась своей пухлостью, слегка затмевая более тонкую верхнюю. Глаза — слишком, как считала Ангелина, огромные для её лица — холодно сияли серебром. Облик принцессы казался всего лишь отражением её собственного, и, глядя сейчас на Генриетту, Ангелина думала, что смотрится в зеркало.

Не в силах поверить в реальность происходящего, девушка медленно, не сводя удивлённого взгляда с лица своей собеседницы, поднялась и, преодолевая охватывающую её тело слабость, приблизилась к принцессе. Остановившись напротив неё, она отметила ещё и их сходство в росте и комплекции — будто последние штрихи к этой картине безумства.

— Но как... как... — запинаясь, прошептала Ангелина.

— Понятия не имею, — скрестив руки на груди, растерянно ответила Генриетта. В голосе её, впервые за всё время, звучала искренность. — Я думала, что... мы можем быть сёстрами. Ха, ты же знаешь — у королевы Боудики была бурная молодость. Но Бронхилай проверил — никакого родства. Похоже, всё это — просто совпадение.

— Б-боже мой... это невероятно...

— Да-да. Это понятно, — закатив глаза, Генриетта покачала головой. — Но давай вернёмся к нашему разговору. Я предлагаю тебе сделку, Ангелина. Мне нужно, что бы ты заменила меня на некоторое время... пока я не закончу кое-какие дела. — Закончив расстёгивать накидку, принцесса швырнула её на пол к перчаткам. — Поизображаешь меня на протяжении пяти-шести десятков и будешь отправлена в Ладугу к своей ненаглядной тётушке с огромным состоянием. Что скажешь?

— Я... я... не знаю, — нервно пригладив волосы, произнесла Ангелина. — Как я... как я вообще смогу вас изобразить? Я же не принцесса! Я совсем не знаю этикета и манер и прочего...

Генриетта едва слышно хохотнула.

— А ты умная девочка, — её взгляд — холодный и расчётливый — медленно прошёлся по телу собеседницы, будто ощупывая его, — и хорошо знаешь своё место. — Приблизившись к Ангелине вплотную, принцесса подняла руку, легонько проведя ладонью по её щеке в некоем подобии ласки. — Отсутствие у тебя нужных знаний не станет проблемой — в твоём окружении не будет никого, кто был со мной хорошо знаком. Я уже отослала почту моей матери, она пришлёт мне других фрейлин и служанок. К тому же, с тобой будет Бронхилай — он окажет тебе любую помощь.

— С радостью, госпожа — для меня нет большего счастья, чем служить Её Высочеству принцессе...

— Замолкни!

Напуганный окриком принцессы, мужчина замолчал, продолжив жевать свои губы.

— О чём мы говорили? Ах, да. В случае чего обратишься к Бронхилаю, он — единственный, кто будет посвящён в нашу тайну.

— Я не понимаю... — мысли Ангелины хаотично носились, пытаясь осознать всё происходящее. — Вы хотите, чтобы я подменила вас в каком-то... путешествии?

— Ну, можно сказать и так, — усмехнулась Генриетта. — Ты подменишь меня на моей свадьбе. Ну, и если захочешь, во время соития с моим будущим мужем, я совсем не против.

— Прошу прощения? Я не собираюсь ни за кого выходить замуж!

— Тебе и не нужно этого делать, — по лицу принцессы пробежала судорога раздражения. — От тебя требуется только отстоять все церемонии и появляться время от времени на глазах у подданных в течение пяти-шести десятков, а потом получить свои деньги и отправиться с ними куда Великий Душителъ распорядится. — Сжав пальцами подбородок Ангелины, Генриетта заглянула в её глаза. — Здесь нет ничего сложного, Ангэлина. Всего несколько десятков и ты богата и свободна. Будешь жить в роскоши в своей Ладогe... или ещё где-нибудь. Подумай как следует.

Сглотнув, Ангелина чуть приподняла голову, стремясь вырваться из цепкой хватки принцессы. Вопреки её ожиданиям, та только сильнее сжала пальцы на подбородке своей собеседницы.

— Я... я не уверена... если кто-то заметит подмену, что тогда? Ваш жених... он ведь знаком с вами. К тому же... разве у него не возникнет претензий из-за долгого отсутствия м-м... близости?

— Да успокойся ты, — издав полный раздражения стон, принцесса убрала руку от лица Ангелины. — Ротхен видел меня всего один раз в жизни, мы и словом не обмолвились тогда. Тебе не о чем беспокоиться. Или, — её бровь насмешливо взлетела вверх, — ты смеешь сомневаться в моих словах, девчонка?

— Я не вижу причин вам доверять, — агрессивная напористость принцессы пугала Ангелину, а их внешнее сходство только усиливало этот эффект.

В какой-то момент девушка решила, что всё происходящее — это всего лишь плод её повреждённого сознания. Скорее всего, она сильно ударилась головой во время их очередной стычки с тёткой, а сейчас лежит на больничной кровати в коме, погружённая в свои болезненные фантазии с участием её злобного двойника и волшебных светящихся нитей, способных за доли секунды избавиться от любых болей.

Но почему-то фантазии эти, несмотря на свою явно иррациональную природу, дезориентировали пугающей реалистичностью — кожа всё ещё хранила воспоминания о тепле тонких пальцев её двойника, равно как и о их силе. И у Ангелины не было ни малейших сомнений в том, с какой целью эта сила была ей продемонстрирована.

— Я хочу иметь какие-то гарантии, — к её стыду, в голосе её, несмотря на попытки придать ему уверенности, проскользнули нотки страха. — Откуда мне знать, что вы не убьёте меня, когда всё закончится?

— Хороший вопрос, — не сводя с лица собеседницы пристального взгляда, Генриетта медленно провела языком по своей верхней губе. — Но зачем мне это нужно? Ты можешь ещё пригодиться мне. У принцессы много дел, а у королевы, как ты понимаешь, тем более. С моей стороны было бы глупостью возвращать тебя обратно в лоно Божества. В этом твои гарантии. Однако, — резко вскинув руку, принцесса сжала шею Ангелины, на доли секунды перекрыв той кислород, — как ты понимаешь, наше сходство может заметить и кто-то из врагов моей семьи. Мне бы очень не хотелось, что бы тебя сделали инструментом в какой-нибудь неприятной политической игре, особенно если эта игра будет нести для меня прямую угрозу, так что... — ладонь Генриетты сильнее сдавила горло Ангелины, посылая

той очередной красноречивый намёк, — я лучше предпочту загодя от тебя избавиться. Конечно, если ты решишь сглупить и отвергнуть моё щедрое предложение.

Договорив, принцесса внезапно отпустила Ангелину, демонстративно отойдя на два шага назад. Губы её растянулись в фальшивой улыбке, долженствующей выражать добродушие, но напоминающей скорее звериный оскал.

Тяжело дыша, Ангелина рефлекторно приложила руку к шее. В её висках бешено бился пульс, а руки потряхивало от только что пережитого страха. Хоть подсознательно она и готовила себя к чему-то подобному, но такая резкая смена тона беседы всё же напугала её. Стоя там, под ледяным насмешливым взглядом своего двойника и жадно глотая воздух, она думала уже не о том, как убедить Генриетту в невозможности осуществления её замысла, теперь ей хотелось лишь одного — уйти отсюда живой.

— Ну, что скажешь, Ангэлина? — Пропела принцесса. — Ты готова к сотрудничеству со мной, м?

— Д-да... я готова... Ваше Высочество.

— Вот и прекрасно, — хлопнув в ладоши, воскликнула Ангерборда. — Эй, Бронхилай, иди к хозяину постоянного двора и скажи ему, что я хочу ещё раз принять ванну, да побыстрее. А ты, — встав вплотную к Ангелине, она брезгливо приобняла ту за плечи, — сейчас накинешь мой плащ и пойдёшь за мной. Только ни слова, ясно?

Мужчина быстро поднялся с мягкого, обитого какой-то незнакомой Ангелине синей тканью кресло и, поклонившись принцессе, семенящей походкой вышел за дверь. В следующую секунду на руках Генриетты сформировались коричневые светящиеся нити. За долю мгновения они, растянувшись, окутали брошенные несколькими минутами ранее накидку и перчатки и опустили их на руки принцессы.

Подойдя к удивлённой только что увиденным Ангелине, она одним быстрым, уверенным движением накинула на неё тяжёлую, пахнущую сладким парфюмом ткань, тщательно прикрыв голову и тело той, а после, положив руку на её талию, поспешно толкнула вперёд, давая знак идти следом.

Вот так тихими, но стремительными шагами они вышли из небольшой комнаты и, как можно более незаметно, преодолевая длинные, скупо меблированные, отделанные камнем полутёмные коридоры, добрались, наконец, до комнаты нужной двери.

Как только они оказались в покоях принцессы, она отрывисто произнесла:

— Снимай накидку и спрячься пока в спальне, вон там, — махнув рукой, Генриетта указала на небольшую деревянную дверь слева от входа. — Когда слуги принесут воду, я тебя позову — примешь ванну. А потом мы с тобой обо всём поговорим.

Послушно кивнув, Ангелина быстро стянула с себя накидку и на ватных от страха ногах подошла к указанной двери и, открыв её, прошмыгнула внутрь комнаты.

Спальня принцессы встретила её непроглядной темнотой. Вязкая, как смола, она, казалось, стремилась поглотить и дезориентированную ею девушку. Медленно присев на корточки, она начала шарить руками по холодному каменному полу, стараясь не создавать лишнего шума.

Едва оказавшись наедине с собой Ангелина, вопреки ожиданиям, не поддавшись захлёстывающему всё её нутро желанию устроить основательную истерику, а принялась искать способ вырваться из лап своего безумного двойника. Первой же мыслью, пришедшей ей в голову, оказалось окно. Не зная, сколько времени у неё в запасе, она, осторожно, но нетерпеливо перебирая руками, настойчиво ползла в сторону большого, прикрытого плотной

шпорой окна, сквозь которое пробирался тусклый белёсый цвет Луны.

Пару раз ударившись о какую-то обитую железом мебель, Ангелина, тем не менее, довольно быстро добралась до заветной цели. Едва не рыдая от радости, она подняла трясущимися руками тяжёлую ткань, прошмыгнув за штору. В ту же секунду улыбка, только-только успевшая наметиться на её лице, сменилась гримасой ужаса.

Там, за стеклом, вместо ожидаемых ею освещённых многочисленными фонарями и неоновыми вывесками магазинов улиц, она увидела лишь затопленные темнотой, невысокие старомодные здания, длинными рядами раскинувшиеся по бокам широких, вымощенных камнем дорог. Никаких веселящихся галдящих компаний, обнимающихся парочек, медленно прогуливающихся с колясками молодых родителей — каждая улочка дышала пустынностью и заброшенностью. Не веря своим глазам, девушка мотнула головой — будто в наивной попытке сбросить заставшую её взгляд невидимую пелену. Но всё тщетно. Необычный пейзаж, раскинувшийся за окном, не растворился. Он остался всё там же, прямо у неё перед глазами, будто издевательски бросая ей в лицо факт своего существования.

Прикрыв рот ладонью, Ангелина рефлекторно подняла взгляд вверх в знак охватившего её отчаянья и увидела в небе, почти чёрном из-за малого количества звёзд, два небольших, следующих друг за другом круга. Оба — чуть меньше земной Луны, неестественно светлые и гладкие, подобно двум жемчужинам.

— Господи... — тихо выдохнув, она облокотилась на подоконник, боясь упасть. — Где... где я? Неужели...

Стараясь глубоко дышать, девушка принялась усиленно перебирать в голове все возможные варианты объяснений произошедшему. Похоже, что все имеющиеся у неё ранее теории о похищении наркоманами, коме и прочие попытки рационализировать происходящее с ней оказались бесполезны, поскольку окружающая её обстановка хоть и была слишком неестественной для Земли, но являлась, тем не менее, слишком материальной и реалистичной для того, чтобы быть всего лишь плодом её фантазии.

"По крайней мере, — подумала она, — даже если всё это — всего лишь мой бред, физический вред он наносит вполне ощутимый. И мне бы не хотелось проверять, насколько фатальным он может для меня оказаться в реальности".

Приподнявшись, она снова выглянула, движимая наивной надеждой, но увы — на практически беззвёздном небе всё так же красовались две двойняшки "Луны", скупно освещая своим бледным светом раскинувшуюся под ними безлюдную, сонную улицу с коренастыми домиками и широкой каменной дорожкой. Ангелина разочарованно выдохнула. Она оказалась в каком-то странном мире абсолютно одна. И, хоть это мало отличалось от её прежней жизни, но там у неё хотя бы была тётя. Пусть она и скакала от одного запоя к другому, но всё-таки эта женщина честно воспитывала её последние семь лет после смерти родителей и девушка не могла не чувствовать некую привязанность к ней.

От этих мыслей неприятно защипало в носу. Приложив ладони глазам, Ангелина слегка надавила на них. Сейчас не время раскисать. Она должна выяснить, куда её занесло, и, самое главное, как ей вернуться обратно. А, как бы ни было это неприятно осознать, сделать это, находясь под покровительством местной принцессы куда проще, чем будучи беглянкой без документов и пристанища.

Кивнув самой себе, она выпрямилась и, выбравшись из своего своеобразного укрытия, аккуратно поползла обратно — ближе к двери. Как только она выпрямилась, дверь тут же открылась, и из соседней комнаты раздался негромкий голос Генриетты:

— Ангелина, пошли.

Выйдя из спальни, Ангелина часто заморгала, привыкая свету. Подскочившая к ней принцесса взяла её под руку и потащила несопротивляющуюся девушку по направлению к ванной комнате, нетерпеливо приговаривая:

— Быстрее, ну же, у нас не так много времени!

Оказавшись на месте, Генриетта одним резким движением сорвала с Ангелины испачканные в грязи и крови остатки её штанов и рубашки и, подтолкнув к огромной деревянной бадье, скомандовала:

— Залезай, сейчас же.

— Госпожа, госпожа, просыпайтесь.

Нахмурившись, Ангелина недовольно застонала.

— Госпожа, мы уже на месте, — голос Бронхилая был полон волнения и нетерпения.

Нехотя открыв глаза, девушка потёрла затёкшую от долгого нахождения в неудобном положении шею. За стенками "бегателя" — местного транспорта, представляющего собой самоходную карету, раздавался негромкий гул. Потянувшись в последний раз, Ангелина достала из — уже своей — маленькой ярко красной бархатной сумочки элегантный гребень для волос, вырезанный из кости редкого животного, название которого она не потрудилась запомнить, и прошлась им по своим длинным вьющимся волосам.

Сидящий на противоположном сидении Бронхилай, разодетый в жёлтый хлопковый брючный костюм, по фасону напомилавший классический американский костюм из восьмидесятых, аккуратно пригладил остатки своих волос, стараясь распределить их таким образом, что бы закрыть все залысины. Усердие, с которым он делал это, выдавало в нём человека, слывшего во времена своей далёкой молодости знатным франтом и активно отказывавшимся признавать новую, менее «волосистую» и более возрастную реальность.

Не обращая внимания на усердные старания лекаря, Ангелина спешно приводила себя в порядок, попутно лихорадочно вспоминая проведённый Генриеттой краткий экскурс.

Как оказалось Норфолк, королевой которого была мать принцессы — Боудика, находился в затяжном конфликте с Каттегатом — морским королевством, расположенном подле западной границы Норфолка, и бывшем его заклётым соседом вот уже добрую сотню лет. Отношения между соседями, как это бывает в подобных обстоятельствах, большую часть времени были натянутыми — возникавшие время от времени территориальные споры раз в два-три поколения стабильно приводили к вооружённым стычкам, благо, исключительно на пограничных областях. Но пару десятилетий назад отец королевы Боудики, король Карл Третий и мать молодого короля Каттегата — Харальда, конунг Гретта объединились для завоевания небольшого, лежащего к югу от них королевства Бургундии. Разгромив его, они поделили территорию некогда единого государства между собой поровну и мирно разошлись, отправившись праздновать победу. Но спустя некоторое время между ними завязался конфликт из-за Тира — древнего города, доставшегося после раздела Каттегату, но давно ставшим торговой факторией Норфолка. Торговцы Норфолка, теснимые торговцами Каттегатами, подняли мятеж против королевы Гретты, объявив город суверенной территорией. Решением завязавшегося конфликта стало новое мировое соглашение — Гретта согласилась признать Тир собственностью Карла Третьего, в обмен потребовав себе Крит, некогда крупнейший морской порт разорванной Бургундии.

Но после подписания Вормосского акта король Карл Третий скончался, упившись на очередном, так страстно любимым им, пире, и на престол вступила его старшая дочь Боудика. Осознавая, что Каттегат после войны оказался крайне истощённым и неспособным к новой серьёзной конфронтации, она запретила передачу Крита, отправив туда несколько норфолкских гарнизонов. В Тире же она позволила торговцам оставить при себе нанятые ими армии многочисленных наёмников, с условием, что они будут использованы исключительно для защиты от атак Каттегата.

С тех пор оба города находятся под властью Норфолка, а недовольный таким исходом

Каттегат точит зуб на родину Генриетты. Но если до недавнего времени угроза от недружелюбного соседа была довольно эфемерной — престарелая конунг Гретта уже не отличалась ни тем здоровьем, ни тем здравомыслием, что были ей присущи в молодости, — то взошедший пару лет назад на престол конунг Харальд, успевший уже завоевать в своих военных походах прозвище "Яростный", обладает всеми необходимыми добродетелями для того, чтобы достигнуть успеха в этом благородном мероприятии по восстановлению справедливости. И, как это часто бывает, судьба — будучи, как известно, большой любительницей иронии — даровала ему неплохую возможность для этого.

Унаследовав от своего отца процветающее, находящееся на пике своего могущества королевство, королева Боудика не преминула тот час же приобщиться к кассированию этих огромных чеков. Разгильдяйствуя и прелюбодействуя, она отравила своими пороками всех лучших людей Норфолка — некогда уважаемые и влиятельные, все высшие чины теперь утопали в разврате и излишествах, наплевав и на свою честь и на будущее государства. А потому, когда в Лидс — столицу Норфолка, стали приходить вести о следующих одна за другой завоеваниях конунга Харальда на севере, королевский двор застыл от ужаса. Будто пробудившись от долгого сна, королева обеспокоилась обороной вверенной ей страны, но всюду, куда бы она ни подалась, она находила лишь разруху и бардак: огромная казна, оставленная ей после смерти её отца, оказалась почти пуста; сильная, дисциплинированная армия разворована и развалена; бюрократический аппарат — главная артерия государственного организма — разъеден коррупцией. Будто плесень, деградация и нищета разрослись по всей структуре, затронув каждый её уголок, и уже Норфолк, как когда-то Каттегат, оказался ослабленным королевством, возглавляемым дряхлеющей правителем, которому противостояло набирающее, под руководством молодого амбициозного конунга, силу государство. Теперь Харальд, как Боудика когда-то, начинает кассировать чеки и реализовывать тот потенциал, что был заложен его почившей родительницей.

Однако на этот раз в этом уравнении есть ещё одна переменная. Каган Ротхен — некогда младший сын вождя небольшого племени кочевников, а теперь — правитель собственного, стремительно разрастающегося южного королевства. Появлению в людской молве его имени сопутствовало покорение двух небольших приморских торговых государств, но уже спустя всего пять лет он объединил под своей властью весь Юг вплоть до Жемчужного моря, угрожающе близко подойдя к границам Норфолка и Каттегата.

Ведомая надеждой, Боудика с радостью ухватилась за эту, как ей показалось, спасительную соломинку. Пригласив Ротхена в свою личную резиденцию и организовав ему пышный приём, она посулила тому всевозможные блага в обмен на помощь в отражении угрозы Каттегата. Выслушав её сбивчивые речи, Ротхен, восседавший за столом в окружении своих огромных, злобных воинов, усмехнулся и, осушив залпом кубок красного вина, указал пальцем в сторону сидящей по левую руку от матери Генриетту, грозно спросив:

— Твоя дочь, Боудика?

Дождавшись утвердительного кивка королевы, он отрезал:

— Она станет моей женой.

Услышав это, принцесса выронила вилку, умоляюще взглянув на мать. К её ужасу, та произнесла короткое:

— Согласна.

И как не пытались принцесса и кронпринц отговорить королеву, та осталась непреклонна.

Вот так, собрав пару дней назад свои вещи и выбрав несколько слуг и фрейлин, принцесса Генриетта, сев в бегатель, отправилась в Гуркуланум, некогда столицу королевства Пуны, а теперь один из северных форпостов Кагана — огромного государства её будущего мужа.

И всё бы ничего — её с детства готовили к такой участи, — но у Генриетты и Уильяма осталось одно незавершённое дело, связанное с семьёй их отца, короля-консорта Алекса. Их с королевой брак был не самым удачным, и после развода Боудика затаила большую обиду на своего бывшего супруга. Пока тот был жив, она не могла открыто выступить против него — Алекс занимал пост руководителя крупнейшей торговой гильдии Норфолка, но пару лет назад, когда экс-король скончался, королева развязала агрессивную кампанию против его семьи, стремясь лишить их влияния и всех активов. Втайне от матери, Генриетта и Уильям помогают своим родственникам, но им требуется ещё время для того, чтобы организовать окончательную эмиграцию родичей в Ладогу, попытавшись сохранить при этом хоть какую-то часть их имущества. И именно поэтому помощь Ангелины сейчас так необходима принцессе. Закончив с делами, Генриетта приедет в Гуркуланум и сразу же пошлёт Бронхилаю весточку с планом дальнейших действий. Ангелину вывезет в Ладогу одна из её двоюродных сестёр и передаст ей поместье и деньги, которые Генриетта оформит на имя Ангелины ещё будучи в Ладоге.

"После этого, — со вздохом проговорила принцесса, — я надеюсь, наши пути разойдутся. Навсегда."

И хоть Ангелина, памятуя обо всех неприятных выходках в её адрес со стороны Генриетты, не испытывала к той особого доверия, план этот показался ей вполне надёжным. По крайней мере, в одном девушка могла быть уверена точно — у неё есть как минимум пять десятков (оказавшимися в этом мире пятьюдесятью днями) для того, чтобы основательно подготовиться к побегу. А в необходимости скрыться от принцессы Ангелина не сомневалась — несмотря на заверения той о заинтересованности в ней, девушка отчётливо осознавала, что в сложившихся обстоятельствах для Генриетты будет куда менее проблематично и затратно избавиться от своего двойника, чем затрачивать большие ресурсы на сохранение её жизни просто "на всякий случай".

Поэтому всё отведённое ей время она планировала потратить на детальную проработку побега, включая изучение наиболее удачных маршрутов и выбор конечной дислокации — места, в котором она могла бы осесть, будучи уверенной в том, что её там никто не найдёт. Кроме того, Ангелине требовалось восполнить хотя бы базовые пробелы в её образовании — она не знала даже элементарных вещей! Нужны ли ей были какие-нибудь документы, чтобы поселиться где-либо? Везде ли она может свободно передвигаться? Ограничены ли здесь её права, как женщины? На каких принципах строится стратификация общества? Эти и ещё куча вопросов крутились в её голове, мешая уже сейчас выстроить хоть сколько-нибудь чёткий план действий.

Ну и последней проблемой, стоящей перед ней, были финансы. Куда бы она ни убежала, и каков бы ни был её статус здесь, у неё по-прежнему оставались базовые потребности, для утоления которых требовались деньги. Причём, в силу того, что работать она в этом мире не сможет довольно долго, капитал ей был необходим немаленький. Поторговавшись пару дней со своей совестью, Ангелина решила-таки попытаться закрыть этот вопрос за счёт принцессы — вернее, части её приданного и тех подарков, что ей преподнесёт каган Ротхен. В конце концов, Генриетта, всё-таки, станет королевой огромной и, что самое главное, явно

не бедной, страны, так что, она определённо не сильно обеднеет из-за потери нескольких украшений и монет.

Именно с этими мыслями Ангелина, распрощавшись с принцессой, села в большой, пустой бегатель и отправилась навстречу будущему супругу своего двойника. И именно об этом она думала, когда, разбуженная Бронхилаем, приводила себя в порядок, готовясь к встрече с Ротхеном.

Лёгкими движениями пальцев она нанесла на губы бледно-алую помаду, странной, кремообразной текстуры. Закрыв стеклянную склянку, она убрала её обратно в небольшую, отделанную красным бархатом шкатулку, бывшую, как поняла Ангелина, косметичкой. Достав небольшой кремовый платок, она тщательно вытерла пальцы, стараясь не допустить того, что бы на них осталась хоть капля красящего пигмента. Закончив, она аккуратно сложила испачканный помадой платок, засунув его обратно в косметичку, и достала маленький флакончик с парфюмом. По небольшой кабинке бегателя тут же разнёсся сладкий до приторности аромат спелой груши, вызвавший у девушки стойкую ассоциацию с дешёвым борделем. Хотя она никогда и не была там, но по какой-то странной причине в ней жила убежденность в том, что именно так в подобного рода заведениях и должно пахнуть — навязчиво и безвкусно. Аккуратно вылив на руку маленькую каплю, она нанесла парфюм на шею, на небольшой участок за ушами, и убрала флакон.

Наблюдавший за её действиями Бронхилай всё это время крутился на своём сидении. Его толстые руки с пальцами-сосисками рассеяно блуждали от волос лекаря, раз за разом приглаживая их, до забавных широких брюк, плотную ткань которых он сжимал в нервном ожидании.

Захлопнув шкатулку и отставив её в сторону, Ангелина перевела взгляд на него. Отметив нервозность мужчины, она понимающе спросила:

— Волнуетесь?

Вытянув свои толстые губы, Бронхилай неопределённо пожал плечами и, прочистив горло, ответил:

— А как же, госпожа... как иначе-то? Великий Душитель только знает, что у этих... дикарей в головах. Они ж безбожники все, да разбойники...

— Да ладно вам, — изо рта Ангелины непроизвольно вырвался нервный смешок, — мы же тоже не сразу такие цивилизованные появились. Когда-то и наши предки, будучи такими же дикарями Норфолк завоевали и отстроили.

— Так то когда было-то? Вспомнили тоже...

— Ну не убьют же они нас, в самом деле...

— Как же! Не убьют, — оттянув явно мешающий воротник белой шёлковой рубашки, лекарь покрутил головой, — но вот кровь попортят, точно вам говорю. Видали бы вы, госпожа, какие у них манеры! Едят прямо руками, не стесняясь. Вино в себя заливают махом, да ещё и не разбавленное! Ходят в каких-то, Божество помилуй, лохмотьях... а как от них разит потом да кровью — вы бы только учуяли, так сразу чувств бы лишились! Тьфу, дикарьё! Как есть дикарьё!

— Ох, — тяжело сглотнув, Ангелина напряглась. Оказаться в полнейшей антисанитарии — это не то, на что она рассчитывала! Не говоря уже о том, что ей, как человеку, чья иммунная система никогда раньше не встречалась с местными заболеваниями, в принципе стоило держаться подальше от мест скопления микробов!

Похоже, единственным, на что приходилось рассчитывать девушке, была лечащая магия.

Если с её помощью Бронхилаю удалось излечить довольно, по его утверждениям, серьёзные ранения, то уж с каким-нибудь пищевым отравлением или простудой он явно должен справиться.

Размышления Ангелины были прерваны внезапно раздавшим стуком в дверь. Мельком бросив взгляд на мигом подобравшегося Бронхилая, девушка громко произнесла:

— В чём дело?

— Ваше Высочество, — голос водителя слегка тонул во всеобщем гомоне кучи других голосов, — всё готово.

— Ну, вперёд, — поднявшись со своего сидения, тихо проговорила Ангелина.

Бронхилай, тотчас же вскочивший следом, засеменил за девушкой, продолжая трясущейся рукой приглаживать свои жиденские волосы.

Заслышавший звук приближающихся шагов водитель предусмотрительно распахнул перед принцессой дверь, пропуская вперёд главу королевской службы охраны. Высокая плечистая женщина с короткой причёской, отдав команду подчинённым, протянула Ангелине руку, помогая той выбраться из бегателя.

Поблагодарив военную за помощь, девушка огляделась. Ко времени их прибытия на город уже успела опуститься ночь, принёсшая с собой неприятную вечернюю прохладу. Лёгкие порывы ветра обдавали тело Ангелины своим ледяным дыханием, отчего та плотнее укуталась в свой тёплый, обитый песцовым мехом плащ. Окружившие её солдаты о чём-то тихо переговаривались, время от времени вглядываясь в темноту.

Встревоженная их поведением, девушка робко спросила у стоящей подле неё командирши:

— Что-то не так?

На протяжении всего путешествия Ангелина не переставала вздрагивать каждый раз, когда бегатель останавливался по какой-либо причине — наслушавшись историй Генриетты о злобном конунге Каттегата и огромном количестве разнообразных вооружённых шаек, промышлявших разбоем, она готовила себя к тому, что в любой момент на неё могут напасть и, как минимум, серьёзно покалечить.

— Не о чем беспокоиться, Ваше Высочество, — голос военной был грубым и глубоким, как у мужчины. — Ожидаем прибытия отряда кагана Ротхена.

— Слава Бог... Божеству, — с видимым облегчением произнесла Ангелина.

Спрятав руку в шерстяную муфту, она выпустила изо рта облачко пара, наблюдая, как оно постепенно рассеивается в воздухе. Интересно, а смогла бы она создать такое же с помощью магии? За те пару дней, что она провела здесь, ей удалось выяснить об устройстве местной магической системы совсем немного.

Ангелина смогла узнать, что магия здесь делится на разные виды, однако она не поняла пока, на сколько именно. Лично ей довелось столкнуться только с магией лечебной, к обладателям которой обращались "дин"; магией предметников, — "тол" — способных воздействовать на различные предметы для их перемещения — магия, которой обладали принцесса и, по заверениям Бронхилая, она сама; и, наконец, с боевой магией, её владельцев называли "кин". Ангелине пока ещё не довелось увидеть, как именно она работает, но, откровенно говоря, её это не слишком расстраивало. Она была бы не прочь вообще никогда не столкнуться конкретно с этим видом магии.

Существовало ли что-то ещё, девушка пока не удалось выяснить. Генриетта упомянула как-то в разговоре о жившей во дворце прорицательнице, но Ангелина не была точно

уверена, являлась ли та действительно магом, а не просто какой-нибудь шарлатанкой наподобие земной Ванги и прочих.

Кроме того, её очень заботило то, каким именно образом магия работала. В редкие минуты уединения она предпринимала попытки "магичить", но все они оказывались бесплодными — долгожданные светящиеся нити так и не появлялись на её руках, заставляя девушку злиться. Несмотря на не совсем презентабельное название, магия предметников казалась ей весьма полезной вещью — овладев ею, она смогла бы не только позволить себе унести на порядок больше ресурсов, но и, в случае чего, защитить себя, что было особенно важно в условиях засилья на дорогах разбойников.

Глубоко вздохнув, Ангелина зарылась носом в тёплый мягкий мех. Из-за долгого ожидания её тревожность начинала снова нарастать, а подгоняемая ею фантазия — разрабатывать различные негативные варианты развития событий. К счастью для нервной системы девушки, вскоре послышался шум колёс бегателя, а в стане солдат началось радостное брожение.

— Едут, — вытянув голову, проговорил водитель. — Ротхеновские?

— Да вроде... ротхеновские, — всматриваясь вдаль, задумчиво протянула командирша. — Рота, стройся!

Повинуясь приказу начальника, солдаты послушно выстроились таким образом, что бы создать вокруг Ангелины защитную стену из двух рядов вооружённых до зубов бойцов.

— Ждите здесь, Ваше Высочество, — бросив краткий приказ, военная направилась навстречу к незнакомой компании.

— А ежели это Харальд — подлец, ловушку уготовил? — Раздался за спиной Ангелины взволнованный голос Бронхилая.

— Да Великий Душителю тебя покарай, какой Харальд? — В ответ ему проговорил водитель. — Вона флаги сарайские на бегателе, присмотрись!

— И что, что флаги? — Лекарю снова принялся приглаживать свои редкие волосы. — Да разбили отряд ротхеновский и украли — большое дело! Было бы желаньице, а способы всего отыщутся...

— Так кабы отбили, флаги-то попачканы все были, да подраны. А эти целёхенькие! Сразу видно — новенькие.

— Новые-то, может, и новые... но не по себе мне как-то — уж слишком спокойно мы добрались. Не может быть, что бы этот подлец такой шанс упустил — хоть один отряд, но должен был направить, раз сам сейчас на севере занят.

— Да и что толку от одного отряда-то? Их наши — свистнуть не успели бы — быстро покрошили. Тут самому надо идти, иначе и смысла нету.

— Угу, "покрошили бы", как же... держи карман шире. А что ему ме...

Заметив стремительно приближающуюся к ним командиршу, Бронхилай резко умолк, вновь принявшись жевать свои губы.

— Ваше Высочество, добро. Это ротхеновские. Идёмте.

Кивнув, Ангелина послушно последовала за военной. Бросив взгляд через плечо, она заметила, как водитель самодовольно улыбнулся, снисходительно глядя на заметно раздосадованного из-за своего проигрыша в споре Бронхилая.

Подойдя к увенчанному большим, выполненным в красно-зелёных тонах флагом бегателю, солдаты разомкнули кольцо, пропуская принцессу вперёд. Руки девушки слегка потряхивало от волнения, когда невысокая, но крепко сбитая темнокожая женщина отвесила

ей неловкий поклон, отрывисто проговорив:

— Привэтствую вас на нашэй землэ, Вашэ Высочэство принцэсса Генриэтта Норфолкская. Я пэрвый возвода Сарая и сэстра кагана Ротхэна — Абантэс. И я здесь, чтобы доставить вас и ваших слуг в ваш будущий дом.

— Приятно познакомиться, Абантес. Благодарю вас.

Опершись на любезно подставленную сарайкой руку, Ангелина забралась в бегатель, разместившись на одном из сидений. Мгновением спустя вслед за ней вошла командирша в сопровождении пары солдат, после чего двери закрылись.

— А... где Бронхилай? — Растерянно произнесла девушка.

— Он поедет в центральном бегателе, — сухо отозвалась военная.

— Но почему, он же ехал со мной только что...

— В целях безопасности, Ваше Высочество. Он сядет у окна в центральном бегателе. Это гарантирует, что в случае нападения в первую очередь ударят именно туда, дав нам время на перегруппировку.

— Ясненько, — распахнув плащ, Ангелина откинулась на спинку сидения.

За всё это время она успела порядком утомиться от постоянной езды, и ей уже не терпелось поскорее прибыть на место. Она подумала о том, что с радостью расцелует своего будущего фиктивного супруга по приезду, если тот даст ей обещание никогда больше не подвергать её таким испытаниям.

Некоторое время в просторном салоне бегателя царила абсолютная тишина. Все её спутницы, застыв неподвижными статуями, сидели, мрачно уставившись в пол и не издавая ни звука. В какой-то момент у Ангелины даже возникло желание проверить, не умерли ли они, но их мерно вздымающиеся грудные клетки ясно свидетельствовали в пользу того, что те ещё живы.

Спустя некоторое время в голову девушки пришла одна идея.

— Командир... простите, я не знаю вашего имени, — повернувшись к военной, негромко начала она.

— Кин Семпрония Мерло, Ваше Высочество.

— Семпрония, не могли вы ответить на пару моих вопросов?

— Как прикажете, Ваше Высочество.

— Ну да... я хотела бы узнать у вас о вашей магии... как она работает?

— Прошу прощения, Ваше Высочество, я не понимаю вашего вопроса.

— Я имею в виду... мне интересно, похожа ли ваша магия на мою, понимаете? Что вы делаете, чтобы её... ну, запустить. Как вы её ощущаете. Мне это любопытно.

— Зависит от ситуации, Ваше Высочество.

— Да-да, это понятно. Но как она приходит в действие? Силой мысли? Или это какие-то движения особые?

— Я... я никогда об этом не задумывалась, Ваше Высочество. Она сама появляется, когда мне нужно и пропадает, когда становится не нужной.

— Понятно...

Расстроенная её ответом, Ангелина прикусила нижнюю губу, откинувшись обратно на сидение. В салоне вновь установилось тягостное молчание.

К счастью, вскоре бегатель остановился. Положив руку на рукоятку меча, Семпрония подошла к двери и, открыв, выглянула наружу.

Насторожившись, Ангелина сжала в руках край своего мехового плаща, но, к её

облегчению, повернувшись к ней командирша произнесла долгожданное:

— Прибыли.

Ангелина быстро поднялась. Полы плаща неожиданно распахнулись, заставив девушку на мгновение отвлечься, но уже в следующую секунду она, надёжно укутанная, направилась к двери.

Покинув с помощью Семпронии бегатель, она засунула руки в муфту, остановившись. Пространство перед ней представляло собой хорошо освещённую многочисленными факелами улицу, полную людей, облачённых в тяжёлую железную кольчугу. Только если кольчуга на норфолкских воинах была накинута на форму, состоящую из плотных тёплых рубашек и штанов, заправленных в высокие сапоги из кожи какого-то короткошёрстного животного, то на сарайских солдатах красовались доходившие почти до середины бедра туники из грубой ткани. Помимо этого сарайские войны отличались своим внушительным телосложением — высокие и хорошо сложенные, они выгодно выделялись на фоне чуть менее крупных норфолкских бойцов. Кожа у всех сарайцев была светло-карамельного оттенка, при одном взгляде на них становилось понятно, что они — дети жаркого Юга.

От общей когорты воинов отделился один — такой же крепкий и черноволосый, как и его товарищи. Он решительно приблизился к Ангелине и, отвесив поклон, глубоким грудным басом произнёс:

— Привэтствую тэбя, нэвэста. Как прошло твоё путэшэствиэ?

Мужчина — и бывший, по-видимому, каганом Ротхеном — говорил с небольшим акцентом, что сразу выдавало в нём чужестранца. Чуть смутившись, Ангелина ответила:

— Приветствую тебя, каган Ротхен. Благодарю, путешествие прошло спокойно. Мы только немного устали с дороги.

— Тогда прошу всэх гостэй пройти в мой дворэц — там вас ждёт эда и горячээ вино, — договорив, мужчина протянул девушке руку, приглашая её следовать за ним.

Вложив свою прохладную ладонь в большую и тёплую его, Ангелина едва заметно вздрогнула. Забавно, но... всё это время, когда она добиралась сюда, она думала о целой куче разных вещей: о побеге, о магии, о своём мире, о тётке, о Генриетте, о разбойниках... Но ни разу она не размышляла о том, каким окажется её фиктивный жених. Почему-то, услышав о его многочисленных завоеваниях, она моментально нарисовала себе в голове образ уже немолодого, вечно растрёпанного дикаря, живущего в шатре, наподобие Аттилы или Чингисхана, и приняла это как данность. Она никак не могла представить себе, что каганом Сарая окажется кто-то с настолько крышесносным голосом и чарующей внешностью!

А внешность мужчины действительно оказалась чарующей. Лицо его, казалось, было вылеплено каким-то античным скульптором — точённые, правильные черты, сложенные из прямых, строгих линий. Его раскосые чёрные глаза — явное свидетельство наличия примеси азиатских генов — были полностью лишены ресниц, что, вопреки ожиданиям, придавало его взгляду большей выразительности. Прямой нос хоть и выделялся своим чуть великоватым размером, но вполне гармонично, тем не менее, вписывался в общий образ, делая его более мужественным. Пухловатые губы, бывшие слегка обветренными из-за постоянного участия в военных походах, выглядели чувственными и мягкими. Подбородок мужчины был чисто выбрит, а средней длины чёрные волосы собраны в тугий хвост на затылке.

Осторожно шагая по выстланному мрамору полу, Ангелина глубоко дышала, вдыхая исходящий от него лёгкий запах пота и вина. Это навеяло ей воспоминания о её разговоре с

Бронхилаем, и она невольно улыбнулась — каким образом лекарю удалось описать его настолько точно и, одновременно с этим, настолько неправильно? Обличие и повадки мужчины явно выдавали его дикарскую натуру, но, вместе с тем, они и придавали ему особый притягательный шарм. Ангелина не видела, что бы кто-то в этом мире использовал лошадей для передвижения, но при одном взгляде на кагана Сарая она представила его скачущим где-то в степи с огромным мечом в руке, нещадно кромсающим в пыли битвы врагов, а после пирующим со своими дикарями-собратьями в окружении их трупов. От Ротхена исходила сумасшедшая энергетика необузданной страстности — сколько бы лет ему не было в действительности, Ангелине он виделся молодым и полным неукротимой дикой, безумной энергии.

Когда они остановились у высокой двери из полированного светлого дерева, Ротхен отпустил руку Ангелины, проговорив:

— Здесь будут твои покои, Генриэтта. Располагайся. Слуги помогут тэбэ с купанием и потом проводят тэбя вниз, гдэ будэт проходить ужин.

— Благодарю, Ваше Велич...

— Ты можэшь обращаться ко мнэ моим имэнэм. Завтра мы станэм мужэм и жэной друг другу, эти... обращэния нам будут нэ нужны.

— Хорошо, Ротхен.

Кивнув, каган развернулся, оставив свою невесту в одиночестве. Проводив его взглядом, девушка повернулась к двери и, глубоко вздохнув, толкнула её.

Вопреки ожиданиям та с лёгкостью поддалась, впуская её в огромную, выполненную в светлых тонах комнату, в которой, как оказалось, её ожидали трое молоденьких девушек, одетых в просторные серые брючные костюмы. При появлении Ангелины они тут же повскакивали со своих мест, склонившись в глубоком поклоне.

Не ожидавшая такого приёма девушка на некоторое время оторопела. Но быстро взяв себя в руки, сказала:

— Здравствуйте. Вы мой служанки, да?

— Да, Вашэ Высочэство, — не поднимая головы, ответила одна из девушек.

— Вы можете э-э-э закончить... с поклонами.

Девушки послушно распрямились, продолжая при этом смотреть в пол.

— А-а-а я бы хотела принять ванну, а потом спуститься куда-то вниз на ужин. Вы бы не могли показать мне, где что находится?

— Конечно, Вашэ Высочэство. Вэликий каган наказал служить вам, мы готовы выполнить любой ваш приказ.

— Вау... — будучи порядком утомлённой долгой дорогой, Ангелина нетерпеливо провела рукой по волосам. — Окей, слушайте. Я просто нереально устала трястись в этом... бегателе часами напролёт и мне хочется сейчас побыстрее искупаться, поесть и лечь уже, наконец, спать в нормальную кровать. Поэтому давайте мы отложим всю эту э-э-э раздачу почестей и поскорее со всем покончим, ладно?

Синхронно кивнув, служанки приступили к работе.

— Мне нужно будет проходить в нём весь вечер? — Кивнув на ожерелье из отполированных, подозрительно напоминающих человеческие, маленьких костей, неуверенно спросила Ангелина.

На её лице плясали тени от многочисленных горящих свечей, освещавших большую, просторную спальню. Время от времени вспыхивали коричневые полосы магии и по комнате проносились различные баночки, флакончики и ткани, оседая на руках у проворных служанок. Лёгкий запах дыма, витавший в воздухе, щекотал ноздри Ангелины. Пожалуй, именно этот навязчивый и вездесущий запах палённого дерева стал для неё — девушки, никогда не жившей в доме с камином и не пользовавшейся свечами и масляными лампами — одним из самых удивительных открытий. Она искренне надеялась, что в скором времени сможет привыкнуть к этому, потому как перспектива настолько остро обонять подобное каждый раз перед сном её серьёзно огорчала.

— Конечно, госпожа, — Кастилия, бывшая, как поняла девушка, кем-то наподобие свахи, любовно провела пальцами по жуткому украшению. — Это — обэрег Таа. Мы почитать эё, потому что она давать нам свою силу матэри. Если жэнщина входит в брак с нэй, то она имэть много дэтэй.

Тяжело поднявшись, Кастилия грубовато оттолкнула одну из занятых волосами Ангелины служанок, подойдя к смиренно сидящей на неудобном деревянном стульчике принцессе. Вытянув полные руки, женщина, кряхтя, приложила к груди той неприятно стучащее при каждом движении ожерелье. Придирчиво оглядев новобрачную, она недовольно цокнула, покачав головой, и быстро проговорила что-то на сарайском. Одна из служанок резво кивнула, вновь принявшись рыться в груди присланных Ротхеном платьев.

Тяжело ступая, Кастилия заняла своё прежнее место на небольшом диванчике. Наблюдая за приземлением "свахи", Ангелина неслышно прыснула, про себя порадовавшись тому, что корпус многострадального дивана был отлит из довольно прочного на вид металла.

— Ох, вот оно что... — наконец ответила она. — А из чего оно сделано? Это чьи-то кости, да?

— Да, госпожа. Это — кости от дэтэй, которыэ рано спускаться вниз, потому что быть нэугодны Таа. Болэть. Они привлэчь эё вниманиэ, когда быть на вашэй шээ и она прийти. Тогда мудрэц попросить эё дать вам плодородия.

Услышав это, Ангелина непроизвольно скривилась. Она хотела было начать препираться с Кастилией, но, пораздумав немного, осознала, что это в любом случае не приведёт ни к чему хорошему. Как бы она не бунтовала и не капризничала, ей всё равно придётся надеть то, что ей скажут, а лишние возмущения только отнимут время и подорвут к ней доверие сарайцев и особенно кагана Ротхена. А этого она никак не могла допустить — Ангелине хватило всего одной проведённой с ним и его диковатой братией совместной трапезы для того, чтобы понять: организовать побег под носом этих ребят будет крайне сложно.

Первым, что она заметила, спустившись накануне к ужину, было обилие вооружённых, крепких воинов, рассевшихся за длинным каменным столом. Плечистые и высокие, они возвышались над её соплеменниками, бросая в их сторону угрожающие взгляды. Те же, выпрямив спины, сидели с лицами, в каждом из которых читалось выражение

нескрываемого отвращения.

Заметив её, сарайские воины неприятно оскалились, чётко давая понять Ангелине, каково на самом деле их отношение к выбору кагана. Сопровождаемая их полными презрения взглядами, она, окружённая служанками, опустилась на большое, выкованное из железа кресло, по левую руку от Ротхена. Робко осмотрев присутствующих, Ангелина отыскала Бронхилая — зажатый между двумя сарайскими женщинами в кольчуге, он сидел с красным лицом, практически не дыша. Его чуть измявшийся жёлтый костюм оказался самым ярким пятном во всей трапезной, из-за чего окружающие то и дело бросали на него насмешливые взгляды. На другом конце стола, почти у самой двери, девушка заметила Семпронию, которая с явным удовольствием вгрызалась в огромный, истекающей жиром кусок жареного мяса, запивая его периодически вином. Похоже, матёрую командиршу мало смущали враждебно настроенные сарайские бойцы — не обращая ни на кого внимания, она самозабвенно наслаждалась едой и питьём.

Последовав её примеру, Ангелина потянулась к блюду с мясом. Выбрав наименее жирный кусок, она переместила его на стоящую подле неё плоскую серебряную тарелку, в очередной раз отметив, насколько окружавший её интерьер диссонировал с образами сидящих за столом дикарей. Свободные в своих манерах и поведении, они использовали все имеющиеся во дворце предметы быта без особой осторожности и понимания их уместности, будучи не способны осознать их истинную ценность. Они сминали, хватали грязными руками, нещадно царапали столовыми приборами изящную посуду, с присущим варварам равнодушием к её искусности, будто насмехаясь над тем, величие чего не могли постигнуть.

В просторной трапезной воцарилась напряжённая тишина, прерываемая лишь негромким чавканьем и звоном серебряных бокалов. Сарайцы и норфолкцы то и дело переглядывались друг с другом — в лицах и тех и других читалась едва сдерживаемая неприязнь. Каждый из них тянулся ближе к своим соотечественникам, подчёркивая установившуюся между ними дистанцию.

К счастью, спустя какое-то время, когда все уже почти насытились, Ротхен, отложив в сторону обглоданную кость и вытерев руки о кусок лежащей на столе тряпки, прервал раздражающее молчание. Повернувшись к Ангелине, он негромко произнёс:

— Тэбэ понравились твои покои, принцэсса?

Поставив опустевший бокал на стол, девушка, чуть заплетающимся из-за выпитого вина языком, кивнула, вежливо ответив:

— Мне всё очень понравилось, благодарю ва... тебя за такой хороший приём.

— Я рад, — смерив её взглядом, проговорил мужчина. — Как тэбэ служанки? Мы можэм нанять других — из Норфолка, — эсли ты желаэш.

— Нет, в этом нет необходимости, — поспешно произнесла Ангелина. — Служанки превосходные — всё сделали быстро и как я хотела. Они меня абсолютно устраивают.

— А куда жэ дэлись ваши служанки, принцэсса? — Насмешливо спросила сидящая по правую сторону от Ротхена Абантес. — И ваши... бэнту рих элд, эти, фрэйляин? Нэужто помэрли от страха, пока к нам добирались?

Сарайцы мгновенно загоготали, будто услышали невероятно остроумную шутку.

— Мне пришлось отправить их обратно, — дождавшись, когда смех стихнет, уверенно ответила Ангелина. Мысленно она вознесла благодарность Генриетте за то, что та предусмотрительно обговорила с ней этот момент, спася её от попадания в крайне щекотливую ситуацию. — Мы с ними не ладили — их набирала для меня моя мать. В конце

концов, нам с ней удалось договориться и скоро она пришлёт тех фрейлин и слуг, которых хочу уже я.

— Вар ту симэн голь! — От радостного возгласа сидящего неподалёку молодого сарайского парня все снова взорвались громким смехом, сопровождаемого на этот раз уничижительным улюлюканием.

Норфолкцы тут же напрялись. Отложив столовые приборы, они синхронно потянулись к оружию, предупреждая зыряка в сторону насмешливо на них смотрящих сарайцев. Казалось, будто дикари намеренно подталкивали своих недругов инициировать скандал, дабы получить законный повод начать вооружённую стычку.

— Лахденмоль! — Громкий окрик Ротхена заставил его подчинённых замолчать. — Вар ку рибен грос! Ит ген шейн! — Ангелина не понимала произносимых каганом Сарая слов, но, судя по посеревшим лицам сарайских воинов, сказанное её будущим супругом вряд ли было чем-то приятным.

Когда Ротхен закончил, в трапезной снова воцарилась гнетущая тишина. Напряжение, повисшее в воздухе, было почти осязаемым, казалось — издай хоть кто-то посторонний звук, как тотчас же начнётся массовое побоище. Будучи уязвлённой всей этой ситуацией, девушка неподвижно сидела, облокотившись о стол, и думая о том, насколько сильно она недооценила всю сложность своего нынешнего положения. Похоже, не только норфолкцы, но и сами сарайцы смотрели на их будущий союз с большой неприязнью, а на саму принцессу — с презрением и недоверием.

А потому сейчас, сидя в окружении присланных Ротхеном женщин, она смиренно выполняла все указания грубоватой Кастилии, стремясь продемонстрировать как самому кагану, так и его людям свою полную лояльность. Понимая, что за такой короткий срок ей не удастся завоевать расположение всех сарайцев, она хотела хотя убедить их своей полной безобидности в надежде, что в нужный момент её хорошая репутация положительно скажется на их бдительности и даст ей большую фору. А дальше останется только уповать на то, что скрывающуюся у своих родственников Генриетту они найдут первой — в конце концов, где ещё искать сбежавшую жену, если не у кого-нибудь из членов её семьи?

Продолжая источать покорность, Ангелина поднялась, позволяя — уже в который раз за весь вечер — служанке переодеть её в другое, на этот раз зелёного цвета, свободное длинное платье. Его ткань, грубоватая и тонкая, неприятно царапала кожу, но Кастилия объяснила ей, что оно исключительно ритуальное, поэтому, к облегчению Ангелины, ей не придётся постоянно мучиться, нося подобную одежду.

По прошествии ещё пары часов сборы были, наконец, окончены. Подойдя к большому, высеченному из обсидиана зеркалу, Ангелина осторожно провела рукой по своим волосам. Её длинные, густые локоны остались распущенными — только отдельные пряди были заплетены в тонкие, слабые косички, закреплённые разноцветными лентами. Просторное зелёное платье с длинными рукавами почти целиком скрывало тонкую фигуру, только ступни ног, исписанные непонятными рисунками, робко выглядывали из-под подола. На шее красовалось жуткое украшение из костей, при одном взгляде на которое горло Ангелины сводило в судороге. Образ её фонил сумасшествием, и в какой-то момент, глядя на себя, она даже подумала, что всё это — просто злобная шутка Кастилии. Неужели в подобном марафете действительно была необходимость?

Тряхнув головой, девушка выдохнула. Какая ей разница, собственно? Всё это — проблемы Генриетты, а не её. Она отыграет свою роль, насколько бредовой бы та ей не

казалась, и распрощается со всем этим навсегда. А принцесса пусть сама уже разбирается и со странными традициями народа своего супруга, и с неприязнью его подданных.

Ангелина повернулась к Кастилии. Взяв предложенный пожилой дамой локоть, она отправилась навстречу своей судьбе.

* * *

Стук барабанов эхом отдавался в голове Ангелины пока она, осторожно ступая, шла навстречу к стоящему возле диковатого вида женщины Ротхену. Одетый в песочного цвета просторные рубашку и брюки из той же грубой ткани, он внимательно рассматривал её, и на лице его читалось удовлетворение. Смущённая этим откровенно ласкающим взглядом, Ангелина зарделась, и по лицу её пробежала волна смущения, окрасив его в розовый. Сжав от волнения ладони, она выдохнула, постаравшись успокоиться. Её нагие ступни приятно щекотали какие-то незнакомые девушке сухие листья, источавшие пьянящий сладковатый аромат. Украдкой разглядывая собравшихся, она невольно улыбнулась, заметив в толпе недовольных Семпронию и Бронхилая. Каким-то образом их присутствие вселило в неё силу духа — хоть они и не были друзьями, сейчас, здесь, будучи в окружении готовых вцепиться ей в глотку злобных исполинов, эти двое казались ей единственными близкими людьми, и их присутствие внушало ей маломальскую уверенность.

Дойдя, наконец, до Ротхена, Ангелина остановилась. Странная женщина с седыми растрёпанными волосами в тот же миг подняла обе руки вверх. Её жирно подведённые чёрным водянистые глаза безумно сверкнули. Внезапно раздававшийся до этого гомон стих, и на площадь опустилась тишина.

— Тэрбэ угарит! Бэркё, лузамин бравэ, — голос незнакомки оказался надтреснутым. Удачно дополняя её внешний облик своей хрипотцой, он погружал окружающих в атмосферу чего-то эсхатологического, заставляя внимать.

Вывернув свои морщинистые костлявые руки, старуха затянула какую-то заунывную песню на непонятном Ангелине языке. Многочисленные тонкие браслеты из золота и серебра, свободно болтавшиеся на тонких запястьях женщины, аккомпанировали её заунывным завываниям. Странно извиваясь, она принялась пританцовывать в странном, совершенно неподходящем под её песню ритме. Движения её были резкими — ломанные линии рук и ног стремительно прерывались. Казалось, будто она пыталась изобразить ими что-то, но каждый раз неизвестная сила препятствовала этому.

Ангелина опёрлась на правую ногу. Будучи взволнованной перед церемонией, она так и не смогла нормально выспаться, и теперь ей хотелось лишь одного — что бы весь этот спектакль поскорее кончился, и она смогла, наконец, как следует отдохнуть.

К счастью, пение женщины резко прервалось. Руки её повисли мёртвыми плетью вдоль тела, и сама она странно сгорбилась. Не понимая, что происходит, Ангелина украдкой бросила взгляд на Ротхена. Тот, продолжая неподвижно стоять, спокойно наблюдал за старухой. Лицо его было лишено всяческих эмоций — казалось, он не воспринимал всё происходящее всерьёз. Сбитая с толку его реакцией, девушка снова уставилась на продолжающую изображать горбатое чучело женщину. Внезапно до ушей Ангелины донёлся едва уловимый стук барабанов. Постепенно нарастая, он становился всё громче. Будто ведомая этим звук, начала медленно "оживать" и старуха. Сначала руки, а после и она сама, будто находясь в экстазе, затряслись в странных конвульсиях.

Когда барабаны стихли, она снова остановилась, но на этот раз подхватив два движущихся к ней на своеобразной "подставке" из коричневых магических нитей железных

кубка, практически до краёв наполненных чем-то. Протянув эти кубки Ангелине и Ротхену, она снова произнесла что-то непонятное, дав жестом знак выпить из них.

Осторожно приняв напиток, девушка зажмурилась, медленно втягивая в себя горьковатую, отдающую алкоголем жидкость. Горло её тут же обжёг его терпкий, неприятный вкус. Преодолевая отвращение, она быстрыми глотками прикончила всё содержимое кубка. Стоило Ангелине передать старухе уже опустевший сосуд, как тишина в то же мгновение взорвалась радостными, одобрительными криками, сопровождаемыми позвякиванием металла. От неожиданности девушка вздрогнула. Быстро вытерев губы тыльной стороной ладони, она повернулась к не сводившему с неё глаз Ротхену. Склонившись к Ангелине, он мягко заключил её прохладную тонкую ладонь в свою, тихо прошептал:

— Идём, жэна.

Не негнувшись от волнения ногам, теснимая толпой спешащих их поздравить людей, она всё же добралась до выстланной мрамором террасы дворца, где Ротхен, склонившись, надел ей на ноги заранее подготовленную мягкую, напоминающую угги обувь из светлой кожи. Негромко поблагодарив его, Ангелина снова раскраснелась, стоило мужчине улыбнуться в ответ на её слова.

Сопровождаемые радостно гудящей и выкрикивающей поздравления толпой, они добрались до огромной, заставленной полными различными закусками столами, комнаты. По периметру её было установлено множество масляных фонарей, из-за чего, несмотря на позднее время, трапезная оказалась хорошо освещённой. Натёртые слугами мраморные полы сияли, отражая высеченные на стенах замысловатые рельефы. В принципе, как успела заметить Ангелина, всё помещение дворца несло в себе отпечаток изысканности и роскоши. Полы, стены, потолок, многочисленные резные колонны — казалось, каждая деталь этой огромной по своим масштабам постройки представляла собой самостоятельно произведение искусства, познать глубину и величие которого мог лишь человек с очень тонким вкусом.

Подойдя к центральному столу, молодожёны разместились посередине таким образом, чтобы оставаться в поле зрения каждого гостя. Дождавшись, когда все разместятся, Ротхен поднял кубок с вином, громко проговорив:

— За долгий и крепкий союз, дерш!

Подняв кубки, гости громко прокричали "дерш!" в ответ, выпив. Не желая никого обидеть, Ангелина тоже пригубила немного вина. Её руки едва заметно тряслись — то ли от холода, то ли от волнения, — поэтому, когда она отставила свой кубок на место, вино в нём немного расплескалось. Заметив это, Ротхен склонился над ней, тихо спросив:

— Тэбэ нэ нравится вино, жэна?

— Нет, я просто, — нервно пригладив волосы, Ангелина заставила себя повернуться лицом к мужчине, — я просто уже выпила на церемонии, мне уже достаточно.

— В Норфолкэ мнэ говорили, что ты любишь пить вино, — наклонившись ещё ниже, он насмешливо продолжил, — и быть с мужчинами.

— Это ложь! — Забывшись, возмущённо воскликнула Ангелина.

При виде её реакции Ротхен хрипло рассмеялся.

— Я нэ собирался судить тебя за это, — глядя ей в глаза, произнёс он. — Ваши порядки и вашэ строгое Божэство лишаэт вас, сэвэрян, свободы, — мужчина на секунду прервался, накладывая ей аппетитно пахнущее мясное жаркое. — Я видэл много сэвэрных жэнщин — они всё были красивыми, но холодными. А я нэ люблю холод, я люблю жар. Огонь. И я

увидел это в твоих глазах тогда. Ты красивая, как сэвэрянка, но страстная, как южанка. Мне нравится это.

Смущённая его откровенностью, Ангелина неловко поёрзала, не находя, что ответить. К счастью для неё, вскоре прозвучал ещё один тост, и Ротхен, повернувшись к гостям, вновь поднял кубок.

Потянувшись к своему кубку, девушка снова немного пригубила и, вернув его на место, принялась за еду.

Гости довольно переговаривались, периодически чокаясь и поднимая кубки в честь очередного тоста. То тут, то там раздавался пьяный гогот, над столами, не переставая, струились коричневые потоки магии, заполняющие опустевшие кувшины с вином и кубки, убиравшие лишнюю посуду и всякий мусор.

Спустя какое-то время некоторые из гостей, достигнув, по-видимому, нужной кондиции, принялись исполнять различные баллады, аккомпанируя себе барабанами или странным струнным инструментом, напомнившим Ангелине гитару. Некоторые, особо опьяневшие, выскочив в центр комнаты, начали весело выплясывать, во всё горло подпевая своим товарищам.

Наблюдавшая за этим Ангелина невольно заволновалась — слишком уж отчётливо всё происходящее напоминало ей о всех тех попойках, что перманентно устраивала её тётка, и от которых она так старалась уйти, в свои шестнадцать съехав в университетское общежитие. При воспоминании об этом сердце девушки невольно сжалось. Забавно. Раньше ей всегда казалось, что она ненавидит свою непутёвую тётушку и что с радостью забудет о ней, как только уедет жить в Молдову или Сербию. Но только сейчас, оставшись без неё, она осознала, насколько на самом деле та была для неё важна. Пускай Светлана и была безответственной алкоголичкой, но она давала Ангелине самое главное — ощущение того, что она не одна. Пусть тётка и оставалась последним человеком, к кому девушка пришла бы пожить в случае форс-мажора, но она хотя бы была этим вариантом. А теперь у неё нет и этого. Сейчас ей действительно некуда пойти и не у кого просить помощи. Она абсолютно одна, и надеяться она может только на себя.

Смахнув выступившие на глаза слезы, Ангелина незаметно поднялась. Мгновенно повернувшийся к ней Ротхен негромко спросил:

— Тэбэ нэхорошо, жэна?

— Нет, всё в порядке, — пряча увлажнившиеся глаза, быстро проговорила девушка, — хочу найти Семпронию и Бронхилая, узнаю, как у них дела.

— Будь осторожнээ и нэ выходи за прэдэлы дворца — это можэт быть опасно.

— Ладно.

Держась подальше от столов с бурно празднующими гостями, Ангелина быстро отыскала взглядом старого лекаря. Верх его гумозного жёлтого костюма красовался на широких плечах его соседа-сарайца — седовласого худощавого мужичка, с интересом внимающего что-то рассказывающему ему Бронхилаю. Волосы лекаря, всегда зачёсанные строго влево, были растрёпанны, одним куцым куском свисая с правой стороны почти лысой головы. Лицо его покраснелось от явно немалого количества выпитого вина, глаза казались наполовину прикрытыми.

Оценив состояние Бронхилая, Ангелина решила обойти мужчину стороной и не рисковать — кто знает, может у него откроется, как это порой бывает с пьяными, фонтан красноречия и он решит поделиться со всеми их маленьким секретом. Хоть девушка и

сомневалась в том, что кто-то посчитает это чем-то большим, чем просто пьяные бредни, но допускать возникновения даже малейших сомнений в её честности она не собиралась.

Осмотрев комнату, Ангелина заприметила, наконец, Семпронию. К её радости, женщина сидела в компании других норфолкцев и была, судя по всему, вполне трезвой. Заметив стремительно приближающуюся к ней принцессу, та поднялась, выйдя к ней навстречу. На лице её отражалось лёгкое беспокойство.

— Ваше Высочество, что-то случилось? — Поравнявшись с Ангелиной, без обиняков спросила она.

— Нет, всё в порядке. Я просто пришла спросить, как вы устроились и не нуждаетесь ли вы в чём-нибудь.

Военная на долю мгновения застыла, изумлённо уставившись на принцессу. Но быстро справившись с шоком, уверенно ответила:

— Нас обеспечили всем необходимым, Ваше Высочество.

— Это хорошо...

На некоторое время между ними воцарилось неловкое молчание. Нервно покусывая губы, Ангелина лихорадочно перебирала в голове различные темы, отчаянно ища возможность продолжить разговор с Семпронией.

— А когда вы уезжаете? — Помолчав ещё немного, проговорила она.

— Завтра.

— Понятненько... ладно, я... пойду уже. До встречи.

— До встречи, Ваше Высочество.

Сторая от неловкости, Ангелина поспешила вернуться обратно. Едва не столкнувшись по дороге с начавшими драку мужчинами, она добралась до своего места, которое во время её отсутствия, как оказалось, уже успела оккупировать вальяжно раскинувшаяся на её кресле Абантес.

Заметив супругу, Ротхен легонько толкнул сестру вбок, что-то сказав на сарайском. Скривившись, сарайка повернулась в сторону Ангелины и, демонстративно закатив глаза, привстала.

— Нет, не стоит, — выставив ладони вперёд, поспешно произнесла девушка. — Я всё равно шла сказать, что уже устала и собираюсь подняться наверх, в свои покои.

— Нэнадолго жэ тэбя хватило, сэвэрянка, — хохотнула Абантес. — Смотри, брат, какая нэвыносливая у тэбя жёнушка. Ставлю золотой на то, что нэ минуэт и дэсятка, как ты побэжишь за утэшэниэм к южанкэ.

Восседавшие неподалёку сарайцы пьяно заржали. Ротхен прикрикнул на них, злобно зыркнув на сестру.

Не дав ему ничего ответить, Ангелина быстро проговорила:

— Я буду в своей комнате.

И, развернувшись, стремительно двинулась к выходу, стараясь игнорировать вновь раздавшийся за её спиной громкой смех.

Сдерживая готовые вот-вот вырваться наружу слёзы жгучей обиды, она быстро поднялась по широким каменным ступеням, минуя заинтересованно поглядывающих на неё шныряющих по дворцу слуг. Открыв дверь в свою спальню, Ангелина тут же юркнула внутрь и, стащив через голову людоедское ожерелье, швырнула его на обитый красной тканью диванчик.

Не прошло и минуты, как в комнате показались служанки.

— Приготовьте мне ванну, пожалуйста, — не глядя на девушек, устало приказала Ангелина.

* * *

Удерживая одной рукой на груди обмотанную вокруг тела ткань, другой Ангелина осторожно прочёсывала чуть влажные после мытья волосы. Огонь в камине приятно трещал, успокаивая разыгравшиеся нервы девушки и создавая ощущение уюта. Тепло, исходящее от него, согревало, а лёгкий запах дыма, встревоживший девушку изначально, был едва заметным.

Сладко зевнув, Ангелина наклонилась, принявшись активно трясти головой. От усталости она готова была растянуться прямо на этой, лежащей возле камина, шкуре похожего на медведя странного зверя, но ещё влажные волосы, которые она так недалёковидно решила вымыть на ночь глядя, не давали ей этого сделать.

Проклиная себя за глупость, Ангелина выпрямилась и, подойдя ещё ближе к соблазняющему своим жаром пламени, снова принялась взбивать свои пряди. Безучастно глядя на медленно сгораемый огнём кусок дерева, она напрягла слух в попытке понять, разошлись ли уже гости или же они собирались пьянствовать всю ночь. Ангелину вовсе не беспокоила перспектива остаться без сна из-за шума гуляний — до её покоев едва долетали отголоски веселья, — печальный опыт жизни с алкоголичкой научил её со страхом относиться к перспективе засыпания в компании нетрезвых людей. Пусть сейчас она и была, вроде как, неприкасаемой фигурой, глубоко укоренившееся чувство тревоги не позволяло окончательно расслабиться, и отсутствие на её двери замка только усугубляло ситуацию.

Почувствовав дискомфорт в руке, Ангелина недовольно простонала. Вся отданная ей Генриеттой одежда подходила разве что для королевских приёмов и церемоний, и не было абсолютно ничего, что она могла бы надеть после приёма ванны! Она, конечно, не рассчитывала на махровый халат или комплект из шорт с майкой, но должна же была принцесса оставить хотя бы одну простенькую ночнушку! Неужели Ангелине перед сном придётся теперь всё время ходить замотанной в это подобие полотенца? Немыслимо! А что она будет надевать во время сна? У неё ведь даже не было нижнего белья! Или все здесь спят в чём мать родила? А что делать, когда у неё начнутся месячные? На что ей крепить прокладку, если нет трусиков? А где она возьмёт саму прокладку? Как вообще местные относятся к таким вещам? Сможет ли она свободно спросить об этом служанок, не опасаясь того, что те от смущения хлопнутся в обморок?

"Господи, — из груди девушки вырвался стон. — Угораздило же меня вляпаться в такое... поподалово..."

Размяв руку, Ангелина постояла некоторое время, прикидывая что-то в уме. Приняв, спустя время, для себя решение, она кивнула и, развязав небольшой узелок на груди, отшвырнула в сторону влажную ткань.

Постояв так некоторое время, она тряхнула головой и, выставив руку вперёд, попыталась вспомнить, о чём ей говорила Семпрония. Гипнотизируя взглядом "полотенце", Ангелина мысленно взвала к нему, клятвенно убеждая его в испытываемой в нём нужде. К её огорчению, кусок ткани не сдвинулся ни на йоту, продолжив так же безучастно лежать на холодном мраморе. Злобно топнув ногой, девушка попробовала снова, на этот раз попытавшись визуализировать в голове, как коричневые нити, вытекающая из её рук, медленно притягивают к ней вожаделенный предмет. Однако и на этот раз её старания не увенчались успехом.

— Да блин! — Раздражённо воскликнув, Ангелина отвернулась в сторону. — Капееец, да как же это делается?

Предприняв ещё несколько оказавшихся такими же бесплодными попыток, Ангелина сдалась. Дав себе обещание возобновить свои занятия утром, она, не найдя хоть чего-то похожего на сушилку для белья, разложила полотенце на невысоком столике. Устало потянувшись, девушка зевнула. Те несколько дней, что прошли с тех пор, как она оказалась в этом странном мире, выдались для неё нелёгкими и богатыми на события. Определённо, её авантюра оказалась куда более сложной в исполнении, чем она ожидала, и теперь ей придётся обстоятельно поразмыслить над тем, как из всего этого выпутаться с наименьшими для неё потерями.

«Но сначала, — продолжая зевать, решила Ангелина, — нужно выспаться».

Внезапно тишину её спальни пререзал звук отворяемой двери. Издав испуганный вздох, девушка резко развернулась и, увидев показавшегося в проёме Ротхена, испуганно воскликнула:

— Что ты здесь делаешь?

Подняв голову, мужчина на мгновение застыл, слегка поражённый открывшемуся его взору видом.

Заметив взгляд кагана, жадно блуждающий по её обнажённому телу, Ангелина тотчас прикрылась руками.

— Что ты здесь делаешь? — Уже тише повторила она.

— Я пришёл к своей жэнэ, — стянув через голову рубаху, он бросил её на пол, медленно приближаясь к покрасневшей от возмущения девушке. — Гдэ эщэ быть жэнатому мужчине, эсли нэ у своей жэны?

— Я... я... — растерявшись, Ангелина рефлекторно шагнула назад. Её голых ног коснулась прохлада железной окантовки, обрамляющей стоящее позади неё небольшое, обитое мягкой светлой тканью кресло. — У те-тебя есть своя к-комната. Будь там!

Не сводя взгляда с девушки, мужчина хрипло рассмеялся. Снисходительное выражение его лица ясно выражало отношение кагана Сарая к предложению девушки. Чуть пошатываясь, он принялся развязывать шнуровку на своих брюках, чем вызвал у напуганной девушки очередной, полный недовольства крик:

— Эй, ты слышишь меня? Прекрати! Убирайся

В ответ на это Ротхен отрицательно покачал головой и, справившись, наконец, со шнуровкой, одним быстрым движением стянул штаны.

Ангелина приглушённо взвизгнула. Недолго думая, она раненой ланью метнулась к двери, ведущей в ванную комнату, в попытке скрыться там от требующего исполнения супружеского долга мужа. К её ужасу, мужчина, издав очередной смешок, тут же ринулся за ней.

В два счёта нагнав девушку, он подхватил и, взвалив себе на плечо, понёс по направлению к кровати. Ангелина яростно заверещала. Чуть приподнявшись, она принялась со злостью колотить мужчину по спине и шее, однако его, очевидно, это только ещё больше раззадоривало — громко хохоча, он легонько шлёпнул девушку по ягодицам. Звонкий звук удара разнёсся по спальне, отразившись на щеках Ангелины алым пламенем.

— Эй, пусти меня, убери руки! — Разозлённая его поступком, она с утроила силу наносимых Ротхену ударов.

— Вар кон итэ стан, — в голосе кагана слышалось веселье — похоже, всё происходящее

его и вправду забавляло. — Ты хочэш... играть в игру? Ман лирэн рос...

— Нет! Господи, отпусти меня!

Добравшись до огромной, занавешенной балдахином кровати, мужчина несильно швырнул на неё Ангелину, отчего та слегка подпрыгнула на мягком матрасе. Быстро перебирая ногами, она попыталась отползти подальше от своего супруга, чем вновь вызвала у того смех.

— Мил ту рих... почему ты вэдэшь сэбя так? Развэ ты нэ ждала мэня?

— Что? Нет! Конечно, нет!

— Правда? — Бровь правителя Сарая насмешливо поднялась вверх. — Ты ушла давно, но нэ стала спать... а стояла бэз одэжды и чэго-то ждала... мил ту рих, нэ играй в эти игры со мной.

— Боже, нет, я... я не... не... я..., — глядя на возвышающегося над ней обнажённого мужчину, Ангелина нервно облизала губы. Её тело сковывал страх, а в висках бешено стучала кровь. Какой же наивной она была, когда воображала, как уверенно скажет "нет" кагану, и тот покорно подчинится её воле! Неужто она и вправду думала, что на самом деле сможет отказывать в близости тому, кто, судя по всему, по обычаям этого мира имеет право этой близости требовать? Что было в её голове в тот момент, когда она рисовала себе все эти радужные перспективы?

Похоже, будучи женщиной, ни разу не знавшей мужчину, она излишне романтизировала этот аспект человеческих отношений, и из-за этого не смогла как следует продумать стратегию своего поведения.

Поэтому теперь, вжавшись в матрас и трепеща от волнения, она не могла выдать из себя ни одного внятного слова, пока исполином нависающий над кроватью Ротхен жадно разглядывал её обнажённое тело. Его взгляд, голодный и полный страсти, заворожёно наблюдал за двигающимися в такт быстрому дыханию девушки набухшими от прохлады сосками. Опустив руку, он без смущения провёл ладонью по своему уже вставшему естеству, неоднозначно давая понять, чем планирует завершить их свадебную церемонию.

При виде этого, Ангелина стремительно прикрыла грудь рукой, принявшись отползать к изголовью кровати. Довольно улыбнувшись, Ротхен опёрся коленом матрас и, ловко схватив девушку за ногу, резко притянул её к себе. В ответ на это она снова завизжала, остервенело, подобно дикой львице, защищаясь. Один из яростных ударов её достиг своей цели — мужчина зашипел от внезапной боли, пронзившей его руку, разжав запястье.

Воспользовавшись моментом, Ангелина быстро перевернулась на живот, снова отползая от кагана, но внезапно она оказалась снова схвачена и бесцеремонно оттащена назад.

На этот раз Ротхен, устав, по-видимому, от игр своей супруги, немного надавил на её спину, пресекая любые попытки побега. Придавленная его огромной, тяжёлой рукой, девушка вцепилась в жёсткую ткань покрывала, изо всех сил притянув его к груди в наивной попытке "выскользнуть" с его помощью. Однако усилия её оказались тщетны — хватка мужчины казалась каменной.

Другой рукой он резко, но аккуратно обхватил стройные бёдра девушки, приподняв их таким образом, что её округлые ягодицы оказались оттопырены вверх. Жест этот отозвался в груди Ангелины новой вспышкой паники — приглушённо вскрикнув, она принялась бешено вращать бёдрами в наивной попытке избавиться от стального захвата Ротхена.

К её ужасу, действия эти возымели противоположный эффект — хрипло рассмеявшийся каган одним стремительным движением притянул её к себе. Теперь ноги повиснувшей вниз

головой Ангелины покоились на плечах мужчины, а руки безвольно болтались в воздухе, едва касаясь поверхности покрывала. Будучи ошарашена подобным, она застыла в оцепенении, пока язык сарайца нагло и настойчиво погружался в её лоно. Вырисовывая непонятные ей символы, он кружил над ней с явным удовольствием, выражавшимся у его владельца довольными постанываниями, вызывавшими у Ангелины рвотные позывы.

На глазах её навернулись слёзы ярости — сейчас в руках Ротхена она казалась маленькой тряпичной куклой, слишком слабой и ошеломлённой всем происходящим для того, чтобы хоть как-то защитить себя от его домогательств. Могла ли она когда-нибудь подумать, что замужество обернётся для неё подобным унижением?

В следующий момент мужчина, будто намеренно издеваясь, издал громкий, полный нескрываемого удовольствия стон, вцепившись в бёдра девушки сильнее, из-за чего та оказалась поднята ещё выше. В спальне раздался приглушённый девичий вскрик, который каган принял за поощрительный, погрузив свой язык ещё глубже в свою супругу. Опустив голову, Ангелина наткнулась на практически уткнувшееся ей в глаза достоинство кагана и, испуганно ахнув, рефлексивно оттолкнула его от себя ладонью. В тот же миг язык мужчины остановился, и тот хрипло проговорил:

— Рол ту миган, Гэнриэтта...

Отпустив жену обратно на кровать, Ротхен, не дав той опомниться, по-хозяйски навалился на неё сверху. Ноги его при этом расположились меж ног девушки — так, чтобы она не смогла сомкнуть их. Наклонившись к уху Ангелины, он принялся что-то тихо говорить ей на своём языке, успокаивающе поглаживая спину. Другая рука кагана тем временем ласкала промежность девушки.

Внезапно Ротхен отстранился и, резко приподняв бёдра супруги, провёл по её входу своим уже сочащимся смазкой достоинством. Жест этот, к его неудовольствию, вызвал у Ангелины новый приступ паники. Рассерженно прошипев, он снова опустился на неё, придавив своим телом. Двигаясь грубовато и быстро, Ротхен убрал волосы с лица супруги, с явным раздражением проговорив:

— Почему ты ведёшь сэбя так...

Оборвав себя на полуслове, он захрипел. Изо рта его хлынула кровь, заливая плечо Ангелины.

Заметив капающие на покрывало бордовые капли, она резко повернула голову. Захлёбывающийся в собственной крови каган лихорадочно шевелил губами в попытке то ли сказать что-то, то ли сделать вдох. От испуга девушка закричала. Безумно замахав руками и ногами, она попыталась выползти из-под придавившего её своим телом супруга. Задыхаясь от напряжения, она изо всех вцепилась в матрас, потянув его на себя, но в следующий момент она ощутила внезапную лёгкость. Не веря своему счастью, она резко перекатилась на спину, желая одного — как можно скорее сбежать отсюда. Но нарушивший тишину спальни незнакомый мужской голос разрушил все её планы:

— Уже уходите, Ваше Высочество Генриетта?

Испуганно подскочив прямо на кровати, Ангелина стремительно перевала взгляд в сторону двери. Там, лениво опершись плечом о дверной косяк, стоял высокий, крупный мужчина. Его тёмные волосы были собраны в толстую косу, а по лицу, черты которого было трудно рассмотреть с такого расстояния, стекала уже наполовину засохшая кровь. Одет он был в тёмную, также частично заляпанную кровью военную форму, практически полностью скрытую за тяжёлой блестящей кольчугой. В одной руке он держал длинный окровавленный

меч, а пальцами другой лениво поигрывал каким-то небольшим, металлическим предметом. Быстро опустив взгляд, Ангелина увидела, как, по-видимому, один из них, торчит из спины её подёргивающегося в предсмертных конвульсиях мужа.

— О, Боже... — от вида открывшейся перед ней картины, у неё в ту же секунду закружилась голова. — Он... он мёртв? Ему можно помочь...

Путаясь в покрывале, она быстро сползла с кровати, и на трясущихся от всего пережитого ужаса ногах быстро подошла к кагану. Присев на корточки, девушка дрожащей рукой прикоснулась к спине правителя Сарая, тихо проговорив:

— Рот... Ротхен, ты слышишь меня? Я... я сейчас... надо позвать Бронхилая... я позову, потерпи...

— Какая душещипательная сцена... — В голосе незнакомца сквозила неприкрытая насмешка.

— Ему нужен Бронхилай, позовите Бронхилая! — Взглянув на мужчину, истерически закричала Ангелина.

Издав тихий смешок, незнакомец оттолкнулся от дверного проёма и, ловким движением затолкнув куда-то в рукав сюррикен, медленно приблизился к настороженно следящей за его движениями девушке. Подойдя к ней практически вплотную, он спокойно произнёс:

— Если бы я хотел, что бы он жил, то, как ты считаешь, стал бы я тогда убивать его, м?

Отрицательно мотнув головой, Ангелина начала медленно отползать подальше от нависающего над ней мужчины. От него пахло потом и кровью, и стоило ей только подумать о том, откуда на нём эта кровь могла взяться, к горлу её тотчас подкатил ком.

— К-кто в-вы т-такой? — Голос девушки звучал жалко — в нём отчётливо слышался страх.

— А ты так и не догадалась? — Губы незнакомца растянулись в угрожающей улыбке, обнажив белые крупные зубы с заострёнными, как у зверя, клыками.

— Я н-не знаю... я во-вообще н-ничего не знаю... пожалуйста... не трогайте м-меня, я н-не должна быть здесь...

Из глаз Ангелины брызнули слёзы. Задыхаясь, она прикрыла рот обратной стороной ладони.

Бросив на неё равнодушный взгляд, мужчина молча подошёл к кровати и, отбросив заляпанное кровью покрывало, вытащил верхнее тёплое одеяло. Обойдя стороной застывшее в неестественно скрюченной позе тело, он присел перед рыдающей девушкой и, завернув её в одеяло, одним стремительным движением поднял на руки.

Не ожидавшая подобного Ангелина принялась активно сопротивляться, сопровождая свои действия истерическими выкриками:

— Нет!!! Пожалуйста... отпусти!!! Это не она, это не она!!! Это я!

Не обращая на её истерику никакого внимания, незнакомец, быстро вышел из комнаты, где его ждали двое облачённых в чёрную форму мужчин с охваченными чёрными светящимися нитями мечами. Кивнув им, он решительно подошёл к лестнице, быстро спускаясь по ступеням. Движения его были стремительными и выверенными — казалось, он изучил этот маршрут вдоль и поперёк прежде, чем прийти сюда.

Оказавшись внизу, он огляделся, удовлетворительно хмыкнув. Трапезная, будучи всего несколько минут назад средоточием веселья и радости, напоминала теперь поле брани. Некоторые из длинных тяжёлых столов оказались перевёрнуты. По всей комнате валялись ирезанные и окровавленные тела, а некоторые из них пожирало высвободившееся из

разбитых масляных ламп пламя. Вино, залившее почти весь пол, смешиваясь с кровью, образовывало небольшие бордовые лужицы, в которых отражался тусклый свет оставшихся фонарей. Терпкий запах недавно бывшего здесь веселья едва заметно перебивался тошнотворным запахом железа — следствие произошедшей резни. По окунувшемуся в тишину помещению чёрно-серебристыми пятнами мелькали вооружённые мужчины. Оглядывая тела, они снимали с них украшения, а тех, которые оказывались живыми, либо добивали, либо, если те могли ходить, уводили за собой.

Ловко огибая лежащие на пути трупы, незнакомец покинул трапезную, мельком бросив взгляд на Ангелину. Притихшая, она неподвижной статуей застыла на руках у мужчины. Глаза её слипались, а тело, истерзанное всеми обрушившимися на неё переживаниями, настойчиво требовало отдыха, притупляя чувство самосохранения.

В конце концов, убаюканный спокойным дыханием мужчины, её мозг отключился.

— Госпожа... госпожа, просыпайтесь...

Голос Бронхилая, настойчивый и тихий, далёким эхом донёлся до сознания Ангелины. Ресницы её едва заметно дрогнули, сгоняя остатки крепкого сна. В нос тут же ударил уже ставший знакомым запах горелого масла.

Нехотя разлепив глаза, девушка повернула голову в сторону мужчины. Лекарь, весь помятый и тоже сонный, сидел неподалёку от неё. На его брюках — том единственном, что осталось от забавного канареечного костюма — отчётливо виднелись следы застывших крови и грязи. На лице мужчины Ангелина заметила небольшие кровоподтеки, из-за чего оно выглядело куда более опухшим, чем обычно. Руки Бронхилая оказались связаны вместе бечёвкой таким образом, что каждая нить оплетала поочерёдно все пальцы, создавая впечатление надетых на руку "верёвочных перчаток". Опустив глаза на свои ладони, девушка с удивлением обнаружила, что на её руки тоже надели этот своеобразный аксессуар. Пошевелив пальцами, она обнаружила, что он полностью блокирует движение кистей, препятствуя, судя по всему, использованию магии.

— Вы проснулись, госпожа... слава Божеству, вы невредимы, а то я уж думал было, что этот паскудник Харальд с вами разделался уже...

— Ха-харальд? — Голос Ангелины был ещё хриплым от сна. — Так это был он? Что вообще произошло?

— Он, подлец... он, негодяй... — сплюнув на пол, с досадой произнёс Бронхилай. — Засада была, госпожа... каттегатский выродок, кажись, обманул всех... провёл, как детей малых, паскудник. Наши ребята разведчики донесли, что он-де на север уехал, да часть войска своего с собой прихватил... ну, Её Величество и дала добро на отправку Её Высочества в Гуркуланум. Думала, что пока этот отщепенец, Великий Душитель его заберит, занят, мы быстренько свадьбу провернём, а потом уже дикарь этот южный проблемки все и порешает. А оказалось вона как — всех обхитрил поганец! Ох-хо-хо, чуяло моё сердечко, что не всё так гладко здесь, уж слишком благополучно всё складывалось... не зря не верил...

Облизнув пересохшие губы, Ангелина растерянно проговорила:

— Но как же теперь... что нам теперь делать? Они ведь все считают, что я Генриетта! Если... если она узнает о том, что произошло, — к горлу девушки подкатил ком, — то вернётся к своей матери и всё вскроется! Что со мной тогда сделают?

Бронхилай хрипло рассмеялся.

— Вернётся, как же. Неужто вы думали, госпожа, что она всерьёз это всё вам говорила? — Мужчина насмешливо помотал головой. — Наивное создание. Она и не собиралась возвращаться к этому сарайскому царьку!

— В к-каком это смысле, — в голосе девушки послышалась растерянность, — не собиралась?

— А в таком! — Подняв замурованные руки, Бронхилай суетливо провёл ими по лбу, убирая застилавший глаза пот. — Больно надо ей это! Вы разве не заметили? Она почти всё приданное, что ей Её Величество собрала, с собой утащила! Как думаете, госпожа, с чего вдруг?

Ангелина побледнела.

— Боже мой... — губы её задрожали, — вы хотите сказать, что она... как-то узнала о

том, что должно случиться?

— Знала, как же, — лекарь снова сплюнул на пол. — Да не знала она ничего! Ветреная, прости меня, Божество, девчонка! Ей ни этот каган дикарский, ни норфолкское королевство сто лет в обед не сдались! Она ещё до всей этой истории с жениховством обдумывала, как бы ей денюжат побольше урвать да и от маменьки скрыться. Жить она привольно хотела, и чтоб обязательств никаких не было! — Тяжело перевалившись, мужчина громко икнул. — Она всю дорогу, — после небольшой паузы продолжил он, — только и думала, как бы ей сбежать незаметно со всеми своими цацками да золотишком... а тут вы удачно и подвернулись.

— А-ша-леть, — шокировано протянула Ангелина. Хоть она и не сомневалась в том, что принцесса не была полностью честна с ней, но ей и в голову не могло прийти, что та решит просто бросить её на амбразуру и, забрав всё приданное, укатить в закат навсегда! Просто немыслимо! И Ангелина ещё всерьёз верила, будто сможет провести Генриетту? Ха! Смешно! — Но почему же... почему вы не рассказали обо всём королеве?

— Так а какой в этом прок? — Возмущённо воскликнул Бронхилай. — Союз с Сараем есть? Есть. Каган Ротхен получил жену? Получил. А большее Её Величество и не заботит. Неужто вы, госпожа, и впрямь думаете, что королеве в радость свою дочь в постель дикарю отдавать было? Да тьфу на вас мильон раз!

— Супер. — Ангелина выпрямила связанные ноги, чтобы немного размять их. — И что же теперь делать? Узнав о смерти Ротхена Генриетта, скорее всего, вернётся к матери...

— Ну вот это уж навряд ли, — прыснул мужчина. — Теперь-то, когда у этого отребья Харальда в руках все козыри, соваться в Норфолк всё равно, что голову на плаху добровольно положить... особенно наследникам Её Величества. Каттегатский подонок просто так с рук не спустит королеве унижение его мамашки... со всей семьёй поквитается, помяните моё слово. Тут не ровен час и Его Высочество с Её Величеством дёру из страны дадут, прихватив с собой всю казну...

— Вот как... — напряжённо размышляя, девушка покусывала нижнюю губу. — Похоже, перспективы у нас совсем не радужные. И это ещё мягко сказано.

— Ваша правда, госпожа... этим-то что? Сбегут куда-нибудь в Ладогу или дальше на восток, получают убежище, да и будут там до конца жизни в ус не дуть. А вот что с нами-то теперь будет, — изо рта мужчины вырвался всхлип.

Тяжело вздохнув, Ангелина огляделась. Помещение, в котором они находились, по своему убранству напоминало небольшой дорожный шатёр. Круглые стены и конусообразный потолок, сшитые из шкуры какого-то животного, едва слышно колыхались от лёгких порывов ветерка. Своеобразные кровати, на которых она и лекарь сидели, представляли собой несколько наваленных друг на друга тёплых, покрытых густым мехом шкур, брошенных прямо на прохладную землю. Неподаляку от них Ангелина смогла рассмотреть ещё несколько таких спальных мест, принадлежащих, по словам Бронхилая, самому Харальду и некоторым из его командиров. У самой стены обозначилось пару грубых холщовых мешков, в которых проглядывалась какая-то тёмная ткань, бывшая, видимо, запасной формой кого-то из каттегатцев.

Что-то прикинув в голове, Ангелина спросила у лекаря:

— Кто-нибудь из наших ещё остался?

— Кто-то есть... но их связали и отвели куда-то, вместе с сарайцами, — неопределённо махнув рукой, ответил мужчина.

— А Семпрония... среди них?

— Командир, что ли? Да кто ж знает! Меня когда к их лагерю волокли, я того... выпивший был чуток... — но дрался будь здоров! — вот и не разглядел точно. А потом того, заснул прям на земле. А в себя пришёл уже тут.

— Вы не знаете, куда каттегатцы ушли?

— А чего ж не знать-то? Знаю! Я уже тогда очухался, но вида не подавал... эти заходили, обсуждали, как отужинают, а в ночь дальше двинутся.

— И давно это было?

— Да вот только, буквально перед тем, как вы проснулись, госпожа.

Ангелина кивнула. Бросив взгляд на вбитый в землю деревянный колышек, к которому была привязана соединяющая её лодыжки бечёвка, дёрнула ногами. К её разочарованию, деревко не сдвинулось ни на йоту.

С тоской наблюдающий за её упражнениями Бронхилай устало вздохнул:

— Оставьте, госпожа. Это бесполезно. Я уже пробовал — ничего не вышло. А во мне силы-то всяко больше, чем в вас...

Разочарованно цыкнув, девушка остановилась. Похоже, старый лекарь был прав — несмотря на свою хрупкость, колышек казался зацементированным.

Ангелина вновь принялась оглядываться вокруг в надежде найти хоть что-то, что можно бы было использовать для побега. Внезапно ход её мыслей прервал едва слышный звук приближающихся шагов. Застыв на несколько мгновений в раздумьях, она вдруг резко упала шкуры и, свернувшись калачиком, негромко проговорила:

— Бронхилай, скажи им, что я ещё сплю и постарайся убедить их не будить меня, если они захотят. Мне нужно, что бы они поскорее ушли — я придумала кое-что. Хорошо?

— Л-ладно, госпожа... — в голосе мужчины послышалась растерянность.

Застыв в своей позе, он коротко зевнул.

С каждой секундой шаги становились всё громче. Прислушивающаяся к ним Ангелина спрятала лицо в шкурах, боясь выдать своё притворство. Сердце девушки зашлось в бешеном стуке, предвкушая скорую авантюру.

Вскоре раздался шелест ткани, и в шатёр вошли две молоденькие девушки, облачённые в военную форму. В руках они держали две железные миски, от содержимого которых раздавался аппетитный аромат мясной похлёбки. Тяжело сглотнув, Ангелина прислушалась.

— Эй, принцесса, поднимайся! Его Величество велел покормить вас.

— Убери от неё свои руки, каттегатская шлюха! — Тотчас вскинулся лекарь. — Ты, что ли, ослепла? Не видишь разве? Её Высочество отдыхает!

— Ты, старик, вообще понимаешь, кого шлюхой назвал? — Громкий голос военной неприятно ударил по ушам. — Я первый помощник главнокомандующего Аслауг Хельгадоттир! За такие слова я твою жирную голову отрежу и скормлю её медведю!

— Тьфу! Да хоть сама королева! Все вы для меня каттегатцы выродки! Все, как один! Божество меня упаси стелиться перед кем-то из вас. Забирай хрючево своё и повертай назад — к королю своему. Мы скорее подохнем, чем к вашим помоям притронемся!

— Ну, смотри, старик, — оскалив зубы, девушка с яростью швырнула тарелку прямо в лицо лекаря. Тот громко застонал и затряс головой в попытке стряхнуть с себя обжигающую жидкость. — Скоро ты на пару со своей проблядушкой принцессой и всей её гнилой семейкой будешь нам пятки лизать, моля о милости. Пошли, Торун. Пусть сидят голодные.

Резко развернувшись, девушки покинули шатёр.

Выждав ещё немного, Ангелина открыла глаза. Бронхилай сидел всё в той же позе.

Лицо его сделалось ещё более красным, а взгляд приобрёл хищное выражение.

— Отродье Великого Душителя, — зло выплюнул он.

— Вы в порядке? — Поинтересовалась девушка.

— Буду, когда это паскудство увижу посаженными на колья!

Ничего не ответив, Ангелина посидела немного, выжидая. Она опасалась, что после всего случившегося Харальд пришлёт ещё кого-нибудь или — того хуже — придёт сам. Но, к счастью, всё было тихо.

Сделав глубокий вдох, она кивнула. Пора.

Перевернувшись на бок, она оттолкнулась голыми ступнями от маленького деревянного колышка, немного продвинувшись вперёд. Обёрнутое вокруг неё одеяло немного сползло, обнажив её тонкие плечи, но девушка не придавала этому значения. Изгибаясь, подобно змее, она настойчиво продиралась вперёд, время от времени останавливаясь и прислушиваясь, будто воришка, к звукам за шатром.

В какой-то момент она почувствовала, как привязанная к ногам верёвка натянулась. Чуть приподняв корпус, она вытянула руки, попытавшись зацепить связанными пальцами лампу. Тщетно. Ей не хватало ещё совсем немного.

Раздражённо фыркнув, она тряхнула головой и, больно упёршись локтями в твёрдую холодную землю, резко дёрнулась вперёд. Путы на лодыжках Ангелины тут же натянулись, и грубая бечёвка впилась в кожу. Игнорируя мгновенно растёкшуюся по ногам боль, девушка ещё раз вытянула руки.

Есть.

Горячая лампа свалилась набок, из-за чего хрупкое стекло мгновенно разбилось. Сдержав свой полный ликования вскрик, Ангелина неловко притянула к себе лампу. С трудом изогнув руки, она расположила их таким образом, чтобы небольшое пламя охватывало один из узлов на её запястье. Постепенно нагреваясь, верёвка начала медленно плавиться.

— Госпожа... — в тихом голосе Бронхилая прозвучало изумление.

— Тише, — сосредоточенно следя за огнём, произнесла Ангелина. — Не шуми, нас могут услышать.

Мужчина тяжело сглотнул, отчего кадык его дёрнулся, и прикусил нижнюю губу. Лицо его при этом приобрело комичный вид — в своей взволнованности он походил на старого бульдога, ожидающего, когда его выведут на прогулку.

Сгорая, верёвка болезненными укусами опаляла тонкие запястья Ангелины. Сжав зубы, она старательно терпела, сдерживая готовые вырваться наружу стоны. Когда жар уже стал совсем нестерпимым, а кожа начала ощутимо потягивать от небольших ожогов, девушка резко одёрнула руки. Одним резким движением разъединив ладони, она разорвала охваченную огнём тонкую нить. Встряхнув руками, Ангелина скинула окутывающие её пальцы путы, тотчас же принявшись освобождать затёкшие ноги.

Покончив с ногами, она поднялась и, удерживая у груди одеяло, спешно поковыляла к Бронхилаю.

Когда она лихорадочными движениями распутывала тугие узлы на руках лекаря, её непослушные пальцы нервно тряслись. Опалённая огнём кожа на запястьях Ангелины неприятно щипала, на лбу её от волнения выступили капельки пота. В нос ей ударял исходивший от мужчины запах перегара, неприятно раздражая обонятельные рецепторы.

Как только верёвки на руках Бронхилая ослабли, девушка тут же метнулась к мешкам с

одеждой. Даже не тратя время на лишние поиски, она вытащила первые попавшиеся ей под руку брюки и рубашку. Пока Бронхилай освобождал свои ноги, она быстро скинула одеяло, резкими и чёткими движениями натянув на себя одежду. Подойдя к другому мешку, она мысленно взвала ко всем существующим богам, молясь им о том, что бы в нём оказалась обувь. Заглянув внутрь, Ангелина не сдержала приглушённого радостного выдоха.

Отобрав более-менее подходящую ей по размеру пару высоких сапог, она выпрямилась. Бронхилай, уже полностью освободившийся, стоял над своей "кроватью" и, кряхтя, разминал свои толстые ноги.

— Вы готовы? — Дрожащим от волнения голосом спросила Ангелина.

Равными движениями оттирая с лица остатки жаркое, мужчина вытянул губы вперёд. В лице его читалась решимость вперемешку со злостью — ещё одним последствием недавней стычки с каттегатками.

Оттянув ворот и покрутив головой, лекарь быстро кивнул и ответил:

— Готов.

Тяжело дыша, Ангелина быстро перебирала ногами. Грубые солдатские сапоги, на поверку оказавшиеся великоватыми, замедляли её движения, делая их прерывистыми и неаккуратными, но, к счастью, они имели и весомое преимущество — будучи выполнены живущими на севере мастерами, сапоги имели прочную, нескользящую подошву, что позволило девушке относительно комфортно чувствовать себя на промёрзшей, слегка покрытой снегом земле. Найденная ею одежда, однако, была менее удачной — жесткая и тонкая, она легко пропускала холод, отчего зубы Ангелины мелко стучали.

За спиной раздавалось тяжёлое дыхание лекаря. Несмотря на регулярно отпускаемые Ангелиной просьбы быть потише, мужчина то и дело извергал негромкие ругательства, раз за разом умудряясь то поскальзываться на ровном месте, то спотыкаться об очередную корягу. Лицо его, казалось, стало ещё краснее, а тонкие редкие волоски смешно подпрыгивали возле уха при движении.

— Бронхилай, смотрите! — Резко затормозив, Ангелина присела. — Нашли!

Стукнувшись ногой о торчащую из земли палку, мужчина тихо взвыл.

— Тс! — Обернувшись к нему, возмущённо цыкнула девушка. — Пригнитесь, а то заметят!

Закивав головой, лекарь прикрыл рот ладонью, жалобно застонав. На глазах у него выступили слёзы и, продолжая поскуливать, он грузно плюхнулся на колени. Внезапный порыв холодного ветра заставил его поёжиться. Встав на четвереньки, мужчина пополз к притаившейся за камнем девушке.

— Госпожа, — в шёпote Бронхилая отчётливо прослеживался страх. — Может... ну их, а? Чего ради нам их вытаскивать? Как бы самим не сгинуть!

— Я же уже говорила, — пытаюсь разглядеть сквозь деревья стороживших навес с пленниками каттегатцев, нервно пробормотала Ангелина. — Нам нужен кто-то, кто владеет боевой магией и может ориентироваться на местности. Сами мы заблудимся!

Растирая окоченевшие от холода руки, девушка выглянула из своего укрытия. Медленно, но настойчиво опускающиеся на землю сумерки погружали всё окружающее пространство в непроглядную темноту, серьёзно ограничивая обзор. Едва слышный шум женских и мужских голосов время от времени прерывался гоготом, но, как Ангелина ни старалась прислушиваться, она не могла определить, откуда именно они раздавались — со стороны ли ужинающих в компании конунга Харальда воинов или от сторожащих пленников каттегатцев.

Ангелина выпустила изо рта облачко пара. Она не могла уйти, даже не попытавшись узнать, жива ли Семпрония и остальные норфолкцы. К тому же, как она и сказала Бронхилаю, пытаться бежать хотя бы без одного боевика — чистой воды самоубийство. Кто сможет провести их через лес? Кто будет добывать еду? Кто знает, как добраться в Норфолк? Кто умеет сражаться и надёжно скрываться? У кого есть хоть какие-нибудь знакомства с другими военными того же Норфолка? И, наконец, кто владеет магией, способной защитить их? Очевидно, им не справиться без боевика, а особенно норфолкского.

"Придётся рискнуть, — на лице Ангелины отразилась решимость, — иначе мы погибнем при первом же нападении медведя в лесу. Если вообще, конечно, сможем уйти далеко от лагеря".

Чуть приподнявшись, девушка гусиным шагом перебралась ближе к навесу, дав знак Бронхилаю идти следом. Сердце её бешено стучало от прилива адреналина. Не позволяя нетерпению овладеть ею, она глубоко вздохнула, выравнивая дыхание.

"Успокойся".

Приблизившись ещё немного, Ангелина принялась внимательно изучать местность.

На небольшой поляне, скрытые наспех установленным дырявым навесом, сидели спинами друг к другу связанные по рукам и ногам пленники. В тусклом свете заходящего местного Солнца девушке удалось разглядеть их — хоть лица и одежда пленных были частично скрыты под слоями запёкшейся крови, она смогла узнать в них нескольких сарайских женщин и мужчин, которые на свадебном пиру сидели неподалёку от Ротхена. Судя по всему, они имели какой-то вес в политике, иначе зачем ещё конунгу оставлять их в живых и везти с собой?

В пёстром ряду сарайцев Ангелина заметила также несколько норфолкцев. Жадно вглядываясь в фигуру каждого, она принялась искать глазами Семпронию и, заметив знакомый "ёжик" в толпе, едва сдержала ликующий крик. Жива.

Командирша, подобно своим собратьям по несчастью, неподвижно сидела на мёрзлой земле, уставившись взглядом перед собой. Одна половина её лица была залита кровью. На губах виднелся большой кровоподтёк, а рукава грубой рубахи оказались изрезаны и порваны. Будучи в окружении сарайцев, она демонстративно держала их на расстоянии, несмотря на то, что заметно дрожала от пронизывающего её холода.

— Бронхилай, — повернувшись к стоящему на четвереньках мужчине, радостно прошептала Ангелина, — смотри, там Семпрония... и ещё наших несколько!

— Неужто? — Поравнявшись с девушкой, лекарь прищурился. — И правда! Благословение Божества, не иначе... живы!

— Только ранены сильно... ты сможешь быстро подлечить Семпронию, пока я остальных освободить буду?

— Смогу, госпожа! Конечно... как же не смочь-то?

Ангелина удовлетворённо кивнула. Успокоив дыхание, она сжала руки в кулаки. Вперёд.

Осторожно юркнув за соседнее дерево, она огляделась. Двое каттегатцев, разложивших свой ужин недалеко от навеса, сидели спиной к пленникам, увлечённо болтая друг с другом. Не спуская с них глаз, Ангелина подкралась к одной из тонких деревянных опор. Один из сарайцев тут же заметил её. Приложив палец к губам, она дала тому знак молчать. На лице мужчины отразилось неверие, стоило девушке опуститься на четвереньки и поползти к нему. Достав найденный в шатре небольшой ножик, она принялась распиливать связывающие пальцы пленника верёвки. Руки её мелко дрожали от нетерпения. Рукоятка ножа то и дело скользила в вспотевших от волнения ладонях.

Освободив запястья мужчины, Ангелина дала тому знак помочь его с надеждой на неё смотрящему соседу. Благодарно кивнув, сараец активировал боевую магию. Тысячи чёрных извивающихся молний тут же окутали его руки. Наклонившись, он в мгновение ока избавил свои ноги от окутывающих их пут, после чего повернулся к своему собрату.

Закусив нож, Ангелина быстро поползла дальше. За спиной она услышала тихий выдох, за которым последовало кряхтение. Следя краем глаза за ползущим следом Бронхилаем, она остановилась у ног Семпронии.

Глаза командирши расширились от удивления.

— Пожалуйста, тише, — одними губами проговорила Ангелина.

Сглотнув, Семпрония кивнула. Вид у женщины был удручающий — судя по всему, её рана на голове оказалась куда более серьёзной. С трудом моргая, норфолка прерывисто дышала.

Быстро разрезав верёвки, Ангелина наклонилась к уху командирши, зашептав:

— Сначала Бронхилай вас вылечит, потом помогите нам освободить других.

Семпрония кивнула. Отползя в сторону, девушка освободила дорогу лекарю, который тотчас активировал свою магию.

В это время Ангелина приблизилась к следующей пленнице, принявшись освобождать её.

— Что стало с моим братом, принцэсса?

Нетерпеливый шёпот заставил девушку вздрогнуть. Ножик выскочил из её руки, плюхнувшись на холодную землю. Резко подняв глаза, Ангелина встретила взглядом со злобно на неё взирающей Абантес. На лбу сарайки красовался огромный кровоподтёк, а на щеке — глубокий порез, который, не сомневалась Ангелина, оставит кривой уродливый шрам.

Подобрав нож, она продолжила разрезать сдерживающие движения пленницы путы.

— Он мёртв, — еле слышно произнесла она, стараясь избегать взгляда своей визави.

— М-моэртв? — Ангелина почувствовала, как под верёвками напряглись пальцы Абантес. — Как ты это допустила? Что бы твоего мужа убили?!

— Я... я не могла ничего сделать! Я заметила, что Харальд убил его, только когда тот уже умирал! Я пыталась помочь...

— Ротин бух тарэт! — Дорвав изрезанные Ангелиной верёвки, сарайка брезгливо откинула руки принцессы, оттолкнув ту от себя.

Не ожидавшая такой реакции девушка упала на землю. Обожжённые запястья больно резануло холодом, из-за чего изо рта Ангелины вырвалось приглушённое шипение.

Раздражённо отбросив сковывающие её ноги путы, Абантес поднялась.

— Стой, заметят! — От испуга Ангелина вцепилась в сапог сарайки, пытаясь остановить ту.

— Отпусти! — Тряхнув ногой, взбешённо выплюнула женщина. — Их надо убить, пока нэ замэтили и нэ позвали своих!

Вновь активировав магию, она, пригнувшись, осторожно подкралась к смеющимся каттегатцам.

Проводив её взглядом, Ангелина приподнялась. Тело девушки сотрясала мелкая дрожь. Она была абсолютно уверена — выходка сумасшедшей сарайки рискует обернуться для них огромными неприятностями, поэтому им стоило выбираться отсюда как можно скорее.

Будто прочтя её мысли, Семпрония мягко коснулась её плеча, привлекая внимание. Девушка вздрогнула. Взглянув на командиршу, она трясущимися губами прошептала:

— Что?

— Пора уходить, Ваше Высочество, — шёпотом проговорила военная. — наших освободили, а сарайцев пусть их освобождают. Нельзя тратить время.

Согласно кивнув, Ангелина поспешила следом.

* * *

Колючий морозный воздух обжигал лёгкие холодом. Сердце заходило в бешеном стук, рискуя вот-вот выпрыгнуть из груди. Ослабленные долгим бегом ноги время от

времени натыкались на торчащие из земли корни высоких, уже почти полностью осыпавшихся деревьев. Острые ветки то и дело норовили хлестким ударом рассечь лицо, а иные, цепляясь за волосы, оставить себе на память небольшой локон.

Стуча зубами, Ангелина быстро бежала за маячившей перед её глазами широкой спиной Семпронии. Позади раздавалось тяжёлое дыхание Бронхилая. С трудом перебирая ногами, мужчина следовал по пятам за девушками, немного от них отставая.

Сразу после того, как они отделились от лагеря на приличное расстояние, Семпрония предложила их небольшой компании разделиться. Пятеро других оставшихся в живых норфолкских военных, образовав две группы, разбежались в противоположных друг от друга направлениях, тогда как их компания углубилась в лес. Несколько раз они меняли маршрут, стремясь усложнить каттегатцам поиск высокопоставленных беглецов. К счастью для норфолкцев, на промёрзшей земле не оставалось никаких следов, поэтому у них было куда больше возможностей для манёвров, однако обилие деревьев с низко расположенными ветвями усугубляло ситуацию. Стараясь не быть обнаруженными по оставленному переломанными ветвями следу, беглецы часто передвигались с полусогнутой спиной, ловко обходя встречающиеся на их пути раскидистые растения. Отражаемый двумя маленькими "Лунами" бледный свет скудно освещал дорогу путникам — большая часть его мягкого сияния опадала на верхушки сосен и елей, подсвечивая их посеребрённые инеем иголки.

— Стойте, — тишину разорвал негромкий голос запыхавшейся командирши, — отдых.

Услышав долгожданный приказ, Ангелина резко затормозила. Рухнув на четвереньки, она принялась глубоко дышать, жадно хватая ртом колючий морозный воздух. Её измученное долгим бегом тело била мелкая дрожь. Стопы после марафона в большеватой неудобной обуви неприятно гудели, а натёртые на мизинцах мозоли требовательно щипали. Девушке захотелось стянуть с себя эти изуверские сапоги и, отшвырнув их в сторону, погрузить измождённые ступни в тёплую воду. Проклятая Генриетта. Угораздило же Ангелину попасться на глаза именно этой дряни. Насколько удачнее сложилась бы её жизнь, окажись она на месте какой-нибудь прислуги во дворце! Сидела бы в тепле и уюте, обеспеченная работой до конца жизни. Накопила бы со временем себе на небольшой домик, освоила бы какую-нибудь профессию. Или пошла бы преподавать. А ведь точно! Здесь явно не очень развитый мир и она со своими знаниями, например, математики легко бы могла построить себе хорошую карьеру преподавателя. А то и работала бы при дворе на правах гениальной учёной. Писала бы философские трактаты — судя по всему, с гендерным равенством здесь дела обстоят очень даже неплохо, так что стать независимой состоятельной дамой она бы вполне смогла.

Если бы не вся эта идиотская история с её внешним сходством с принцессой Норфолка и дурацкой авантюрой с жениховством.

"Ну ты и сука, Генриетта — нутро Ангелины наполнила жгучая волна обиды. — Ты меня, чёрт возьми, просто подставила!"

Оттолкнувшись ладонями от земли, девушка приподнялась. Дыхание её, бывшее по-прежнему прерывистым и быстрым, начало постепенно приходить в норму.

— Дин Бронхилай, — взволнованный голос Семпронии мгновенно выдернул девушку из раздумий. Повернув голову, она проследила за тем, как тяжело дышащая военная подбежала к распластавшемуся на земле лекарю.

— Ч-что с-с-с н-ним? — Непонимающе проговорила Ангелина.

— Не знаю, Ваше Высочество, — командирша склонилась над мужчиной, осматривая

его.

Лицо Бронхилая из красного превратилось в багровое. Маленькие свиные глазки его закатились, а толстые мясистые губы, все искусанные и потрескавшиеся, приобрели синеватый оттенок. Станный хрипящий звук, вырвавшийся из его рта, заставил Ангелину вздрогнуть.

Засунув руки подмышки в попытке отогреть их, девушка медленно приблизилась к подрагивающему мужчине.

— Боже... — едва слышно выдохнула она. — Это какой-то приступ?

— Не могу знать, Ваше Высочество. Я не обладаю лекарской магией.

— Но как же... как же он пойдёт дальше? Может, ему массаж сердца нужен или типа того?

— Я... я не понимаю, что значит "мэссаж сердца", Ваше Высочество.

— Ну... я... — голос Ангелины оборвался. Она и сама понятия не имела, как правильно — да и в каких случаях — нужно делать массаж сердца. Уроки ОБЖ, проводимые в её школе занудным подполковником в отставке она с радостью прогуливала, получая пятёрки за заклеивание окон в классе и чистку парт в компании таких же ленивых одноклассниц. Похоже, теперь настал тот день, когда ей это выдалось боком. — Боже... тогда давайте соорудим носилки из веток и понесём его, пока не придёт в себя!

— Не получится, — нахмурившись, угрюмо проговорила Семпрония. — Это нас слишком замедлит. Большой риск.

— Но мы же не можем его оставить здесь одного умирать! — Девушка бросила полный жалости взгляд на застывшего без движения мужчину. — Вы сами сказали, что у нас есть фора!

Осознавая, что их пропажу вскоре заметят, Ангелина ещё будучи в шатре разбила все масляные лампы, что там были. Разбрызгав всё имевшееся в них масло, она подожгла полный одежды мешок. По её расчётам, к тому моменту, как огонь охватит весь шатёр и станет заметным, они уже успеют освободить всех пленников. То время, которое они выиграют, пока каттегатцы не осознают всей тщетности своих попыток погасить водой горящее масло и не поймут, что пожар был всего лишь отвлекающим манёвром, станет для норфолкцев отличной возможностью убежать как можно дальше.

Первые клубы дыма Ангелина заметила в тот момент, когда они уже отошли от лагеря на достаточное расстояние, так что, у них имелся ещё довольно приличный запас.

— Да, есть. И её нельзя так бездумно растратить.

— Но мы ведь разделились. Это запутает их и даст дополнительное время, разве нет?

Семпрония устало хмыкнула, присев на корточки перед Бронхилаем.

— Вы думаете, они этого не поймут и не разделятся на группы тоже? — Медленно протянула она. — Их много, и у них есть транспорт. А у нас — только фора. Нам нужно бежать дальше, Ваше Высочество. Его мы оставим. Может, ему повезёт, и его подберут каттегатцы, которые идут за нами.

Ангелина прерывисто выдохнула. Ей не требовалось много времени для того, чтобы понять — Семпрония права. Они и без того едва стоят на ногах, а если им придётся ещё и нести с собой носилки с таким грузным мужчиной, то у них не останется ни шанса на спасение. К тому же, может, Бронхилая действительно подберут каттегатцы? Раз они не убили его на пиру, значит, он им для чего-то нужен.

подавив всхлип, Ангелина едва слышно выдохнула:

— Вы правы.

Семпрония кивнула. Поднявшись, она перешагнула через бессознательное тело лекаря. Внезапно командирша была остановлена резким приказом принцессы:

— Стойте.

Опустив взгляд, военная вопросительно взглянула на нервно потирающую руки девушку. Охваченная странным волнением, та растерянно развела руками, ничего не сказав.

Раздражённая неуместным упрямством принцессы, Семпрония сцепила руки за спиной, глубоко вздохнув.

— Нам нужно спешить, Ваше Высочество, — грубовато напомнила она.

— Да-да, я знаю, — принявшись заламывать руки, взволнованно затараторила Ангелина. — Я просто подумала, вдруг каттегатцы не найдут его? Вдруг на него наткнётся медведь или волк, или ещё кто-нибудь дикий? Это будет чудовищно... я имею в виду, такая смерть. К тому же, он будет кричать, и его крики могут слышать каттегатцы, которые нас ищут! Что тогда?

— Хм, — брови командирши сошлись у переносицы, придавая её лицу задумчивое выражение.

— И ещё я тут подумала... не опасно ли будет, если он окажется в руках каттегатцев? В смысле, он же приближённый и всё такое. Её Величество может быть не рада такому.

— Ваше Высочество, вы предлагаете...?

— Я думаю, что будет правильнее и гуманнее у..., — Ангелина сглотнула подкативший к горлу ком, — уб-убить его.

Воцарилось молчание. Несколько долгих мгновений Семпрония стояла абсолютно неподвижно, вглядываясь в лицо принцессы. Её собственное при этом оставалось лишённым всяческого выражения — даже при дневном свете Ангелина не смогла бы прочесть, о чём думала суровая, немногословная военная. Презирает ли она её? Или согласна с ней? Считает ли она это предательством? Ударом в спину человеку, который, рискуя быть обнаруженным, пришёл на помощь к своим пленным соотечественникам и излечил их?

Ангелина не знала. Её саму, вопреки всем её стараниям, сотрясали тихие рыдания. Бронхилай не заслуживал такой участи! Особенно после всего, что он сделал для самой Ангелины. Пускай он всего лишь выполнял приказ своей взбалмошной принцессы, он, тем не менее, всегда с уважением относился к девушке, хоть и производил внешне довольно отталкивающее впечатление. Но у неё не было выбора. Помимо приведённым Семпронии доводам существовал ещё один, бывший, пожалуй, самым весомым для неё. Бронхилай был единственным, помимо принцессы Генриетты, человеком, который знал о том, кем на самом деле является Ангелина. И если он действительно, как на то надеется командирша, попадёт в руки конунга Харальда и проболтается об этом, её собственное положение ещё больше ухудшится. В условиях отсутствия настоящей принцессы она станет прекрасным инструментом в разыгрываемой каттегатцами политической игре. Инструментом удобным, послушным, и целиком и полностью зависимым от конунга и его милости. Попадись она ему в руки сейчас, она тоже рискует оказаться в подобной ситуации, но быть пленницей королевской крови и заложницей-простолюдинкой — это два концептуально разных сценария. Как минимум, до тех пор, пока она носит звание наследницы Норфолка, её социальное и политическое положение считается вполне равным положению Харальда.

В конечном итоге, как бы она не отреклась от своего новоприобретённого монаршего статуса, он давал ей какую-никакую защиту, а значит, был необходим. Но стоил

ли он жизни человека?

— Да, — хриплый голос Семпронии нарушил тишину, напугав Ангелину своей внезапностью. — Вы правы, Ваше Высочество. Мы не должны подвести Её Величество народ Норфолка. Нам придётся убить его. К тому же, — вернувшись к мужчине и положив руку ему горло, командирша на долю секунды замолчала. — К тому же он уже околеваает. Это милосерднее.

Ангелина издала приглушённый всхлип. Стараясь не издавать лишнего шума, она закрыла рот ладонями. Льющиеся нескончаемым потоком слёзы застлали ей глаза. Сквозь эту пелену она смогла разглядеть лишь силуэт склонившейся над распростёртым на мёрзлой земле телом Семпронию. На руке женщины вспыхнула тысячами извивающихся нитей тусклая, едва видимая в темноте боевая магия.

Ангелина зажмурилась, отказываясь от вверенной ей самой судьбой обязанности быть свидетельницей своей собственной трусости и неблагодарности.

Она не помнит, сколько так простояла, пока её плеча не коснулась прохладная ладонь военной.

— Пора, — тихо прошептала та.

Вытерев лицо, Ангелина покорно двинулась следом, старательно отводя глаза от жёлтых штанов, ярким пятном выделяющихся среди окружающей их холодной темноты.

* * *

— Ваше Высочество, просыпайтесь.

Плеча Ангелины коснулась прохладная широкая ладонь. Побеспокоенная этим робким касанием, девушка недовольно застонала, свернувшись клубочком ещё сильнее.

— Ваше Высочество, нам пора.

Голос Семпронии стал более требовательным. Сморщившись, Ангелина хоть и нехотя, но всё же разлепила веки. Сквозь расщелины в стенках наспех сооружённой из веток и пожухлых листьев палатки пробивались яркие лучи местного "Солнца". Во временном убежище пахло сухой травой и той особой морозной свежестью, которая особенно заметна лишь в самом начале зимы, когда воспоминания об ушедшем лете ещё не кажутся позабытыми.

Потянувшись, Ангелина на четвереньках выползла из шалаша. Семпрония встретила её кивком головы, протянув ветку с какими-то красными ягодами, одетыми в ледяной панцирь.

— Возьмите, Ваше Высочество. Мы не можем тратить время на поиск воды и нормальной еды, поэтому придётся пока обойтись замороженными ягодами.

— Спасибо, — с благодарностью улыбнувшись командирше, Ангелина взяла довольно увесистую ветку.

Откусив небольшое соцветие, она довольно застонала. После суток, проведённых практически натошак, горсть сладких, сочных ягодок показалась ей амброзией.

Дожидааясь, пока принцесса закончит со своим завтраком, Семпрония ещё раз огляделась вокруг. Окружавший их лес выглядел умиротворённым. Царившую в нём тишину изредка нарушали лишь редкие птицы, прилетавшие полакомиться различными ягодами. Не слышно было даже маленького зверька — казалось, будто и сам лес ушел в зимнюю спячку вслед за облысевшими деревьями. И именно это так настораживало командиршу. Когда с наступлением рассвета они окончательно выбились из сил, она, наспех соорудив незаметную палатку, устроилась у входа, готовая в любой момент быстро активировать и использовать боевую магию. Но, к её удивлению, её крайне чуткий сон ни разу не был

прерван ни малейшим шумом, будто они были единственными обитателями этого леса. Семпрония бывала не в одном подобном походе, но ни разу ещё на её памяти лес не вёл себя так без веской на то причины. Эта тишина могла означать только две вещи — либо они на территории очень серьёзного хищника, либо в засаде. И в нынешних условиях, когда она совершенно безоружна, неизвестно, какой вариант для них окажется хуже.

— Вы не знаете, где мы находимся? — Тихий голос принцессы грубо ворвался в мысли военной.

Переведя взгляд на жующую мёрзлые ягоды девушку, она чётко произнесла:

— По моим расчётам, недалеко от границы Фил.

— Это... на каком расстоянии от Норфолка?

— Не близко. Но в столице Фил есть наше посольство. Если не будем останавливаться больше на ночлег, то нам хватит этого дня и ближайшей ночи, чтобы добраться туда.

— Вы серьёзно? — На лице Ангелины появилась широкая улыбка. — Это же восхитительно! Совсем недолго осталось, да?

— Да, Ваше Высочество, — Семпрония согласно кивнула. — Но не теряйте бдительности. Мы по-прежнему в лесу и за нами по-прежнему погоня. Не расслабляться.

— Да-да, я понимаю. Я не буду создавать вам проблем, обещаю! Когда мы отправимся в путь?

Окинув внимательным взглядом лес ещё раз, командир спустя минуту решительно ответила:

— Сейчас.

Ангелина согласно кивнула. Откусив ещё несколько ягод, она последовала за Семпронией.

Лёгкий морозец ненавязчиво окрашивал алым щёки, оставаясь при этом достаточно щадящим. Редкие лучи "солнца", умудряющиеся просачиваться сквозь пышные кроны сосен, обдавали девушек приятным теплом. Подняв взгляд на медленно раскачивающиеся верхушки деревьев, Ангелина задумчиво проговорила:

— Похоже, за пределами леса ветер.

Семпрония коротко кивнула.

— Да, Ваше Высочество. Будьте готовы — к середине ночи мы выйдем из лесу и станет холоднее из-за ветра. Нам предстоит тяжёлая ночь.

— А посольство, оно... где находится? В городе?

— Да, Ваше Высочество.

— А разве возле городов нет деревень или типа того? — Ангелина напрягла память, пытаясь вспомнить всё, что она слышала от учителя истории об устройстве средневековых государств.

— Да, Ваше Высочество. Но мы не будем там останавливаться.

— Но почему? То есть, я понимаю, конечно, что за нами погоня, но я не думаю, что случится что-то прямо такое страшное, если мы зайдём в какую-нибудь... лавку и купим пару тёплых накидок и немного еды. У меня даже есть идея, где нам взять деньги, — девушка с заговорщицким выражением лица продемонстрировала военной пару всученных ей Генриеттой золотых колечек. Конечно, она понимала, что обменивать хотя бы одно из них на два куса дешёвой ткани и однодневный запас еды не совсем рентабельно, но перспектива умереть от переохлаждения и обезвоживания в данный момент её пугала куда больше, чем нерациональное использование богатств. Поразительно, насколько меняется

восприятие различных ценностей в тот момент, когда люди оказываются на грани выживания. Невольно Ангелина вспомнила историю об одном латиноамериканском мафиози, который сжёг кучу бумажных денег для того, чтобы согреть свою замерзающую дочь, и нехотя улыбнулась. Услышав об этом в первый раз она, будучи человеком, выросшим в бедности, искренне возмутилась поступку мужчины, смело заявив, что скорее бы умерла от холода с набитым купюрами чемоданом в руках, чем сожгла хотя бы доллар. Сейчас же, она была готова отдать всё, что у неё было, за тёплую мягкую постель и сытный ужин.

— Это слишком рискованно, — жёсткий голос Семпронии вывел Ангелину из раздумий. — Поселения и деревни — первое, где они станут нас искать. Нельзя там светиться. Пойдём тихо, в обход. И после того, как я оценю ситуацию.

Ангелина разочарованно выдохнула. Не нужно иметь опыта военной службы для того, чтобы понимать — командир абсолютно права. Обозначить своё присутствие хоть где-то, значит в ту же секунду сдать каттегатцам. А этого девушке совсем не хотелось.

— Семпрония, я бы хотела... — Ангелина запнулась, не зная, какие слова было бы правильнее подобрать. — Мне нужно... э-э-э я хочу... пописать... понимаете?

— Я понимаю, — невозмутимо ответила военная.

— Ну-у-у, так я... как бы... могу отойти в кустики? Я имею в виду — это было бы безопасно?

Командир резко остановилась. Окинув взглядом местность, она нахмурилась, о чём-то размышляя.

— Я бы тоже хотела облегчиться, — несколько секунд помолчав, неохотно призналась она. — Но мне... не нравится это место.

— Разве? — Ангелина принялась активно вертеть головой, оглядываясь. — По-моему, здесь довольно спокойно.

— Да. В этом и дело. Подозрительно тихо и спокойно.

— Ну так сейчас же холодно, — начав пританцовывать от нетерпения, равнодушно парировала девушка. — К тому же, вы сами сказали — мы недалеко от... какого-то там государства. Я имею в виду, у границ должны быть поселения или типа того, наверное жители охотятся часто, поэтому нет шума от животных и так далее.

— Может быть...

— Слушайте, мы же не можем не... облегчаться в ближайшие сутки — это невыносимо! Вы, возможно, и привыкли к таким условиям на работе, но я нет. Я... облегчалась в последний раз ещё тогда, когда ушла со свадебного пира! У меня просто мочевого пузыря лопнет, и я умру!

Семпрония глубоко вздохнула. Покачав головой, она в очередной раз осмотрелась. В конце концов, кивнув своим мыслям, военная произнесла:

— Добро. Но держитесь поблизости.

— Отлично, — не сдержавшись, Ангелина радостно хлопнула в ладоши. — Займём соседние кустики, чтобы видеть друга.

После того, как командир внимательно осмотрела выбранное ею место туалета, принцесса поспешила нетерпеливо расшнуровывать штаны. Напряжённая Семпрония разместила буквально в метре от неё, продолжая крутить головой и осматривать местность.

Покончив со своими делами, Ангелина быстро завязала уже успевшие ей надоесть шнурки и вышла из своего укрытия, оставляя всё ещё занятую военную за спиной.

Вернувшись на прежнее место, девушка обхватила себя руками. Подставив лицо тёплым лучам, она прикрыла глаза. После скудного, но вкусного завтрака она ощущала в себе прилив сил и желание продолжать бороться. Наученная горьким опытом нескольких последних дней, она не спешила строить долгосрочных планов на всю дальнейшую жизнь. Сейчас у неё на повестке дня стоял вопрос выживания, и позволить себе отвлекаться на мечты о будущем она просто не могла. Откровенно говоря, Ангелина не решила даже, отправится ли она с Семпронией во дворец матери Генриетты или нет. От взбалмошной принцессы, как выяснилось, можно было ожидать любого финта ушами, в том числе и возвращения к любимой мамочке, что бы там не утверждал Бронхилай.

"Бронхилай..."

При воспоминании об умерщвлённом по её просьбе лекаре горло Ангелины сжало спазмом. Они не говорили на эту тему с Семпронией, но ей казалось, что та теперь смотрит на неё как-то иначе. Возможно, это было всего лишь игрой её охваченного острым чувством вины сознания, но она в каждом жесте, в каждом взгляде военной выискивала намёк на осуждение или презрение. Ей до ужаса хотелось поговорить обо всём произошедшем с ней. Обсудить, насколько необходимым был этот шаг. Ведь Ангелина вовсе не лгала, когда говорила о диких зверях — она действительно боялась, что такой сценарий может быть реализован! Этот её поступок — в мерзости которого она не сомневалась — не был продиктован исключительно её эгоистичными побуждениями! Они действительно не могли взять его с собой, равно как и обречь на медленную (а возможно и мучительную) смерть в лесу. Шанс, что его нашли бы каттегатцы, по большому счёту, был не настолько велик. Да и если бы они его нашли — с чего они с Семпронией решили, что конунг был бы милостив к нему, особенно после настолько наглого и дерзкого побега? Господи, да они даже не знают, для чего изначально понадобились Харальду! Может он вообще собирался казнить их на глазах королевы или ещё что похуже?

Они определённо поступили разумно, когда даровали Бронхилаю лёгкую смерть. Они всё правильно рассудили. Это было милосердно.

Ангелина должна была обсудить это с командиршей — ей требовалось обговорить всё со своей соучастницей, расставить все точки над "и".

Собравшись с мыслями, Ангелина решительно повернулась в сторону военной. К удивлению девушки, взгляд её упёрся в стремительно приближающуюся к ней широкую мужскую грудь, обтянутую тяжёлой железной кольчугой. Испуганно ахнув, она попыталась было отскочить в сторону, но внезапно мужчина схватил её за руки, притянув к себе.

— Путешествие окончено, Ваше Высочество, — спокойно проговорил конунг Харальд, улыбнувшись одним уголком губ.

— Отпустите меня! — Ангелина с силой дёрнулась в сторону, пытаясь освободить руки от жёсткого захвата.

Мужчина сжал её запястья сильнее, невольно надавив на ещё свежие ожоги. Девушка вскрикнула.

— Вы пойдёте со мной, Генриетта. Бесполезно сопротивляться, — голос конунга по-прежнему оставался спокойным, резонируя с абсолютно бесстрастным лицом. Казалось, что выходка принцессы Норфолка не произвела на него никакого впечатления, вопреки опасениям Ангелины. Представляя их встречу, она каждый раз фантазировала, как он, подобно яростному смерчу, налетит на неё, обрушит кучу самых грязных ругательств и проклятий, ударит, в конце концов!

Но Харальд поступил иначе. Игнорируя крики и сопротивление девушки, он невозмутимо поднял её на руки — продолжая, однако, держать её ладони в своей — и, кивнув показавшимся за его спиной нескольким воинам, понёс Ангелину обратно вглубь леса.

— Нет, отпусти! — Извиваясь змеей в его объятьях, верещала девушка. — Семпрония! Где Семпрония? Что вы сделали с ней?!

Конунг хрипло рассмеялся.

— Не стоит рассчитывать на помощь кин Мерло, Генриетта, — просто проговорил он. — Она не смогла бы вам помочь, даже если бы была в сознании.

— Боже... — девушка отвернулась и вытянула шею, выглядывая из-за спины мужчины. Её глаза принялись жадно осматривать место их прошлой дислокации в попытке отыскать военную.

К радости Ангелины, бессознательное тело Семпронии обнаружилось не покинутым где-то в кустах, а на руках крупной, широкоплечей каттегатки с выбритым виском. Суровое выражение, застывшее на её лице, прибавляло военной возраста, но по гладкой, упругой на вид коже, можно было догадаться, что девушка была ещё довольно молода. Уголок её тонких губ пересекал небольшой, но довольно приметный шрам, делая её вид более диковатым, но прямой, аккуратный носик, принятый называть "аристократическим", удачно компенсировал это, в результате чего в лице каттегатки виднелся отпечаток некоего благородства. Толстая русая коса, переброшенная через плечо, извивалась при ходьбе подобно ручной змейке, а в светлых глазах отражалась плохо скрываемое раздражение.

Похоже, подданные конунга явно не разделяли спокойствия своего правителя. Мельком рассмотрев оставшихся четырёх сопровождающих, Ангелина поняла — будь их воля, они бы с превеликим удовольствием разделались с незадачливыми беглянками, вдоволь перед этим над ними поизмывавшись.

Ни на что не надеясь, принцесса предприняла очередную слабую попытку вырваться, окончившуюся закономерно — полным провалом. Осознав всю тщетность своей затеи, она расслабилась. Грустно прислонив голову к скрытой прохладой кольчуги груди Харальда, Ангелина разочарованно выдохнула. Как можно было так сглупить? Семпрония ведь предупреждала её о том, что они должны всегда находиться в поле зрения друг друга и не отходить далеко! Она же говорила, что обстановка слишком подозрительная! О чём вообще Ангелина думала, когда отвернулась от военной, да ещё при этом и отошла от неё на

несколько метров? Какая же это была огромная глупость с её стороны! Она буквально собственноручно вручила каттегатцам возможность незаметно и без потерь разделаться с ними поодиночке!

В груди Ангелины поднялась волна злости на саму себя. Повинуясь самоуничжительному порыву, она с силой приложила голову о жёсткий холодный металл. В следующий секунду тот завибрировал от раздавшегося над девушкой глубокого, грудного смеха конунга.

— Не старайтесь выбраться, Ваше Высочество, — вкрадчиво проговорил он. — Вам не сбежать от меня. Это ещё никому не удавалось.

Ангелина равнодушно хмыкнула, проигнорировав его насмешку. Властитель Каттегата вызывал в ней смешанные чувства. Она отчётливо ощущала исходившую от него опасность. Абсолютно всё в нём — его плавные, уверенные движения, его невозмутимость, его спокойное поведение, даже сама его, полная холодной привлекательности, внешность — кричало об опасности. Хищническая сущность настолько ярко проявлялась в этом мужчине, что любому человеку достаточно было и одной встречи для того, чтобы уловить и усвоить эти сигналы. Он будто источал энергию доминантности и силы, внушая людям необъяснимый страх.

Если бы Ангелине нужно было бы описать конунга Харальда одним словом, она бы ответила: "Подавляющий". Именно это она ощущала рядом с ним — даже находясь неподалёку от него, она чувствовала непонятную, довлеющую над её головой силу, призывающую всё её нутро склониться перед обладателем этой силы.

При мысли об этом Ангелина прыснула. Вот ещё. Она не позволит какой-то тестостероновой бочке абюзить её! Она всегда давала отпор своей тётке и её собутыльникам, даже когда была ребёнком, и сейчас изменять себе не будет. Конечно, она постарается сделать всё возможное для того, чтобы выжить и выбраться из этой заварушки с наименьшими потерями, но она не станет терпилой, даже если это в какой-то момент покажется наиболее благоразумным решением. Она не побоится дать отпор и без магии — того, что случилось в её спальне после свадебного пира с Ротхеном, больше с ней не повторится.

Уже начало смеркаться, когда Харальд, наконец, объявил привал. Опустив не сопротивляющуюся пленницу на жёсткую лившу, он вытащил откуда-то из-за пазухи уже знакомую Ангелине грубую бечёвку. Не дожидаясь его приказа, девушка протянула ему сложенные вместе ладони, с явным вызовом глядя в глаза.

Конунг ухмыльнулся её выходке, покачав головой. Теперь, когда его лицо не было скрыто под плотным слоем крови, Ангелина смогла его как следует разглядеть.

Харальд оказался, к её удивлению, ещё довольно молодым мужчиной. В уголках его серых глаз едва только начали намечаться небольшие морщинки. Нос, несмотря на любовь конунга к военным походам, оказался прямым — следствие то ли наличия магии врачевания, то ли поразительного боевого мастерства мужчины, позволившего ему избежать многочисленных переломов. Левую бровь рассекал тонкий шрам, тянувшийся до середины щеки. Примечательно, что он вовсе не уродовал каттегатца, даже напротив — удачно вписываясь в архитектуру лица, он будто дополнял его образ, делая его завершенным.

Приглядевшись повнимательнее, Ангелина заметила тёмные узоры, покрывающие шею мужчины. Проследив структуру линий, она догадалась, что это было продолжением другого, более обширного рисунка, вытатуированного, по всей видимости, на груди и спине

мужчины.

Заметив направленный на его шею взгляд девушки, Харальд усмехнулся.

— Нашли что-то интересное, Ваше Высочество? — Нарочито невинно спросил он.

— Нет, — Ангелина поспешно отвела взгляд от конунга. Щёки её в то же мгновение покрылись румянцем.

Мужчина ничего не ответил, продолжив обматывать пальцы девушки. Когда он добрался до запястий, из груди её невольно вырвался вскрик. Два уродливых ожога показались из-под рукавов её рубахи в тот момент, когда она рефлекторно одёрнула руки на себя.

Увидев их, правитель Каттегата остановился. Ангелина опустила глаза, стыдливо пряча взгляд от конунга, хоть здравый смысл и подсказывал ей, что причин для стыда у неё нет. Она поступила так, как поступил бы на её месте любой здравомыслящий человек — она боролась за свою свободу. И ей не должно быть неловко от того, что её пленитель видит следы этой борьбы.

Помолчав некоторое время, мужчина, наконец, медленно произнёс:

— Так вот как ты избавилась от верёвок, — он невесомо провёл пальцами по алым полосам. — Умно.

Обернув грубую бечёвку несколько раз чуть выше ожогов, он закрепил её прочными узлами. После чего поднялся, коротко бросив:

— В лагере есть лекарь. Он тебя осмотрит по прибытию.

Развернувшись, мужчина отправился к своим подданным.

Ангелина притянула к груди колени. Всю дорогу до привала она провела в пусть и нежеланных, но довольно тёплых объятьях конунга, поэтому сейчас, оставшись в полном одиночестве сидеть на пожухлых листьях, она ощутила, как её кожу медленно окутывает колючий ледяной воздух. Злой и настойчивый, он проникал под её тонкую одежду, вызывая дрожь и заставляя девушку съеживаться даже от лёгкого дуновения зимнего ветерка. Определённо, вчера погода была более милостивой к ним. Или может это ей так казалось из-за того, что они без усталости бежали несколько часов кряду?

Подышав на связанные пальцы, Ангелина нерешительно оторвала взгляд от своих коленей, посмотрев вперёд. Ей было необходимо узнать, всё ли в порядке с Семпронией. Когда она видела свою напарницу в последний раз, та подобно тряпичной кукле лежала на руках у русоволосой каттегатки. С такого расстояния девушка не смогла разглядеть, ранена ли командирша, но обстоятельства, при которых они оказались пойманы, позволяли догадаться о причинах полной недееспособности военной. Ангелине уже довелось — хоть и не в деталях — увидеть, что собой представляла боевая магия, поэтому у неё не возникало ни малейшего сомнения в том, что Семпронию быстро и бесшумно "вырубили" с помощью магии. Оставалось только выяснить, насколько долго должен был продлиться её магический сон.

К счастью для девушки, норфолка была быстро обнаружена лежащей неподалёку на голой, покрытой тонким пушистым слоем снега земле. Судя по виду военной, она по-прежнему была без сознания, однако на её руках и ногах красовались верёвочные путы, что обрадовало Ангелину — каттегатцы явно предполагали, что Семпрония рано или поздно обязательно придёт в себя.

Облегчённо выдохнув, девушка принялась осматривать окрестности. Опушка, на которой они остановились, оказалась совсем небольшой. Со всех сторон её окружали

посеребрённые снежком высокие сосны и ели, и как Ангелина ни старалась, она так и не смогла разглядеть ничего за их раскидистыми густыми ветвями. Казалось, будто они находятся в каком-то сосуде — небольшой освещённый круг окутанный непроглядной, пугающей чернотой.

Пугающую тишину леса прерывали приглушённые голоса переговаривающихся каттегатцев. Высокие женские и низкие мужские — они в совокупности создавали успокаивающую мелодию, даря, к удивлению Ангелины, ощущение безопасности, которого она была лишена с момента своего пробуждения в компании норфолкской принцессы.

Определённо, большую роль в этом сыграло нахождение в тёмном холодном лесу, кишасщем всякого рода диким зверьём и хищниками, встречаться с которыми было бы куда приятнее, имея вооружённых боевых магов под боком.

— Его Величество приказал перенести Ваше Высочество, — вздрогнув от неожиданности, Ангелина резко повернув голову, встретившись взглядом с полными презрения глазами каттегатки, нёсшей некоторое время назад Семпронию, — поближе к костру. Так что не советую дёргаться.

Грубо подняв на руки продрогшую от холода Ангелину, девушка понесла её по направлению к окружённому двумя засохшими стволами, служившими, по-видимому, лавочками, активно пожирающему тонкий хворост костру. Его мягкий треск гармонично вливался в негромкую какофонию голосов, создавая ощущение своеобразного уюта.

Дойдя до ближайшего ствола, каттегатка небрежно усадила на него Ангелину, практически швырнув ту на усыпанную редкими обломанными ветками жёсткую балку, отчего девушка свалилась вперёд, чуть ли не упав лицом в пламя. Позади раздался злобный смешок.

Сжав зубы, Ангелина, неловко опершись связанными руками о землю, с трудом поднялась. На глаза её навернулись слёзы — ей стало до боли обидно за себя. Она не заслуживала подобного обращения! Она вообще не имеет никакого отношения ни то, что к Норфолку — к этому миру в принципе! Она не обязана отвечать за прегрешения матери своего двойника, это несправедливо!

Стараясь не скатиться в истерику, Ангелина резко повернула голову в сторону наглой каттегатки, злобно проговорив:

— Ты забыла, кто перед тобой? Даже если я связана, я по-прежнему остаюсь принцессой Норфолка, а ты — всего лишь одним из военных! И я не потерплю к себе подобного отношения.

Лицо каттегатки на секунду скривилось в раздражении. Однако она быстро взяла себя в руки, и, смело глядя в глаза Ангелине, издевательски произнесла:

— Приношу свои извинения Её Высочеству принцессе пока-ещё-существующего Норфолка Генриетте.

Ангелина недовольно скривила губы не найдя, что ответить, и отвернулась, уставившись на горящий огонь. Она понимала, что проиграла в этой стычке — её тело сотрясала мелкая дрожь от пережитого волнения, а мысли хаотично путались в тщетной попытке отыскать в голове наиболее ёмкий и остроумный ответ на выпад собеседницы. Похоже, сказывался пережитый ею стресс, ведь обычно ей удавалось если не пресечь хамство в свой адрес, то, как минимум, достойно держать удар. Но сейчас она чувствовала себя проигравшей. Наглая каттегатка, как оказалась, отличалась не только мощным телосложением, но и не менее крутым нравом. Это был тот самый случай, когда внешняя оболочка отражала внутреннее

наполнение — Ангелина поняла это по решительному, уверенному взгляду военной. Как и конунг, она источала ауру силы — дикой, необузданной, опасной. Будь Ангелина сторонницей всей той эзотерической лабуды, с такой любовью прокламировавшей её тёткой, она бы сказала, что у каттегатки мощная мужская энергетика, подобно той, что исходила от Семпронии и даже, вспомнила девушка, от сестры Ротхена. Неужели это какая-то особенность боевой магии? Она делает всех обладателей "мужиковатыми"? Хотя, как Ангелина успела заметить, что здесь в основе распределения обязанностей лежит отнюдь не гендерный признак — традиционно "женские" и "мужские" (с точки зрения её мира) функции выполняются людьми любого пола, приоритетным является только вид магии, которым владеет тот или иной человек. Значит ли это, что критерии "женственности" и "мужественности" — а, следовательно, и выстроенные на их основе правила социального взаимодействия — другие? Что, если то, что она, человек иного мировоззрения, считает критериями мужественности, жители этого мира воспринимают как характеристику магического дара? И для них, в таком случае, вполне естественно поведение тех же Семпронии и каттегатки и не вызывает того же диссонанса, что возникает у неё.

Ангелина издала приглушённый, полный отчаяния стон. И как ей здесь жить, скажите на милость? Она же совершенно не понимает даже основ социального взаимодействия этого общества! До этого момента ей не приходилось толком ни с кем контактировать, но что случится, когда ей придётся поддерживать общение с людьми в большей степени, чем банальные формальности? Ох, да даже формальности! Все те крохи знания об этикете, которые у неё есть, были получены в её мире. Генриетта провела инструктаж, но весьма скупой — многие вещи люди, родившиеся здесь, впитывают с младенчества, им не нужно отдельно объяснять, что и кому подобает носить, с кем и как разговаривать, как и что танцевать! Для них это — данность!

Для них, но не для Ангелины. Пожалуй, только сейчас девушка в полной мере осознала — она здесь янки при дворе короля Артура. Потерянная, абсолютно ничего не понимающая чужачка. И если даже ей удалось бы сбежать, это бы не привело ни к чему хорошему. Её одинокие скитания вполне могли бы закончиться в тот момент, когда она ненароком оскорбила бы кого-нибудь высокопоставленного чиновника или просто чересчур чувствительного прохожего своим видом, поведением, словами — да чем угодно! Возможно, даже её привычное землянам "боже" является в этом мире святотатством, ведь, насколько Ангелина могла заметить, местные говорят исключительно "божество", не допуская никаких сокращений.

Определённо, одной ей не выжить. Значит, придётся старательно отыгрывать роль принцессы, сидя смирно. По крайней мере, до того момента, пока она не освоится в этом мире и не разовьёт свою магию достаточно для того, чтобы иметь возможность посредством её заработать.

Сжав пальцы на ногах, Ангелина медленно кивнула, соглашаясь со своими мыслями. За всеми этими размышлениями она сама не заметила, как успела согреться, и теперь её глаза, в которых отражалось медленно облизывающее тонкие сухие веточки пламя, начали медленно слипаться. До ушей девушки доносились голоса каттегатцев, однако её разума лишь едва-едва касались отдельно взятые слова — всё остальное благополучно тонуло в общей смеси фонового шума леса, который с наступлением темноты внезапно стал более общительным, посылая редкие выкрики ночных птиц.

— Тебе нужно поесть. Держи.

Бархатистый голос Харальда, внезапно раздавшийся у её уха, заставил Ангелину резко дёрнуться. Быстро повернувшись, она увидела усаживающегося подле неё конунга. В руке он держал нечто, напоминающее небольшой кусок вяленого мяса, который мужчина протягивал ей. Девушка сжала губы. Заметив её реакцию, Харальд насмешливо приподнял бровь.

— Боишься, что отравлено? — Хохотнул он.

— Нет, — уши Ангелины покраснели от досады — она была уверена, что конунг насмехается над ней. — Если бы вы хотели меня отравить, то не несли бы... столько времени через лес. Я не могу есть, — подняв свои связанные руки, она приблизила их к лицу мужчины, многозначительно указывая на них взглядом. — Если вы помните.

— Я не страдаю забывчивостью, — её собеседник усмехнулся, и на лице его отразилась злость. Он резко склонился к девушке. — В отличие от королевы Норфолка, я никогда не забываю ни о своих поступках, ни об обещаниях.

Ангелина с вызовом взглянула на него. Её глаза сверкнули обидой.

— Не понимаю, причём здесь королева Норфолка, — нервно облизнув губы, парировала она. — Я ни о чём не забывала и никаких обещаний не нарушала, и я не обязана за них расплачиваться. Если есть претензии к моей матери — предъявите их ей лично вместо того, что бы вымещать злость на связанной и беспомощной девушке!

К концу небольшой тирады сердцебиение Ангелины ускорилося до такой степени, что казалось, будто сердце сейчас пробьёт грудную клетку и вырвется наружу, подобно маленькой, бойкой домашней канарейке. Девушка тяжело сглотнула, но не отвернулась. Как оловянный солдатик она храбро продолжала смотреть в глаза Харальду, заставляя себя не отводить взгляда.

Молчание, длившееся, по ощущениям Ангелины, целую вечность, было прервано подошедшей к ним каттегаткой. Не удостоив принцессу и взглядом, она наклонилась к конунгу, что-то зашептав тому на ухо. Воспользовавшись моментом, Ангелина отвернулась, уставившись на костёр. Пока они разговаривали, кто-то из каттегатцев успел подкинуть в него нового хвороста, который резвые язычки пламени с радостью принялись облизывать, довольно потрескивая. Подняв голову, она встретилась глазами с сидящими на втором бревне тремя мужчинами. Активно работая челюстями, они жевали небольшие куски вяленого мяса, негромко переговариваясь друг с другом и время от времени бросая непонятные взгляды в их сторону. Их лица, освещаемые сейчас лишь пламенем костра, были подобны каменным маскам — такие же суровые и грубые, лишённые каких-либо эмоций. Ангелина не смогла даже приблизительно определить их возраст — свойственная только молодым сила и выносливость причудливо сочеталась в них с естественной для взрослых внутренней строгостью и серьёзностью. Это сквозило во всём — в их внешности, в том, как они разговаривали, как двигались; девушка была уверена — встретить она их где-нибудь на улице в обычной гражданской одежде, она бы сразу поняла, что они военные.

Отведя взгляд в сторону, Ангелина вздохнула. Её плеча едва заметно коснулась тёплая широкая ладонь. Повернув голову, она встретилась взглядом с конунгом. Каттегатка, разместившись по правую руку от него, принялась есть, обмениваясь фразами с сидящим рядом с ней товарищем.

— Тебе всё-таки нужно поесть, — спокойно произнёс Харальд. — Я покормлю тебя, если ты не будешь упрямитесь.

— Почему бы вам не развязать меня? — В голосе Ангелины отчётливо слышалась усталость. — Я всё равно не смогу сбежать — вас же больше. Да даже если и смогу, я не

выживу в лесу в одиночку.

Мужчина тихо рассмеялся. Его смех, грудной и глубокий, мягко ласкал слух девушки, отчего та невольно зарделась — хоть конунг Каттегата и был опасным человеком, вселявшим девушке страх, она не могла игнорировать того факта, что его голос был довольно волнующим. И обстоятельство это только усугубляло её положение — этот голос хоть и звучал как рай, но произнесённое им могло ранить больно, как ад. Харальд был хищником — и об этом не стоило забывать. Пусть он пока и не проявил себя таковым с ней, Ангелина чувствовала, нет, знала — это явно читалось в его глазах — ей не стоит обманываться его приятной наружностью и слишком зарываться.

— Конечно, ты не убежишь, принцесса. — Мягко произнёс конунг, отсмеявшись. — Но кто знает, какая мысль посетит твою обиженную головку? Может, ты захочешь убить кого-нибудь? А я уже потерял своих бойцов из-за твоего побега. Так что, — невесомо коснувшись подбородка Ангелины, он заставил её чуть приподнять голову, — придётся тебе пока побыть связанной, Твоё Высочество. — Убрав руку, он с прежней интонацией произнёс, — так ты будешь упрямитесь или позволишь мне накормить тебя?

— Я не буду упрямитесь, — сглотнув, быстро проговорила Ангелина.

Харальд удовлетворённо усмехнулся.

* * *

— ... а как же ж, Ваше Величество! Места для всех отыщем, уж не тревожьтесь!

— В таком случае, — в голосе конунга звучала свойственная ему спокойная уверенность, — тол Моргентау, проследите за тем, что бы всё было сделано быстро — мои воины порядком устали.

— Конечно, Ваше Величество, — хозяйка постоянного двора активно закивала, неосознанно потирая свои полноватые руки. — Разместим всех со всеми удобствами, можете не сомневаться! Нам не впервой принимать высочайших гостей и, Божество мне свидетель, мы ни разу ещё не ударили в грязь лицом.

— Надеюсь, — достав небольшой холщовый мешочек, конунг раскрыл его и протянул хозяйке "Туманной литы". — Все занятые гостями комнаты должны быть освобождены — постоянный двор наш до завтрашнего утра.

Тол взяла протянутый мужчиной кошелек. Нетерпеливо высыпав на стойку небольшую горку золотых монет, она едва не присвистнула, но, вовремя опомнившись, с до комичного важным выражением на лице ответила:

— Как то угодно Вашему Величеству.

Харальд кивнул. Взяв за руку укутанную в тяжёлую меховую накидку Ангелину, он развернулся в сторону отполированной деревянной лестницы, бросив на прощание:

— И пришлите в наши покои служанок — пусть они наполнят ванну.

— Всё сделаем, Ваше Величество!

Холл постоянного двора тотчас наполнился разнообразными звуками — гомон голосов, топот, скрип оживили огромный двухэтажный особняк, будто застывший после прибытия каттегатцев. До ушей Ангелины донёлся громкий смех воинов и вторившие ему застенчивые смешки молоденьких служанок, отправленных сопровождать их в комнаты.

Обернувшись, Ангелина украдкой взглянула на шагающую рядом с высокой русоволосой каттегаткой Ратель, бывшей, как узнала девушка, кем-то наподобие генерала, бледную Семпронию. Руки командирши были по-прежнему связаны, а на щеке имелся внушительный кровоподтек. Её местами изодранная одежда была испачкана грязью и застывшей кровью,

как и короткие тёмные волосы военной. Перехватив взгляд норфолки, Ангелина приподняла уголок губ в попытке выдать хоть что-то отдалённо напоминающее ободряющую улыбку, но, заметив брошенный в их сторону полный раздражения внимательный взгляд каттегатки, девушка быстро отвернулась. Не хватало ещё, что бы эта ненормальная заподозрила их в сговоре. Она и без того умудрилась неплохо попортить кровь им обоим за те два дня, что они провели в дороге до Корлема — терпеть пакостные выходки вредной военной больше не хотелось.

Покорно следуя за вцепившимся в её руку Харальдом, Ангелина размышляла над тем, через что ей предстоит пройти в будущем. В её фантазиях пленение у каттегатского конунга должно было обернуться для неё чем-то унижительным и крайне малоприятным, но со времени их встречи мимолётный разговор у костра в лесу был единственным их продолжительным взаимодействием. Всё время пути мужчина лишь ограничивался вопросами о её самочувствии, не предпринимая никаких попыток ни завести с ней беседу, ни — слава Божеству! — причинить ей какой-либо физический вред. Напротив — стоило им добраться до лагеря, как он тут же прислал ей лекаря, залечившего её запястья от уродливых ожогов.

Ангелина испытывала двойственные чувства от сложившейся ситуации — с одной стороны, она была рада тому, что к ней отнеслись подобающим образом, но с другой... нахождение в подвешенном состоянии нервировало её. Сейчас ей хотелось лишь одного — прояснения своего положения, и она была намерена получить это от Харальда сегодня же.

Дойдя почти до конца коридора второго этажа они, наконец, остановились. Пока взволнованный слуга возился с ключом, отчаянно пытаясь вставить его в замочную скважину, Ангелина без особого интереса разглядывала просторный коридор.

Покрытый тёмно-зелёным ковром дощатый пол; украшенные цветными гобеленами с изображёнными на них сценами охоты деревянные же стены, на которых разместились на равном расстоянии друг от друга масляные лампы; стройные ряды однотипных деревянных дверей — одним словом, типичный отель, коих в её мире было валом, разве что этот отличался своим причудливым средневековым антуражем.

— Ваша комната, Ваше Величество, — голос паренька-прислужника предательски выдавал охватившее его обладателя волнение.

— Благодарю, — приняв ключ у слуги, Харальд решительно вошёл в просторную светлую комнату, утянув за собой Ангелину, после чего быстро закрыл двери, спрятав ключи в кармане своих брюк.

— Но мы... я..., — будучи обезоруженной его поступком, девушка залепетала.

— В чём дело? — Мужчина вопросительно приподнял бровь, глядя на растерянно уставившуюся на него принцессу.

— Я думала... то есть, мне казалось, что... у нас будут другие комнаты... в смысле, разные... я... я разве не должна быть с Семпронией, ну... мы же... мы же пленницы...

Конунг весело хохотнул.

— Маленькая принцесса расстроилась из-за того, что ей не дали возможность ещё раз сбежать? — Наиграно просюсюкал Харальд. — Ты меня за идиота принимаешь, а, Генриетта? — неожиданно резко он схватил Ангелину за подбородок, а голос его стал непривычно жёстким. — Я потерял нескольких воинов из-за твоего побега, девчонка! Пока не прибудем в Каттегат, я с тебя глаз не спущу. Советую привыкать к этому. — Договорив, он отпустил девушку.

Отойдя подальше к обитому красной грубой тканью креслу, конунг одним быстрым движением снял свой утеплённый песцовым мехом плащ и бросил его на сидение. Следующими слетели ножны, кожаные поясные сумочки — судя по звуку, набитые какими-то металлическими предметами, — а также перчатки.

Наблюдавшая за этим Ангелина по-прежнему стояла у двери, подобно античной статуе — такая же неподвижная и мертвенно бледная. От испуга её сердце бешено колотилось, а руки сотрясала противная мелкая дрожь. Ей ещё ни разу не приходилось видеть конунга Каттегата разозлённым, и, хотя она внутренне и готовила себя к этому, в реальности поведение мужчины испугало её куда больше, чем она думала.

Громкий стук в дверь вывел Ангелину из транса, заставив резко вздрогнуть. Стремительно приблизившийся к двери Харальд дал знак девушке отойти подальше, а сам, приложив руку к дверному косяку, активировал магию. В комнате в тот же миг повисло напряжение.

Что происходит? Он всегда так делает? Может, их выследили люди Ротхена?

Ангелина прикусила губу, боясь издать хоть звук. Её глаза жадно ловили каждое изменение в лице конунга — настороженность, подозрительность, решительность и, наконец, облегчение. Деактивировав магию, мужчина достал ключ и, открыв двери, впустил в комнату двоих, несущих окутанные магическими сетями бочки с водой, служанок.

Отвесив поклон, одна из них, запинаясь, проговорила:

— Гос-госпожа тол Моргентау при-прик-казала приготовить ванну, Ваше Вел-личество.

Харальд кивнул, пропустив девушек в комнату.

После того, как они скрылись за одной из дверей, конунг подошёл к Ангелине.

— Пока мы здесь, не разговаривай ни с кем без моего разрешения. Если я узнаю, что ты пыталась подбить кого-нибудь из obsługi помочь тебе сбежать, то ты очень сильно пожалеешь об этом.

— Я... — голос девушки был хриплым, — я не собиралась...

— И не стоит — король Эссена мой дальний родственник и верный союзник Каттегата. Пока мы на его территории, тебе не скрыться, принцесса.

— Я... поняла.

Мужчина мягко взял Ангелину за шею и, склонившись к её лицу, тихо выдохнул:

— Умница. Будь такой понятливой и дальше.

Девушка сглотнула, испуганно глядя в непроницаемое лицо Харальда. Сердце её заходило в сумасшедшем ритме, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. Казалось, будто каждая клеточка её тела наполнилась страхом — тем самым первобытным, животным испугом, который человек ощущает при приближении готового его сожрать хищника. Будто остальной мозг перестаёт функционировать, а остаётся лишь его древнейшая часть — та самая, что сформировалась, когда мы ещё были рыбками, конкурирующими с предками современных морских обитателей за жалкие крохи еды. И потому этот участок мозга так хорошо приучился ощущать грозящую нашей жизни опасность, сигнализируя о ней чувством всепоглощающего ужаса.

Именно это сейчас и испытывала Ангелина — страх жертвы перед способным уничтожить её одним жестом хищником. Подумать только — всего несколькими минутами ранее она была полна решимости вытрясти из каттегатца информацию о его планах на неё! Ну разве она не глупая?

Звук открывшейся двери нарушил опустившуюся на комнату тишину. Отвернувшись от

девушки, Харальд проговорил:

— Вы можете быть свободны, мы справимся без вас. И пусть тол Моргентау пришлёт нам торговку одеждой, да побыстрее — Её Высочеству срочно нужны вещи.

— Да, Ваше Величество.

Отвесив поклон, служанки вышли. Щёки их пылали то ли от усердия, то ли от смущения, и они всячески избегали необходимости пересекаться взглядом с конунгом.

Закрыв за ушедшими двери, мужчина одним ловким движением стянул с себя рубашку, бросив её на пол. Потянувшись к шнуровке на брюках, он взглянул на изумлённо глядящую на него Ангелину, по-прежнему укутанную в тёплый плащ.

— В чём дело, Генриетта? — Насмешливо произнёс он. — Ты разве не собираешься мыться?

Лицо девушки тотчас сделалось пунцовым.

— Я... я... потом, — едва слышно пролепетала она.

— Нет, сейчас. — Харальд стянул штаны, представ перед ней абсолютно нагим. — Я не собираюсь сидеть и ждать, пока ты искупаешься — у меня есть и другие дела. Поэтому пойдём вдвоём. Раздевайся.

— Меня не н-надо будет жд-ждать, — усиленно отводя глаза от обнажённого мужчины, поспешно ответила Ангелина. — Я быстро искупаюсь и выйду, а вы займётесь своими делами в это время.

— Генриетта, — голос конунга сделался раздражённым, — мне казалось, мы достигли понимания. Пока не прибудем в Каттегат, ты не отойдёшь от меня ни на шаг. Раздевайся.

Сдерживая рыдания, девушка трясущимися руками потянулась к завязкам на плаще. Все её действия были медленными и нервными — неосознанная и в высшей степени наивная попытка отсрочить то неизбежное, что ей в любом случае придётся сделать. Сбросив плащ, она стянула неудобные сапоги, отчего её ноги тут же расслабленно загудели, утопая в жестковатом ворсе ковра. Переступая с ноги на ногу, Ангелина ненадолго ступевалась, прикидывая, что снять следующим. После непродолжительных раздумий она, всё так же стараясь не встречаться взглядом с терпеливо за ней наблюдающим мужчиной, нехотя потянулась к брюкам. Развязав шнуровку, медленно стянула их вниз. К тому моменту, когда девушка сняла с себя рубашку, неловко зацепившись за ткань серьгой в процессе, она была уже вся пунцовая от смущения, полностью вытеснившим страх.

Харальд издал хриплый смешок, наблюдая за тем, как Ангелина с пылающим лицом и закрывающими грудь и лобок ладонями нехотя поплелась следом за ним в ванную.

Ванная комната оказалась к моменту их прибытия заполненной тёплым паром, исходящим от огромной, больше, чем стандартная ванная раза в три, деревянной бадьи с железной окантовкой. На деревянном полу, уже успевшем немного нагреться, собрались капли конденсата, сделав его влажным. Подойдя к бадье, Харальд поднял Ангелину на руки, отчего та издала полный удивления приглушённый вскрик. Опустив девушку в воду, конунг залез туда и сам, из-за чего часть воды, вытесненная их телами, выплеснулась из ванны, заливая пол.

Недолго думая мужчина принялся расплетать свои косы, время от времени бросая взгляды на вцепившуюся в деревянные бортики пленницу. Крепкие мышцы перекачивались под его покрытой многочисленными татуировками светлой кожей, на которой блестели маленькие капли пота.

Ангелина отвернулась в сторону, пряча глаза. До этого ей не приходилось видеть

обнажённого мужчину настолько близко — не считая, конечно, пьяного Ротхена, — и уж тем более мыться вместе с ним. В ней, совсем некстати, вновь проснулась её врождённая робость — та самая, которая часто бывает у выросших без отца девушек. Продолжая прикрываться одной рукой, второй она потянулась к своей косе и резкими, нервными движениями принялась распутывать её, продолжая при этом усиленно делать вид, будто сидящий неподалёку от неё голый мужчина ей совсем не интересен.

Тишину ванной комнаты нарушали лишь робкие всплески воды, раздававшиеся каждый раз, когда кто-то из них опрокидывал на свои волосы небольшие водные каскады из тяжёлого деревянного ковша. Бросавший время от времени взгляды в сторону девушки конунг был, казалось, полностью поглощён своими мыслями. В его движениях, спокойных и плавных, читалась уверенность человека, твёрдо убеждённого в том, что именно он является хозяином положения. И эта демонстрация, чувствовала Ангелина, не была всего лишь пустой бравадой. Она ощущала это всем своим нутром — даже будь у неё магия, она не рискнула бы напасть на него сейчас, в момент его относительной беспомощности, когда он погружается в воду или закрывает глаза, опрокидывая на себя ковш. В такие мгновения он по-прежнему внушал ей опасение, будто одним своим видом говоря ей предупреждающее: "Не вздумай".

Девушка неумело смыла со своих длинных волос пахнувший жасминовым эфирным маслом жидкий мыльный раствор. С трудом прочесав мокрые волосы пальцами, она откинула их на спину. Чуть приподнявшись, Ангелина потянулась за небольшой тряпочкой, похожей на ту, которую в своё время использовала на ней Генриетта. Грубоватая ткань оказалась такой, какой она её и заполнила — мягкой, но немного шершавой. Смочив её в воде, она медленными движениями принялась очищать шею.

Внезапно взгляд её зацепился за сидящего на противоположной стороне бадьи мужчину. Конунг, закинув руки на край ванны, расслабленно и без малейшего угрызения совести наблюдал за моющейся девушкой. Его мускулистая, покрытая странными символами грудь мерно вздымалась в такт его дыханию. Лицо его казалось безмятежным — приподнятые в лёгкой улыбке уголки губ, полуприкрытые, светящиеся чисто мальчишеским озорством глаза, которые исследовали обнажённое тело Ангелины с откровенным бесстыдством.

Встретившись с ним взглядом она на долю мгновения опешила от такого неприкрытого нахальства. Рефлекторно прикрывшись рукой, девушка возмущённо воскликнула:

— Отвернитесь!

Харальд хрипло рассмеялся, чем только сильнее разозлил Ангелину.

— Вы меня не слышали? — Её брови грозно сошлись у переносицы. — Отвернитесь! Хватит пялиться на меня!

— Иначе..? — Насмешливо спросил мужчина.

Ангелина задыхнулась от возмущения. Каков подлец! Мало того, что этот негодяй похитил её прямо с собственной первой брачной ночи, так ещё откровенно насмехается над ней!

— Я, вообще-то, не какая-то девка с улицы, — тяжело дыша, проговорила она. — Я принцесса! Даже если я ваша пленница, вы всё равно должны уважать меня.

Голос девушки треснул на последней фразе, выдавая охватывавшее её волнение. С лица Харальда в ту же секунду сошла вся весёлость — красивые черты исказились грубостью и напряжением.

— Верно, — холодно произнёс он. — Равно как и ваша матушка, Ваше Высочество, в

своё время должна была уважать заключённый между нашими государствами договор. Но, как вы помните, — в его глазах отразилось отвращение, — Ваше Высочество, она не слишком этим утруждалась. Так почему от меня вы требуете чего-то?

— Потому что это не я нарушила договор, — глаза Анжелины стали влажными от обиды и осознания всей несправедливости ситуации, в которой она оказалась. — Вы даже не можете... не можете спрашивать за это с меня! Я могла бы понять, если бы я была с ней в тот момент и не остановила её, но меня тогда даже на свете не существовало! Это просто несправедливо! Я не обязана нести ответственность за её ошибки.

— Не обязана, — спокойно согласился конунг. — Но ты — отличный способ призвать её к ответственности.

— И как же? — Чуть не плача, воскликнула девушка. — Она отдала свою дочь в жёны дикарю, которого впервые увидела! Неужели вы думаете, что ей не всё равно на то, что вы со мной сделаете? Вы этим только наказываете меня, хотя я вообще здесь не при чём!

Ангелина замолчала, принявшись яростно вытирать выступившие на глаза слёзы.

Харальд некоторое время наблюдал за ней, не издавая ни звука. Его лицо сделалось бесстрастным, задумчивым. Пожалуй, даже те люди, которые знали его с рождения, не смогли бы с полной уверенностью сказать, о чём именно сейчас размышлял правитель Каттегата. Испытывал ли он раздражение? Злость? Сочувствие? А может, ему вообще было всё равно, и он не воспринимал всерьёз ни эту перепалку, ни саму принцессу? Трудно понять. Он был одним из тех людей, задеть струны души которых было под силу только единицам, и потому чаще всего Харальд ограничивался лишь вежливым, но всё же равнодушным и спокойным принятием личных границ другого человека.

Дождавшись, когда принцесса возьмёт себя в руки — что, к его удивлению, произошло довольно быстро — он спокойно спросил:

— Ты закончила мыться или тебе нужно ещё время?

— Я закончила, — прочистив горло, ответила Ангелина.

Мужчина кивнул. Поднявшись, он прошёл к стоящему у стены высокому деревянному шкафику. Выудив оттуда два аккуратно сложенных куска ткани, бывших, видимо, полотенцами, он один протянул вылезшей из бадьи девушке, а вторым принялся вытираться сам.

Когда они вышли из ванной, замотанные во влажные полотенца, Харальд подошёл к камину. Достав из железной корзины пару дров, он подкинул их в зажжённое слугами небольшое пламя.

Наблюдающая за его действиями Ангелина всё это время стояла, опершись рукой о дверной косяк. В общей комнате было ощутимо прохладнее, чем в согретой горячим паром ванной, поэтому она старалась держаться поближе к источнику тепла, мудро опасаясь находиться с влажными после мытья волосами на сквозняке. Особенно после её ночного рейда по зимнему лесу в тонкой льняной рубаше.

Вспомнив про свой побег, она произнесла:

— А что будет с Семпронией? — Харальд обернулся, вопросительно глядя на неё. — Я имею в виду, вы же для чего-то оставили её в живых. Для чего она нужна вам?

— Кхм, — мужчина принялся мешать угли кочергой. — А ты не хочешь, принцесса, узнать, что будет с тобой?

— Я хочу, просто... моя ценность как члена королевской семьи очевидна. Но вот зачем вам Семпрония и те другие... пленники, которые были в лесу. Их же было проще убить.

— Я пришёл не убивать, Генриетта, — конунг поднялся. — Я пришёл с мирными целями, и мне бы не хотелось напрасных смертей.

— Значит, вы отпустите Семпронию?

— И с каких это пор принцесса Норфолка так озабочена благополучием какого-то командира? — Харальд приблизился к Ангелине, скрестив руки. — Нашла очередное увлечение?

— Увлечение? Я не очень понимаю, о чём... — девушка замолкла на мгновение, но память тут же услужливо ей подкинула воспоминания о их первом вечере с Генриеттой и той омерзительной сцене в ванной, что произошла между ними. — О, Божень... ство, нет, конечно! Здесь ничего нет... такого... неоднозначного... — красная краска стремительно залила щёки Ангелины. — Я... мы... просто познакомились, и она показалась мне хорошей... по большому счёту она не виновата ни в чём, она же просто выполняла свою работу и всё. Будет несправедливо наказывать её за это.

— Ц-ц-ц, — мужчина хохотнул, — ну надо же... тебя послушать, так я сам Великий Душитель — неволю бедных, ни в чём не повинных людей ради забавы.

— Я не говорила такого. Я знаю, что она военный и всё такое, и вообще понимала, куда шла работать, но... э-э-э...

Ангелина замолчала, не зная, что сказать. Не будучи глупым человеком, она осознавала, что они с Семпронией с точки зрения каттегатского правителя были врагами, и какие бы аргументы она сейчас не привела в защиту командира — это всё будет бесполезно.

— "Но" что? — Спросил конунг.

— Но... э-э-э ну... я просто хочу узнать, что с ней будет, вот.

Брови Харальда насмешливо взметнулись вверх.

— Это зависит от ситуации. — Неопределённо ответил он.

— От какой ситуации?

— От той, что сложится после того, как мы прибудем в Каттегат, и я отправлю твоей матери послов с предложением заключения брачного союза.

— Э-э-э брачного союза..? — Ангелина непонимающе протянула.

— Да, Ваше Высочество, — мужчина сделал шаг по направлению к ней. — Брачного союза между нами, который даст возможность твоей трусоватой мамочке выйти с минимальными потерями из всей этой истории. Надеюсь, у неё ещё сохранились хоть крупинцы здравого смысла и она не станет усугублять своё — и твоё, к слову, тоже — положение отказом. Ведь...

Громкий стук в дверь заставил Харальда замолчать. Как и в прошлый раз, дав Ангелине знак не шуметь, он подошёл к двери, на ходу активировав магию. Удостоверившись в отсутствии опасности, конунг повернул ключ, впуская в комнату пожилую седовласую женщину в забавном жёлтом платке. Отвесив поклон, дама на удивление звонким голосом бодро отработала:

— Моё почтение Его Величеству конунгу Харальду Каттегатскому и Её Высочеству принцессе Генриетте Норфолкской. Я тол Селестина, держательница лучших торговых домов одежды во всём Корлеме. Тол Моргентау сообщила мне, что Её Высочество срочно нуждаются в одежде, и я сразу же прибыла сюда.

— Вы можете проходить, — Харальд кивнул, закрыв дверь. На долю секунды Ангелина мельком заметила стоящих возле входа двух вооружённых каттегатцев. Одного из них она узнала — он был среди тех, кто поймал их с Семпронией в лесу. Похоже, конунг выставил

охрану у их номера, что, впрочем, не было удивительным. — Её Высочество объяснит вам, что ей нужно.

Ангелина неподвижно сидела напротив Харальда, равнодушно уставившись на свои сцепленные ладони. С того момента, как они, распрощавшись с рассыпавшейся в восхвалениях хозяйкой постоялого двора, разместились в бегателе, никто из них не проронил ни слова.

Они вообще не разговаривали больше после той их беседы у камина — у конунга неизменно находились дела, требующие его участия, а Ангелина не знала, как к нему подступиться. Да и о чём ей было спрашивать? О его планах на неё? Но он ясно дал понять, какую роль отводит ей. О том, что её ждёт, если Боудика отвергнет его предложение? А имеет ли это какое-то значение сейчас? Насколько улучшится её состояние, если она узнает, что Харальд планирует убить её в случае отказа? Разве может она найти способы предотвратить это, будучи не более, чем слепым, беспомощным котёнком в этом мире? Чем хоть какая-то информация поможет ей, не знающей даже элементарного?

Чувство обречённости змеёй обвилось вокруг нутра Ангелины — она теперь заложница воли правителя Каттегата. Лишь от его желания зависит её будущее — нет, её жизнь, — и все эти жалкие попытки набросать для себя хотя бы контуры будущих шагов не больше, чем бессодержательный мыслительный онанизм.

Тяжело вздохнув, она украдкой взглянула на Харальда. Он сидел, изучая одну из переданных ему накануне бумаг. Его точеный профиль аккуратной линией выделялся на сером фоне двери бегателя, а мускусный запах заполнял собой всё пространство, обволакивая лёгкие. Не без недовольства Ангелина вынуждена была признаться самой себе: физически конунг Каттегата привлекал её. Тем неприятнее это признание давалось на фоне осознания ею своей от него зависимости, а также его отношения к ней.

Своей демонстративной учтивостью он давал ей надежду на спасение, но в то же время его скрытность и нежелание даровать ей так страстно желаемую ею определённую заставляли её находиться в подвешенном состоянии. Он не говорит об этом прямо — этого и не требуется, но Ангелина чётко знает: он — единственный, кто ставит условия и диктует правила. А если вдруг ей случится обмануться его мягкостью и забыться, то он быстро напомнит ей об этом, всего лишь чуть сильнее затянув обёрнутые вокруг её шеи невидимые цепи. Иметь хоть какую-то слабость перед ним — значит давать ему в руки ещё большую власть над ней, а допустить подобного Ангелина не могла. Пусть она пока и не видит для себя возможностей, но она чувствует — они скоро могут появиться. И последнее, чего бы ей хотелось — упустить их из-за гормональных игр своего организма.

Ангелина тихо вздохнула, нервно потирая запястья. Заметив её жест, Харальд хмыкнул. Отложив подёрнутый рыжиной лист бумаги, он вежливо проговорил:

— Ещё болят?

— Что? — девушка рассеянно взглянула на мужчину. Ей потребовалось несколько мгновений для того, что понять, о чём именно говорил правитель Каттегата. — А, уже нет, благодарю. Лекарь хорошо вылечила, даже шрамов не осталось.

— Хм, — конунг кивнул.

Помолчав немного, он с некоторой неохотой добавил:

— А ты это ловко придумала... мы до последнего не могли сообразить, как у вас получилось выбраться.

— Да, я... иногда могу, — Ангелина поджала губы.

Их разговор заходил на очень опасную для неё территорию, и она опасалась его следующего витка. В конце концов, Харальд упоминал о том, что потерял нескольких бойцов из-за её авантюры с побегом, и тон его при этом был далёк от радостного.

— Я удивлён, — к разочарованию девушки, мужчина решил развить тему. — Не ожидал от тебя такой находчивости... мне рассказывали о тебе другое.

— Люди всегда найдут, что сказать. Особенно про знатных, — в голосе Ангелины зазвучала нервозность.

Неужели он догадывается? Что, если Генриетта не хотела замуж за Ротхена, потому что на самом деле у неё был тайный роман с Харальдом? И тот спешил специально для того, чтобы спасти возлюбленную из лап озабоченного варвара и потребовать у королевы Боудики руки принцессы, прикрывая это политическими интересами? Да нет, что за глупость. Зачем бы тогда Генриетте понадобилось сбегать? К чему бы был весь этот спектакль с убийством и пленением норфолкских военных — разве те не должны были, если это всё заранее планировалось Генриеттой и Харальдом, на пиру присоединиться к каттегатцам?

Определённо, это бредовая теория. Похоже, что конунг, как и говорила принцесса, в жизни не встречался лично ни с одним представителем королевского дома Норфолка, и потому имеет лишь их словесные описания.

"Прекрати паниковать, — мысленно прошипела Ангелина. — Иначе тогда он точно что-нибудь заподозрит".

— Хм, твоя правда, — мужчина откинулся на спинку сидения, в глазах его загорелся непонятный огонёк. — И что люди при норфолкском дворе болтают про меня, Генриетта?

— Что вы... опасный. И что вас все боятся.

— Вот как? — Харальд рассмеялся. Его смех был спокойным и полным нескрываемого веселья — конунга явно забавляла его репутация среди норфолкцев. — Здравая позиция. Им есть, чего бояться.

— Вы их убьёте? — Вопрос вырвался у девушки прежде, чем она успела себя остановить.

Мужчина вопросительно приподнял бровь.

— Я ведь уже говорил: у меня нет цели убивать, — ответил он. — Но если твоя мать решит сглотить и окажется от моего предложения, то мне придётся пойти на крайние меры.

— Крайние меры? — Нервно облизнув губы, повторила Ангелина. — И кого же... кхм, они затронут? Вы же не станете вырезать всех жителей Норфолка?

— Ну разумеется нет. Только твоих родственников и особо неговорчивых глав нескольких аристократических семей.

— А... я?

— Ты, — Харальд чуть подался вперёд и, глядя девушке в глаза, спокойно произнёс, — как единственная оставшаяся в живых наследница получишь корону Норфолка, а после — сразу примешь моё предложение о заключении брака. Или ты предпочтёшь разделить судьбу своих родных, а?

— Н-нет, я... я не предпочту, — сжав ткань тёплых брюк, тихо ответила Ангелина.

— Умница, Генриетта, молодец. И оставайся такой, потому что у меня есть план и на тот случай, если ты вдруг решишь возомнить себя бунтаркой, и мне придётся избавиться и от тебя. Ты меня поняла?

— Я всё поняла.

— Отлично, — конунг откинулся обратно на сидение, и на лице его появилась довольная улыбка, затронувшая, правда, только губы. Глаза же мужчины остались такими же холодными, глядящими на напряжённо выпрямившуюся на своём сидении девушку с долей цинизма и равнодушия.

Внезапно бегатель резко качнуло. Сложенные стопкой бумаги дружным строем спикировали на пол, выстилаясь жёлтым шероховатым паласом.

От неожиданности Ангелина вскрикнула. Дабы не упасть, она изо всех сил вцепилась руками в жёсткое деревянное сидение. Её напуганный взгляд метнулся в сторону активировавшего свою магию Харальда.

— Сиди тихо, — кратко бросил он, стремительным шагом направляясь к двери.

Девушка кивнула. В следующую секунду снаружи раздалось громкое: "Сарайцы!", и конунг в мгновение ока выскочил из бегателя, оставляя Ангелину в одиночестве.

Перепуганная до ужаса, она вскочила со своего места, повинуюсь какому-то непонятному иррациональному порыву. С улицы послышались всё нарастающие крики и звуки борьбы, набатом отдаваясь в голове девушки. Уговаривая себя успокоиться, она принялась обыскивать транспорт на предмет наличия хоть чего-нибудь способного сойти за оружие, пока резкий стук в дверь не заставил её подскочить.

Рефлекторно зажав рот ладонями, она наблюдала за тем, как хрупкая деревянная пластина содрогалась под настойчивыми ударами извне. Какая-то — явно не человеческая — сила наносила один за одним хлёсткие удары, решительно срывая преграду из дерева со своего пути. Мгновением позже дверь поддалась, и Ангелина, не сдерживаясь, закричала.

В проёме показалось хищническое лицо сарайца. Завидев девушку, он злобно оскалился.

— Мэрх ти ми камр, — его надтреснутый голос наждачкой прошёлся по ушам Ангелины.

Набрав в грудь побольше воздуха, она снова закричала.

Прорывав что-то неразборчивое, мужчина резко метнулся в её сторону. Одним быстрым ударом сбив девушку с ног, он навалился на неё всем своим весом. Его жёсткая кольчуга больно впиалась в рёбра Ангелины, выбив из груди той приглушённый выдох. Вскинув руки, она с яростным рычанием вцепилась в глаза сарайца, надеясь если не выдавить их, то хотя бы дезориентировать на время мужчину.

Но, к её разочарованию, сараец, будучи раза в два крупнее её, одним быстрым движением перехватил руки девушки, пригвоздив их над её головой своей огромной грубой ладонью.

— Норфолкцяя шлюха..., — лицо мужчины исказилось от отвращения. — Каган умэрэть, ты договориться с вырождаком Харальдом...

Ангелина ощутила исходящую от сарайца вонь — смесь пота, перегара и протухшей крови. Очевидно, он был в пути не один день, прежде чем добраться до них. Но кто он такой? Один из тех пленников, что они освободили? Или брат Ротхена? Генриетта рассказывала о том, что её ныне покойный муж был младшим сыном вождя какого-то кочевнического племени — может, это его братья пришли отомстить за его смерть?

Решив оставить этот вопрос до более подходящего случая, Ангелина брыкнулась, задев коленом пах мужчины. Тот недовольно зашипел и, отпустив руки девушки, ударил её по лицу.

Сила, с которой он это сделал, оказалась настолько ошеломляющей, что Ангелине показалось, будто она сейчас потеряет сознание. В голове образовался вакуум, который,

подобно Чёрной Дыре высасывал из окружающего её пространства все звуки, запахи, цвета. На несколько мгновений она провалилась в полную тревоги темноту, а когда вынырнула, обнаружила себя неспособной сделать и вдоха. Медленно приоткрыв глаза, она будто сквозь пелену увидела нависающего над ней сарайца, который с безумной улыбкой сжимал свои руки на её шее. Будто играючи, он попеременно то усиливал, то ослаблял давление, давая лёгким Ангелины немного кислорода, а потом резко лишая их его.

Подавив возникший у неё порыв снова вцепиться ему в глаза, она медленными, плавными движениями потянулась к висевшему на поясе мужчины небольшому топорiku. Стоило ей чуть сместить руку, как ту сразу же охватила приятная прохладная, и вождеденное оружие в ту же секунду оказалось в руках девушки. Не тратя время на удивление, она резко взмахнула топором, с силой полоснув по нависавшему над ней лицу сарайца.

Мужчина зарычал. Скотившись с девушки, он схватился за своё лицо. Кровь мощным, быстрым потоком вытекала на пол — за короткое время она успела залить половину небольшой кабинки бегателя и практически полностью пропитать верхнюю часть кольчуги воина.

К горлу Ангелины подкатил ком. Не осознавая происходящее, она медленно попятилась к двери, прижимая к груди окровавленный топорик. Ноги и руки её тряслись то ли от пережитого шока, то ли от ужаса открывшейся перед ней сцены — слабо стонущий мужчина, странно подрагивая, метался в луже собственной крови, не в силах вымолвить ни слова. Споткнувшись, девушка вывалилась в проломанный дверной проём.

Столкновение с жёсткой промёрзлой землёй привело Ангелину в чувство. Поднявшись на четвереньки, она рассеянно огляделась вокруг. Неподалёку от неё, вспыхивая чёрными молниями, сражались каттегатцы и сарайцы. Их мечи, наполовину окутанные боевой магией, будто жили самостоятельной жизнью. Двигаясь с неестественной скоростью, они казались продолжениями рук своих хозяев — настолько плавным и точным был каждый их выпад.

Опасаясь оказаться замеченной, Ангелина пригнулась ниже. Сейчас было не самое подходящее время для того, чтобы восторгаться искусством военной магии — ей нужно было найти укрытие, пока её не заметил очередной сараец. Недолго думая, она поползла в сторону бегателя, надеясь спрятаться за ним с противоположной стороны, по крайней мере, пока не отыщется вариант получше.

Благополучно добравшись до места, девушка выдохнула. Её сердце по-прежнему бешено стучало из-за переизбытка выплеснувшегося в кровь адреналина, а тело потряхивало. Взглянув на зажатый в руке топор, она издала истерический смешок. Подумать только — ей удалось использовать свою магию! Невероятно... Конечно, обстоятельства, при которых это произошло, оказались, мягко говоря, не самыми приятными, но... Она магичила. Выпускала волшебных змеек из своей ладони. Немыслимо.

— Ваше Высочество, — негромкий шёпот прервал ликование Ангелины.

Девушка резко обернулась, подняв топор — кто бы это ни был, она готова дать отпор.

— Ваше Высочество, это я, кин Семпрония, — чуть громче проговорила командирша.

— Семпрония? — Ангелина не сдержала радостного крика. Но быстро опомнившись, она уже тише произнесла, — где вы?

— Я в бегателе, Ваше Высочество. Мы держались позади вас.

Выглянув из своего укрытия, девушка заметила небольшую деревянную кабинку с оторванным колесом. Сжав в руке топор, она решительно проговорила:

— Я сейчас, Семпрония. Я вас освобожу.

— Нет, Ваше Высочество! Это может быть опасно! Оставайтесь в укрытии!

— Я знаю, но... сама подумай, — девушка осторожно перебирала ногами, гусиным шагом приближаясь к бегателю. — Если вдруг кто-то из сарайцев нападёт, как я с ним справлюсь? А у вас боевая магия хотя бы есть!

Военная ничего ответила. На удивление быстро Ангелина добралась до кабинки и, открыв дверь, бесшумно юркнула внутрь.

При виде неё Семпрония вся подобралась, каким-то немислимым образом умудрившись, хоть и в сидячем положении, вытянуться по стойке "смирно", будучи связанной по рукам и ногам. Ангелина радостно улыбнулась командирше.

— Ваше Высочество, почему у вас на лице кровь? — Голос военной прозвучал зло. — Вас ранили?

— Кровь? — Девушка подняла руку и быстрым движением провела ею по лицу. — Надо же... наверное, попала... от того сарайца. Я его... кажется, убила.

— На вас напал сараец?

— Да, — Ангелина поднесла топор к связанным рукам Семпронии, принявшись осторожно распиливать его концом верёвку. — В бегателе, после того, как Харальд ушёл. Я не уверена, что правильно поняла, но мне показалось, что они пришли, чтобы отомстить за смерть Ротхена.

— Не удивительно, — серьёзно проговорила командирша. — У дикаря много сестёр и братьев. Они будут мстить.

— Я всё, конечно, понимаю — месть дело благородное, и всё такое. Но я-то тут причём? Типа... его как бы Харальд убил, я вообще никак не могла бы помешать, он подкрался незаметно!

— Дикарские обычаи, — разминая освобождённые руки, проговорила Семпрония.

— Классный обычай, — хмыкнула Ангелина, — винить жену в смерти мужа!

— Почему жену? Они и мужей убивают, если его жена-вождь умерла. Варвары не веруют в единое Божество — у них много богов, и среди них есть один, у которого, как говорят, вожди забрали право властвовать над людьми. Теперь этот бог хочет наказать их за это, и поэтому крадёт источник их жён и мужей у бога-проводника, если те умирают позже своего супруга.

— А почему он их не забирает в том случае, когда те умирают раньше?

— А он их не узнаёт. Он забирает того, к кому тянется источник вождя, а когда тот ещё жив — источник при нём.

— Ну обалдеть просто... — в голосе Ангелины зазвучало неподдельное возмущение. — То есть если бы всего этого не произошло, и я бы осталась с Ротхеном, меня бы, не моргнув глазом, пришибли его слуги, помри он от какой-нибудь простуды?!

— Мне казалось, вы знали об этом, Ваше Высочество, — военная пожала плечами, поднимаясь.

"Генриетта... ну и сука же ты... Готова поспорить, ты об этом знала".

Ангелина злобно прыснула. Если бы она сейчас могла вернуться в прошлое, то она бы приложила принцессу Норфолка головой о край ванны и, набив карманы её драгоценностями, вылезла бы через окно и скрылась где-нибудь подальше от всех этих королевских игр.

— Может, слышала от кого-нибудь, — быстро проговорила она, — но особого значения

не придала. В общем, проехали. На это сейчас нет времени. Семпрония, возьмите это, — протянув командирше топор, произнесла девушка. — Сейчас все каттегатцы сражаются с сарайцами — эта территория не просматривается. Вы сможете сбежать, если поспешите.

— Ваше Высочество, я не..., — начала военная.

— Нет, Семпрония, не перебивайте! — Голос Ангелины вибрировал от напряжения. — Харальд задумал что-то плохое... он не сказал ничего определённого насчёт вас, но думаю, в любом случае будет лучше, если вы сбежите. Оте... эм, то есть постоянный двор, в котором мы останавливались, находится в государстве Эссен, его король — союзник Харальда, но я мельком увидела на карте, что оно совсем недалеко от Норфолка! Если вы уйдёте сейчас, пока каттегатцы заняты, то сможете спастись! Вот, — трясущимися от волнения руками девушка стянула с пальца одно из двух врученных ей Генриеттой колец, — продайте его и купите себе еды в дорогу, здесь где-то поблизости есть какой-то город, если я правильно запомнила.

Она требовательно протянула тонкий золотой ободок явно не ожидавшей подобного командирше.

— Ну же, Семпрония! Берите! Они могут вернуться в любой момент, вам нужно торопиться!

Военная медленно покачала головой.

— Я не могу, Ваше Высочество, — хрипло произнесла она. — Моя обязанность — защищать вас...

— И как вы это сделаете, будучи связанной или, того лучше, мёртвой?! Бог... жества ради, послушайте меня! Каттегатцы могут убить вас! Берите оружие и кольцо и спасайтесь, пока есть возможность!

— Мой долг...

— Ваш долг — служить королевской семье, разве нет? — Теряя терпение, проговорила Ангелина. Дождавшись утвердительного кивка военной, она решительно продолжила, — вот и послужите мне: я приказываю вам спастись. К тому же, — в голове девушки внезапно возникла идея, — к тому же, кто-то ведь должен сообщить королеве о произошедшем, так? Мы не знаем, что стало с другими норфолкцами — возможно, они вообще все погибли в лесу. Вы оповестите Её Величество обо всём... расскажете ей, что Харальд убил Ротхена, когда тот был в моей спальне, и что теперь он хочет жениться на мне и по прибытию в Каттегат отправит посла в Норфолк. Скажите, что со мной хорошо обращаются, и мне ничего не угрожает. Хорошо?

В течение нескольких секунд, показавшихся Ангелине вечностью, Семпрония ничего не говорила. Лицо её отражало идущую внутри женщины борьбу, дающуюся ей, определённо, с особой сложностью. Но, в конце концов, она, резко выдохнув, ответила:

— Я выполню ваш приказ, Ваше Высочество.

— Слава Бог... жеству! — Бесцеремонно схватив командиршу за руку, девушка силой потащила ту к выходу. — Скорее, пока они ещё дерутся!

Выбравшись из бегателя, она огляделась и, удостоверившись, что войско Харальда ещё занято с сарайцами, дала знак Семпронии. Военная одним ловким прыжком оказалась на промёрзлой земле. Пригнувшись, они бесшумно побежали к стоявшему неподалёку чуть накренившемуся бегателю, за которым несколькими минутами ранее пряталась Ангелина. Когда они оказались в укрытии, командирша осмотрелась. Убедившись в том, что территория окружающего их небольшого леса чиста, она обернулась к своей напарнице,

решительно прошептав:

— Я готова, Ваше Высочество.

— Тогда вперёд, — так же шёпотом ответила Ангелина. — Не тратьте время попусту... удачи вам, Семпрония.

— Благодарю, Ваше Высочество. За всё. Я выполню ваш приказ.

Договорив, командирша сорвалась с места. Вскоре её одетая лишь в рваную грязную рубаху спина скрылась за деревьями, оставив Ангелину с ощущением пустоты.

Правильно ли она поступила, что освободила военную? Очевидно, что Харальду не потребуется много времени для того, чтобы понять, кто именно поспособствовал побегу норфолки и куда та отправится в первую очередь. Не вызовет ли у него это злость?

Нет, глупости. Она всё сделала верно. Если бы не Семпрония, она не выжила бы в том лесу. Командирша — хороший и преданный человек, — по крайней мере, показала себя таковой, — и было бы в высшей степени несправедливым дать ей погибнуть. Даже если правитель Каттегата и накажет Ангелину за этот поступок — пусть. Ему в любом случае не выгодно убивать её, так что, ничего серьёзного ей не грозит. По крайней мере, ничего такого, что могло бы быть сопоставимо с жизнью человека.

Девушка выдохнула, опустив взгляд на сжатую в руке верёвку. И зачем она притащила это? Помотав головой, Ангелина бросила бечёвку на землю.

Окружавший широкую тропу лес казался умиротворённым. Только звуки битвы — яростные крики да звонкий лязг металла — нарушали царивший здесь покой. Местное солнце, своим видом мало чем отличавшееся от земного, неподвижным диском застыло на лишённом и облачка небе. В общем и целом, заметила Ангелина, местные пейзажи не очень разнились с теми, которые она привыкла лицезреть на родной Земле — если, конечно, не считать существования здесь двух "лун". Да и еда, как оказалось, здесь тоже одна и та же. Забавно. Её фантазии о других мирах обычно обязательным пунктом включали существование цветных деревьев, радужных ручейков, всяких волшебных созданий — то есть, одним словом, чего-то необычного. Но реальность, как это часто бывает, оказалась куда более тривиальной.

Ангелина немного приподнялась, разминая шею. Её уже порядком утомило сидение на корточках, но рисковать своими почками, опускаясь ягодицами на ледяную землю, она не решилась. Лечение в этом мире может, конечно, и было магическим, но боли при цистите — вполне реальные, и испытывать ей их не очень-то хотелось.

Внезапно рядом с девушкой раздался грохот. Подпрыгнув от неожиданности, она повернула голову в сторону шума. Бегатель закрывала весь обзор, поэтому Ангелине пришлось опуститься ниже, заглядывая под пузатую деревянную кабину. К разочарованию девушки, ей не удалось разглядеть ничего, кроме хаотично перемещающихся трёх пар ног, обутых в высокие кожаные сапоги. По их крою она смогла определить только, что одни из них принадлежали каттегатцу, а два других — сарайцам.

Стараясь не издавать ни звука, она медленно прокралась вперёд — к краю бегателя, выглянув из-за него.

Как она и предполагала, её неожиданными гостями оказались двое сарайских войнов. Рыча и выкрикивая что-то на своём грубом языке, они дрались с активно отбивающейся от них каттегаткой. Присмотревшись получше, Ангелина узнала в беловолосой северянке вредную Ратель, дела которой, судя по всему, обстояли не слишком удачно. Вынужденная сражаться одновременно с двумя противниками, девушка серьёзно утомилась — движения

её, всегда такие уверенные и точные, сейчас были хоть резкими, но какими-то заторможенными. Грудь каттегатки тяжело вздымалась, то ли от усталости, то ли из-за сочащихся кровью на её лице и бёдрах ран.

Нутро Ангелины сжалось. Что, если они убьют Ратель? Не пойдут ли сарайцы тогда искать её — разве не за этим они сюда прибыли? Что тогда? Она не сможет ничего противопоставить двум магам-боевикам! У неё ведь даже оружия нет — топорик, отнятый ею у сарайца, она отдала Семпронии!

"Проклятье! — Пронеслось в голове девушки. — Нужно придумать, как помочь Ратель! Может, мне попытаться перевернуть эту деревянную хрень на них? Чёрт, нет, плохая идея. Что же делать..."

Ангелина принялась покусывать губу, лихорадочно перебирая в голове различные по уровню безумия и сложности исполнения варианты. Вид всё больше выдыхающейся каттегатки подстёгивал её, каждый пропущенный военной удар набатом отдавался в мозге девушки, заставляя того генерировать новые идеи, но, к несчастью, идеи эти оказывались абсолютно бесплодными. Внезапно взгляд её упал на валяющуюся на земле верёвку. Подумав немного, она быстро сорвалась с места и, схватив её, вернулась обратно.

Сделав глубокий вдох, Ангелина попыталась воскресить в памяти воспоминания об ощущении охватывающего её кисть приятного холодка. Ничего. Злобно тряхнув рукой, девушка попробовала снова, в этот раз рисуя в голове картину скользящей ей в руку верёвки. К её радости, на ладони вспыхнула переплетающаяся тысячами коричневых змеек магия. Сдержав рвущийся наружу полный ликования визг, Ангелина медленно, боясь загасить магическое пламя, пробралась к краю бегателя. Спустив верёвку на землю, она мысленно приказала маленьким, тускло искрящимся молниям незаметно протащить тонкий канатик по земле до ног одного из активно нападающих на Ратель сарайцев.

Когда бечёвка оказалась доставленной к месту назначения, Ангелина резко подняла её вверх, затянув на шее мужчины. Выронив меч, тот вцепился руками в грубые путы. Его товарищ на долю мгновения отвлёкся, пропустив ловкий удар в горло, нанесённый ему ретивой каттегаткой. Сжав рану, он утробно зарычал, яростно бросая себя в новую атаку.

Ободрённая увиденным, Ангелина сжала верёвку сильнее. Её пленник захрипел. Упав на колени, он принялся с ещё большим усердием оттягивать сжимающуюся на его шее удавку, будучи полным стремления, как это и подобает доблестному воину, бороться со смертью до последнего.

На висках девушки выступил пот — глядя на то, с какой лёгкостью маги перетаскивали огромные тяжёлые предметы, она и подумать не могла, что это на самом деле требует затрат усилий! Юркие мерцающие змейки, повинувшись воле своей обладательницы, сильнее вгрызлись в несчастные грубые волокна, не позволяя тем ни на йоту ослабить натяжение. Когда глаза Ангелины уже начали слезиться от напряжения, сараец, наконец, перестал дёргаться, застыв.

Выждав на всякий случай ещё немного, девушка загасила свою магию. Почти в тот же момент со своим противником разделалась и каттегатка.

Вынув меч, Ратель некоторое время постояла, тяжело дыша, но, стоило ей выпрямиться, как она тот час завалилась набок. Ангелина едва слышно вскрикнула.

Неужели умерла?

Приглядевшись внимательнее, она заметила, как грудь военной тяжело, прерывисто вздымается — похоже, что девушка была ещё жива, хоть и серьёзно ранена.

Стоит ли попытаться её спасти? С одной стороны, каттегатка обращалась с ней, да и, очевидно, с Семпронией просто отвратительно, но с другой... её можно понять. По большому счёту, у Ратель, как, в принципе, у всех каттегатцев, есть довольно уважительные причины не любить принцессу Генриетту — в конце концов, её мать в своё время поступила откровенно подло по отношению как к королеве Каттегата в частности, так и к её подданным в общем. Неприязнь Ратель вполне закономерна, поэтому, по большому счёту вопрос лишь в том, каким человеком является сама Ангелина. Способна ли она оставить своего обидчика умирать, когда тот, по сути дела, реагирует на ситуацию так, как это сделало бы подавляющее большинство людей?

Закатив глаза, Ангелина покачала головой. Проклятье. Она не может просто сидеть и равнодушно наблюдать за тем, как умирает Ратель. Хватит с неё на сегодня произошедших по её милости смертей.

Оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что поблизости от них никого нет, она, пригнувшись, подбежала к раскинувшейся на земле каттегатке. К её удивлению, девушка была в сознании — увидев норфолку, она медленно зашевелила губами в попытке что-то сказать.

— Тшшш, — приложив палец к губам, прошипела Ангелина. — Нас не должны заметить. Я тебя отащу в безопасное место.

Схватившись за прикрывающую плечи Ратель кольчугу, девушка потянула её за собой. К несчастью, тело каттегатки оказалось слишком тяжёлым — Ангелине едва ли удалось сдвинуть его хоть на сантиметр.

Раздражённо выдохнув, она выровняла дыхание, призывая свою магию. На руках её тут же слабо засверкали гибкие коричневые молнии. Плавно извиваясь, они переплелись между маленьких металлических колечек, и, немного приподняв тело военной над землёй, понесли его вслед за стремительно удаляющейся хозяйкой.

Добравшись до своего укрытия, Ангелина деактивировала магию. От непривычки её руки неприятно зудели — всё же магичить оказалось намного сложнее, чем она себе представляла. Хотя, возможно здесь просто работает тот же принцип, что и при тренировке мышц, и с наработкой практики придёт и большая выдержка?

Ангелина очень на это надеялась, потому что сейчас ей пришлось, едва перебирая трясущимися от усталости пальцами, затягивать глубокий кровотокающий порез на бедре Ратель, а также перевязывать, в силу своих скромных умений, многочисленные раны.

Каттегатка всё это время сохраняла молчание. Её грудь по-прежнему тяжело вздымалась, а дыхание оставалось прерывистым. Ангелине даже на долю секунды пришла в голову мысль снять с девушки увесистую кольчугу, но, побоявшись тревожить её раны, она решила этого не делать.

Вскоре после того, как со всеми процедурами было покончено, шум битвы постепенно начал стихать. До девушек донёсся звук быстрых шагов, которому вторили невнятные крики сарайцев. Дотянувшись до тяжёлого меча Ратель, Ангелина напряглась — неужели каттегатцы проиграли? Похоже, Харальд напрасно перед отъездом из "Туманной литы" оставил часть войска в Корлеме...

Девушка активировала магию. Пусть она и не владеет мечом, но она сможет, как минимум, швырнуть его в лицо противнику. Или резануть лезвием по ногам... вариантов немало. Но без боя она не сдастся — это точно.

— Генриетта, — раздавшийся за спиной девушки голос Харальда заставил ту

подскочить на месте. — Всё в порядке, не бойся. Это я.

Обернувшись, она увидела покрытого кровью конунга. Грудь мужчины тяжело вздымалась, заплетённые в длинную тугую косу волосы казались немного растрепавшимися, но в остальном вид его был вполне обнадеживающим. Во всяком случае, девушка не заметила на нём каких-то серьёзных ран.

— Харальд..., — слабо произнесла она. — Я...

Не дав ей закончить, правитель Каттегата присел, заключив её в свои объятия.

— Всё закончилось, — произнёс он, успокаивающе поглаживая девушку по спине.

— Ратель... она ранена..., — Ангелина прижалась к груди мужчины. Тело её сотрясала мелкая дрожь.

— Сейчас придёт лекарь. Ей помогут.

— Хорошо, — закрыв глаза, девушка разревелась.

* * *

Ангелина откинулась на бортик ванны, прикрыв глаза. Горячая вода приятно обволакивала её кожу, успокаивая уставшие мышцы. В воздухе, наполненным тёплым паром, витал умиротворяющий аромат можжевельника, источаемый расставленными на невысоком железном столике флакончиками с различными мылами и шампунями. Все они, преимущественно, пахли свежестью и чем-то хвойным, за исключением пары сосудов, содержимое которых настойчиво било в нос раздражающей сладостью.

Капнув на пальцы немного лёгкого эфирного масла, девушка принялась массировать виски в попытке избавиться от головной боли. Удивительно, как она, после всего за день с ней произошедшего, ещё умудрялась сохранять самообладание. За исключением кратковременной истерики на груди Харальда, она оставалась собранной и даже смогла оказать небольшое содействие при транспортировке раненых каттегатцев, вызвав у тех некоторое недоумение, откровенно читавшееся в их взглядах. Даже сейчас, сидя в просторной, отделанной камнем ванной комнате, которая была выделена для неё вкуче с ещё несколькими помещениями в качестве её личных покоев конунгом, Ангелина по-прежнему оставалась в здравом уме, желая, но, не имея внутренних сил достаточных для того, чтобы предаться переживаниям. Может, это было всего лишь способом, с помощью которого её психика решила справляться с пережитым стрессом?

— Ой, ну и к чёрту, — девушка с силой ударила по воде. — Не хочу сейчас об этом думать.

Взяв мочалку, она провела ею по шее, стирая засохшую кровь. В этот момент её рука будто ощутила тяжесть небольшого, с ручкой из кости какого-то животного топорика. Из груди Ангелины вырвался стон. Неужели она действительно убила человека? Этой самой рукой?

Опустив взгляд вниз, она уставилась на растекающейся по воде элегантными тонкими лентами ручейки крови. В своём медленном танце они красиво изгибались вокруг груди девушки, постепенно истончаясь, пока полностью не растворились в горячей жидкости. Картина, написанная смертью.

Ангелина сглотнула, но, прикусив губу, продолжила мыться. Её руки с силой надавливали на кожу, оставляя на той красные следы. Своеобразный акт аутоагрессии — жалкие попытки совести наказать свою обладательницу за содеянное. Возможно, позже — вполне вероятно, уже завтра — она сможет мыслить здраво и найдёт для себя оправдывающие её объяснения совершённым преступлениям, но сейчас... сейчас её

гуманистическая половина пока ещё не смогла абсорбировать всё произошедшее и выдать ей индульгенцию. Сегодня Ангелине придётся довольствоваться лишь наложенной на неё собственной совестью епитимьей.

Девушка остановилась. Повернувшись к стоящему подле ванной столику, она схватила первый попавшийся флакончик с мылом и, щедро искупав в ароматной смеси тряпку, принялась с прежним усердием втирать в себя ненавязчивый свежий запах, отдалённо напомнивший ей эвкалипт. Пожалуй, единственное, что грело ей сердце сейчас — это мысли о побеге Семпронии. Начиная с того времени, как они разместили всех пострадавших каттегатцев в бегателях и военный лекарь подлечил наиболее тяжелораненых из них — сохранявшую задумчивое молчание Ратель, конечно, в первую очередь — она думала о Норфолке не переставая. Удалось ли той выбраться из леса до наступления сумерек? Не наткнулась ли военная на остатки разбежавшихся по лесу сарайцев? Достаточно ли для покупки всего необходимого оказалось одного кольца? Может, стоило отдать все два?

В голове Ангелины вертелась мириад вопросов, и на один из них она пока не могла получить ответа.

Но что занимало её чуть ли не больше переживаний о дальнейшей судьбе командирши, так это непонятная реакция на пропажу той Харальда. Осознав, что норфолка сбежала, он не выказал ни малейшей обеспокоенности на этот счёт. Будто ему было абсолютно всё равно как на побег военной, так и на возможные его последствия. Разве он не думал о том, какой информацией с беглянкой успела поделиться Ангелина? Ведь, будучи человеком далеко не глупым, он не мог не понимать, что командирша первым делом доложит обо всём произошедшем королеве Боудике. Не испортит ли это его планов? Или для него это не играет никакой роли? Почему он не убивал Семпронию и вёз её в Каттегат? Разве не потому ли, что она для чего-то нужна ему? Или он, действительно, как и сказал, просто не желает лишних смертей? Что задумал правитель Каттегата?

Ангелина вспомнила, как, сидя в бегателе, ловила его украдкой брошенные на неё взгляды, каждый раз внутренне готовясь встретить шквал негодования, но, к её удивлению, ничего подобного не произошло. Харальд просто молчал, никак не комментируя ни тот факт, что Ангелина помогла сбежать его пленнице, ни произошедшую стычку с сарайцами. Он не сказал ни слова. Ленивыми движениями мужчина бережно очищал сначала заляпанные кровью убитого ею сарайца документы, а потом свой блестящий, острый меч. Будто его совершенно ничего не беспокоило и даже больше — всё шло так, как он и планировал.

Было ли это следствием его хладнокровия или самоуверенности, Ангелина не знала. Но то, что этот человек умудрялся сохранять расслабленное равнодушие даже в ситуациях повышенного стресса, было неоспоримо.

Отложив "мочалку", девушка погрузилась под воду. Полежав так несколько мгновений, она вынырнула и, отжав волосы, вышла из ванны. На тёплый каменный пол тот час выплеснулось небольшое количество воды. Не обращая на это внимания, Ангелина прошла к стоявшей практически возле выхода железной тумбе и, взяв лежащее на ней полотенце, обернулась в него.

Закрыв дверь в ванную комнату, она подошла к разожжённом служанками камину. С волос и плеч её стекали капли воды. Некоторые вскоре впитывались в обёрнутую вокруг груди девушки ткань, другие же, лениво огибая изгибы её тела, опадали на мягкий мех.

Убранство просторной, выдержанной в светлых тонах спальни, казалось, отражало

характер владельца замка — строгая сдержанность прослеживалась в каждом предмете интерьера, навевая тоску. Мебель с железной — реже, деревянной — окантовкой была рассыпана одинокими островками вразнобой, без особого порядка. Масляные лампы закреплены на стенах в выполненных совершенно не соответствующих стилю остальной комнаты креплениях, выделявшихся уродливым пятном на шероховатой каменной поверхности. Огромное, открывавшее вид на мерно покачивающиеся волны окно оказалось занавешено тёмными синими шторами из какой-то плотной ткани, зрительно утяжелявшей всё пространство.

Отстранённо рассматривая свою спальню, Ангелина вздохнула. Похоже, теперь это — её дом. Замок конунга, конечно, выглядел куда менее богатым дворца кагана, и — что уж там говорить — был не таким уютным, но, по крайней мере, Харальд и его воины выглядели в стенах его более органично. Тогда как для сарайцев шикарная резиденция в Гуркулануме явно была чужда — Ангелина даже не была уверена в том, что сам Ротхен осознавал всё её величие — каттегатский замок удачно гармонировал со своими обитателями так, что девушка сразу, как только вошла сюда в сопровождении Харальда, поняла — он привёл её в свой дом.

Борясь со сном, Ангелина просушила свои волосы. Загасив лампы, она добрела до широкой, мягкой кровати и, едва рухнув на неё, практически моментально заснула.

— Ваше Высочество, вы можете мне доверять как никому другому, — Ангелина скептически взглянула на предложенное ей служанкой бордовое длинное платье, — Его Величеству точно понравится.

— У меня нет цели понравиться Его Величеству, — поспешно произнесла девушка. Её губы искривились в сардонической усмешке.

Проснувшись на следующее утро после прибытия в Каттегат, Ангелина обнаружила сидящих подле своей кровати нескольких служанок. Они, даже не сляясь скрыть своё к ней отношение, презрительно бросили девушке, что конунг Харальд отбыл с утра на север в компании своих воинов и планирует пробыть там чуть ли не целый десяток. Ангелина же поступает в распоряжение ярла (звание это, как выяснила позже девушка, носили главы областей Каттегата) кин Ратель — боевой лекарь настойчиво рекомендовал той воздержаться от сражений в ближайшее время и дать своему телу излечиться.

Поначалу эта новость расстроила Ангелину — памятуя о поведении вредной каттегатки, она загодя настроилась безвылазно сидеть в своих покоях, перманентно оказываясь жертвой агрессивных излияний Ратель. Но, к её удивлению, события, произошедшие во время боя с сарайцами, заставили военную пересмотреть своё отношение к принцессе Норфолка, и между девушками установились вполне цивилизованные отношения. А спустя время и напуганные грозным видом ярла многочисленные обитатели замка быстро присмирели. Безусловно, за такой небольшой срок и не могло бы возникнуть никакой симпатии, и уж тем более — пиетета к Ангелине со стороны каттегатцев, но статуса будущей супруги конунга и защиты одного из лучших бойцов королевства было вполне достаточно хотя бы для вежливого обращения. И если первые пару дней прошли для девушки в сонном дурмане — последствия многодневной усталости, то все последующие оказались весьма плодотворными.

Во-первых, Ангелине, наконец, удалось разобраться с устройством магии в этом мире. Помимо трёх уже известных ей видах боевой, лекарской и магии "предметников" существовали ещё три: магия некромантов, предсказателей и "слышащих". Две последних — самые редкие, особо высоко ценились в любом царском дворе. Первая, очевидно, за то, что позволяла сильным мира сего приоткрыть завесу тайны будущего, а вторая — за способность общаться с погибшими. Источник мага является, как оказалось, не только средоточием его магической силы, но ещё и вместилищем души. В представлении местных, магия и душа — это единая субстанция, одна от другой не делимые, и, потому, людей без магии не может существовать в принципе, и никогда за всю историю подобных ни разу не рождалось.

Во-вторых, Ангелина поняла, почему сарайцы, в отличие от норфолкцев и каттегатцев, не использовали в обращении друг к другу связанные с их источником термины. Как выяснилось, необходимость идентификации магов была тесно связана с религиозными представлениями. Сарайцы, будучи кочевниками, по-прежнему оставались язычниками, тогда как каттегатцы и норфолкцы верили в Единое Божество. Согласно "Запискам Мудрейших", все маги рождены были Божеством, бесполом и всеильным, и Божество это, при создании человечества, разделило себя на шесть частей. Одной своей части, самой большой, Оно дало имя "тол" — "те, кто властвует над предметами". Часть поменьше Оно назвало "кин" — "ведущие бой". Следующая по величине часть была названа "дин" —

"исцеляющие". Оставшиеся три — некроманты, предсказатели и слышащие, получили имена "мра" — "обманщики смерти", "лита" — "товарищи судьбы" и "бти" — "способные услышать" соответственно.

В-третьих, Ангелине удалось худо-бедно разобраться с устройством этого мира. Каттегат, в котором она сейчас находилась, оказался северным государством, самая протяжённая граница которого омывалась Холодным морем, из-за чего большую часть времени здесь держалась низкая температура. Это, а также гористый ландшафт с не отличающейся плодородностью почвой, сподвигло местное население к занятию мореходством и торговлей — последняя представляла особую ценность, поскольку за счёт разного рода пошлин королевская казна пополнялась на внушительную сумму.

В западной области королевства, практически у самых ледников, издавна жили диковатые северные племена. Спускаясь, время от времени, с гор, они доставляли серьёзные неудобства расположенным на границе каттегатским поселениям, вынуждая каждого конунга совершать карательный рейд в их регион. Но, несмотря на явное ресурсное преимущество каттегатцев, им не удавалось ни окончательно разбить, ни подчинить себе непокорный народ. Стоило им только завидеть приближающееся войско неприятеля, они тут же удалялись за фьорды — негостеприимную территорию, которую они знали вдоль и поперёк, и куда опасались заходить незнакомые с этой местностью правители Каттегата.

Западнее Каттегата располагались Сауссон и Верона. Некогда они составляли большое единое королевство, но после кризиса престолонаследия, случившегося ещё до войны с Бургундией, они разделились сначала на три, а впоследствии, — после того, как Сауссон завоевал лежавшую между ними Лориндею, — на два самостоятельных государства. Оба являлись важными торговыми партнёрами для Каттегата, поскольку, в силу своего удачного территориального расположения, они имели возможность активно заниматься виноградарством и поставлять вино тем, у кого климатические условия позволяли выращивать только солод и хмель. В условиях отсутствия водоочистительных систем такой товар оказывался одним из наиболее востребованных в любом северном королевстве — тогда как всё крестьянское население довольствовались пивом, представители знатных родов предпочитали пить разбавленное водой вино, бывшее, с их точки зрения, менее вредным.

На юго-востоке Каттегат соседствовал с Норфолком, родиной Генриетты. Это полуостровное государство, несмотря на своё более удачное географическое положение (зимы там были куда менее лютые и продолжительные) и на обилие пастбищ, ненамного превосходило своего западного соседа в силе и мощи. Пожалуй, единственным, чем могли похвастаться норфолкцы, была отборная овечья шерсть, пользовавшаяся немаленьким спросом в Ладогe, а до известных событий — и в самом Каттегате. К сожалению, какой-то более подробной информации о Норфолке Ангелине найти не удалось — являясь, по официальной версии, норфолкой, она не могла себе позволить бродить по замку, с интересом расспрашивая о королевстве, принцессой которого она была.

Чуть южнее как Каттегата, так и Норфолка, лежали совсем молодые Эссен и Филы, оба — продукт симбиоза нескольких, совсем крошечных государств. До объединения каждое из них представляло собой скорее самостоятельный город с лежащими ниже двумя-тремя деревеньками и возглавляемое представителями какой-нибудь знатной фамилии.

На самом Юге свирепствовали несметные орды кочевников, некогда объединённые под предводительством Ротхена в протянувшийся от Жемчужного моря на севере до Марсинской

пустыне на юге халифат Сарай, которого теперь, после смерти кагана, видимо, ожидает распад. Наиболее примечательным среди вошедших в состав халифата государств были Пуны — до своего завоевания это королевство считалось древнейшим из всех ныне существующих. На протяжении долгого периода именно Пуны поставляли хлеб северным соседям, получая его от своих лежащих далеко на Юге колоний. Сведения об остальных южных государствах оказались довольно расплывчаты — судя по всему, засилье на этих территориях многочисленных групп вооружённых варваров отбивало всякий интерес к ним даже у самых рискованных исследователей.

И, наконец, на востоке лежало большое количество разрозненных государственных образований, то внезапно возникающих под руководством какого-нибудь особо удачливого рода, то так же стремительно распадающихся. Пожалуй, самым большим, вот уже несколько десятилетий сохранявшим относительную целостность, была Ладога. Это государство, бывшее до некоторого времени скорее совокупностью различных княжеств, сейчас представляло собой одно крупное княжество, объединённое Великим князем солодским Святополком. В Ладоге, как и в Каттегате, климат отличался особой суровостью — продолжительные холодные зимы и бедная, за исключением южных областей, почва толкали ладожцев к занятию рыболовством, охотой и бортничеством, а соседство на юге — с многочисленными степными племенами, на востоке — с производящей шёлк и фарфор далёкой империей, к активному развитию купечества. На территории ладожского княжества проходил знаменитый торговый путь "Из западных гор в восточные", а потому и норфолкские, и каттегатские правители стремились поддерживать с его князьями добрые взаимоотношения.

Узнавая с каждым днём всё больше информации о мире, в котором она оказалась, Ангелина каждый раз возносила благодарность всем известным ей богам за то, что они помогли Харальду найти их тогда в лесу и не дали ей претворить все свои планы в жизнь. Сейчас девушка чётко понимала — останься она одна в этих условиях вечных войн и непостоянства, она бы не прожила и дня.

И вот теперь, сидя в компании тол Гудхильд — прислужницы, с которой она познакомилась, когда выбирала с Ратель и служанками ткани для своих новых нарядов, она внимательно разглядывала предложенные ей платья, взволнованно ожидая прибытия Харальда и его войска. Ей предстояло достойно отыграть роль монаршей особы, дабы ни у кого здесь не возникло сомнений в её происхождении, а главное — надобности.

— Может, лучше зелёное? — Приложив к себе простое тёмно-зелёное платье из толстой ткани, вопросительно произнесла Ангелина.

— Неа, — Гудхильд отрицательно покачала головой. — Оно такое унылое — в нём только в гости к мра Асвейг идти.

Девушка прыснула. Мра Асвейг была настоятельницей в церкви и одним из самых занудных людей из всех, что она когда-либо встречала. Когда эта высокая, похожая на медведицу женщина впервые пришла к ней с визитом, Ангелина оказалась втянута в наискуднейшую трёхчасовую беседу о Едином, под конец которой её сил осталось только на то, что бы, откинувшись на жёсткий диванчик, молча сидеть, время от времени кивая головой и переглядываясь с закатывающей в раздражении глаза Гудхильд.

— Неужели оно настолько неудачное? — В притворном возмущении воскликнула Ангелина.

— Я знаю три самых уродливых вещи в мире и два из них — это вот это платье, —

подскочив, служанка притянула магией коробку с украшениями. — Я уже выбираю серьги под бордовое, имейте в виду, Ваше Высочество.

Ангелина прыснула и кинула зелёную ткань на кровать. Затем, быстро стянув с себя просторную светлую рубаху и брюки, облачилась в отложенное служанкой платье.

— Ну? — Взглянув на неё, весело проговорила Гудхильд. — Что я вам говорила?

Мягко взяв девушку за плечи, она подвела её к огромному обсидиановому зеркалу.

— Разве ж оно не сидит как влитое, а, Ваше Высочество?

— Да... — осторожно разгладив ткань на бедре, ответила Ангелина.

— А как фигурку-то вашу выделяет! М-м-м! Глаз свой воронам отдам, если конунг наш не набросится на вас прям во время пира!

— Гудхильд, — на щеках девушки появился румянец, — ну ты и... сводница... нет у нас ничего такого...

— Так пусть будет, Ваше Высочество, — уже серьёзнее произнесла служанка. — Оно полезно... и рты позакрываются у особо болтливых. — Активировав магию, девушка притянула к себе серебряные серьги с крупными красными рубинами. — А то они вздумали про вас гадости болтать.

— Какие гадости? — Ангелина заинтересованно наблюдала за тем, как служанка боролась с застёжкой от серьги.

— Да вот такие, — Гудхильд недовольно прыснула, продолжая настойчиво крутить отказывавшийся поддавать металл между пальцев. — Кин Ульвар, шельмец, намедни заявил, что вы, дескать, на сносях!

— Что?!

— Вот-вот! Так ещё и детёныш, грит, не нашего Величества, а дикарский! Нет, ну слышали, какая нахалюга! Лжец грязноротый!

— Божество... это не так, у нас с Ротхеном ничего не было даже! С чего он эту беременность взял вообще?!

— Так у этого медвежьего дерьма братец старший с Его Величеством были, когда... — Гудхильд запнулась, стусевавшись.

— Когда "что"? — Нетерпеливо подтолкнула её Ангелина.

— Ну... когда Его Величество вас из спальни выносил, вот, — закончив с серьгами, служанка, притянув расчёску, принялась за волосы, скрывая смущение за быстрыми движениями. — А потом, помните, как вам нездоровилось первые дни здесь? Кин Ратель такая вся смурная ходила, ну... больше, чем обычно. У неё ж лицо всегда недовольное, а тут медведица медведицей. Все-то нормальные люди решили, что она такая, потому что её северян бить не взяли — уж очень она это дело любит, — а этот балабол козобородый вот так вот вздумал всё разъяснить. Великий Душитель его заberi.

Ангелина отошла от зеркала, заламывая руки. Как вообще до подобного можно было задуматься? Это же полнейшая ерунда!

— Но это ведь просто невозможно! — В её голосе вибрировало возмущение. — С момента нашей встречи с Ротхеном до прибытия сюда прошло дней пять, не больше... даже если бы беременность и была, то это проявилось бы позже!

— Дак я же и сказала так! А этот опять за своё! Пьянчуга! Мужуку-то разве ж объяснишь такие вещи? Вбил себе глупость и не заткнёшь его, паразита! Ну, ничего, — закрепив узорчатым костяным гребнем на макушке волосы Ангелины, Гудхильд активировала магию. Резвые коричневые змейки тот час кинулись к разбросанным по

кровати платьям и, обхватив их, потащили к огромному железному сундуку. — Сегодня вечером Его Величество вернётся и наведёт порядок. Быстро разгонит... всю эту шушару болтливую.

Закончив складывать вещи, служанка подошла к камину, встретившему её радостным треском медленно догорающих поленьев. Вытащив кочергу, она принялась ловкими движениями помешивать угли, чуть морщась от бьющего в лицо жара. На её белом высоком лбу из-за этого появились морщинки, придав её юношескому образу не свойственной ему серьёзности.

Отстранённо наблюдавшая за действиями Гудхильд Ангелина нехотя поёжилась. Похоже, ей не очень повезло оказаться в этом мире в преддверии зимы. Огромные каменные каминьки, коих во всём замке было немало, хоть и работали практически без продыху, но всё же с трудом справлялись с суровыми морозами — каменные полы и стены, казалось, походили на ледяные глыбы, от которых беспрестанно веяло холодом. Бывшие довольно толстыми и прочными, высокие деревянные двери всё равно не могли сдержать рвущийся внутрь назойливый ветер, а потому редкий сквозняк нет-нет, да и добирался до обитателей замка, внезапно опаляя их ноги морозом.

Проблема эта оказалась настолько насущной, что первые дни пребывания здесь Ангелина только и могла думать о том, как бы ей согреться. Постоянно кутаясь в пуховую шаль, она то сидела в постели, натянув под подбородок тяжёлое одеяло, то, желая размять затёкшие конечности, нарезала круги около камина, пока Ратель не вытащила её из спальни, заставив бороться с холодом посредством физической активности.

За две вылазки наружу Ангелина успела только немного рассмотреть морской порт, раскинувшийся от неподалёку от жилища конунга, и предваряющий вход в него местный рынок, полный разного размера крытых навесов и голосистых торговцев. Женщины и мужчины, молодые и пожилые, в традиционной каттегатской одежде и явно иноземцы — все они, активно размахивая руками, наперебой зазывали к себе лениво бродящих меж лавками покупателей. Важно подходя к очередному навесу, покупатели придирчиво осматривали предлагаемый им товар и, сделав, наконец, выбор, тянулись за кошельком под одобрительные замечания торговцев. Нехотя отсчитывая свои кровные монеты — преимущественно медные, но порой обнаруживались и серебряные, — они вручали их продавцу, иногда с явным недовольством, а иногда, когда торг оказывался удачным, с самодовольной улыбкой.

На привыкшую к земным супермаркетам Ангелину увиденное произвело шокирующее впечатление. Пожалуй, первым, что бросалось в глаза, были деревянные стойки для товара — многие из них, даже те, на которых лежали продукты, оказались испещрены застоявшимися грязевыми разводами и какими-то странными, не менее грязными, маленькими трещинами. Весь товар был будто свален в общую кучу, и его могли свободно брать, вертеть в руках, нюхать, ощупывать абсолютно все, а продавцы не только не препятствовали этому, но и даже наоборот — сами протягивали толстую рыбину или кусок мяса в руки чуть ли не каждому потенциальному покупателю. В общем и целом, на столичном рынке Каттегата царила полнейшая антисанитария, не смущавшая, что самой удивительное, абсолютно никого! Неужели на всех этих людях так сказывалось существование лекарской магии? Почему они совершенно не заботились ни о санитарных нормах, ни об элементарных правилах безопасности?

Ангелина внутренне сжалась. Повара конунга явно тоже отовариваются здесь... Это что

же получается? Её кормят этим?! Она ест мясо, которое, до того, как попасть к ней на тарелку, перелапала половина столицы?! Ну и мерзость!

Вторым, хоть и не настолько тошнотворным, но всё же довольно неприятным открытием стало отсутствие ценников. Поначалу для Ангелины — человека, выросшего в условиях развитой экономики, подобная новость оказалась шокирующей. Не в силах поверить в это, она принялась пристально разглядывать торговые навесы, выискивая заветные бумажки с цифрами, чем вызвала лёгкое недоумение у прохожих. Ратель пришлось даже грубовато одёрнуть свою подопечную — не хватало ещё, что бы вдобавок к уже имеющимся некомплиментарным характеристикам будущей правительницы Каттегата присовокупилось и сумасшествие! Но вскоре на Ангелину снизошло кошмарное для любого интроверта озарение: для того, чтобы узнать всю необходимую о товаре информацию, нужно обращаться к продавцу. Никаких ценников, никаких этикеток с составом, производителем и сроком годности, никаких чеков — все торговые отношения здесь представляют собой примитивнейший обмен товара на деньги, основанный исключительно на устной договорённости между продавцом и покупателем и лишённый каких бы то ни было гарантий. Короче говоря — социофобная душа Ангелины обрела в лице местных рынков свой персональный Ад, способный враз излечить девушку от шопоголизма.

— Ах, Ваше Высочество! — Гудхильд резко выпрямилась. — Рог!

— Ч-что? — Приподняв подол платья, Ангелина подбежала к окну.

Там, вдали, где заходящее солнце касается чёрной морской глади, виднелись очертания мощных каттегатских драккаров.

— Едут, — довольно констатировала приблизившаяся к принцессе служанка.

— Ты уверена, что это он? — Голос Ангелины казался спокойным, но та неловкая поспешность, с которой она сцепила руки, выдавала её взволнованность.

— Да, Ваше Высочество, — Гудхильд едва заметно хмыкнула, подмечая нервозность своей госпожи. — Это точно Его Величество, говорю вам. Разве ж я его драккар не узнаю? Он на нём с детства ходит, работа его батюшки, как-никак.

— Его батюшки? — Заинтересовано повторила девушка. — Он был кораблестроителем?

— Скажете тоже! Его покойное Величество конунг Снорри был литой! Мы ж благодаря ему в своё время и разгромили Бургундию! А драккары — это так, развлечение.

— А что с ним случилось?

— Так волки задрали. Аккурат в ту ночь, когда за победу пировали. Упился пива, да и вышел балагурить — охотничать надумал на ночь глядя... Видать, пьяный уснул, а зверьё у нас в лесах дикое, вот и подрали. С ним, кстати, и отец кин Ратель помер, они ж вдвоём туда пошли.

— Боже... ство... А сколько лет было Хар..., то есть, Его Величеству Харальду, когда это произошло?

— Ой, тут я вам точно не скажу, Ваше Высочество — это ж ещё до моего рождения случилось! Но, думаю, Его Величество тогда ещё едва-едва пешком под стол ходил. Он батюшку своего и не помнит совсем.

— Вот как, — Ангелина прикусила губу. Взгляд её был устремлён на быстро увеличивающиеся чёрные кляксы боевых драккаров, постепенно удаляющихся от наполовину потонувшего в ледяной воде солнца.

— Ах, Ваше Высочество! Совсем забыла! — Гудхильд раздосадовано хлопнула себя по бедру. — Ваша одежда!

— Что? — Как-то рассеянно спросила Ангелина.

— Нужно ткани вам подготовить! Для горячего источника! Его Величество ходит туда сразу после возвращения из рейда. Обычно он с собой брал мра Отталию, но после того, как она десяток двенадцать назад зажилась, конунг звал какую-нибудь служанку. Но теперь-то у него невеста есть!

— Что-о-о?

— Говорю вам, Ваше Высочество, Его Величество вас попросят!

— Э-э-э..., — Ангелина застыла, не зная, что ответить.

Неужели Гудхильд это всё всерьёз? Какие ещё горячие источники? Она не собирается идти с Харальдом ни на какие источники! Ей достаточно той злополучной ванны, которую они делили на постоялом дворе в Корлеме, она не собирается больше радовать его ничем подобным!

— Я не пойду никуда с ним! — Из-за клокотавшего в груди девушки возмущения, голос её сорвался на фальцет. — Мы ещё даже не женаты!

— Ах, да разве ж есть разница, Ваше Высочество? Вы же ж всё равно почти супруги... да даже если бы и не были, кого это когда останавливало? Знамо дело: главное, чтоб ребёнок ни от того не родился, а так... все мы из чрева Божества вышли, чего уж тут. Да и ваш норов, кхэм-кхэм, — поняв, что позволила себе лишнего, служанка стушевалась.

— И что с моим норовом? — Ангелина требовательно взглянула на свою визави, дожидаясь от той продолжения. У неё и раньше возникали некоторые подозрения по поводу репутации Генриетты — взять, хотя бы, слова Ротхена и, хоть и тонкие, но очевидные намёки самого Харальда, — но она предпочитала до последнего надеяться на то, что это было не более чем локальная сплетня. Но раз уж об этом знали, похоже, почти все... это уже заставляло нервничать. Как она объяснит свою абсолютную неопытность в этом вопросе правителю Каттегата, когда до этого дойдёт дело? Не слишком ли много неожиданных открытий на одну принцессу?

— Ну, кхэм... ох, Ваше Высочество, прошу, не гневайтесь! — Неожиданно служанка упала на колени. — Забылась я... совсем, дура, заговорила!

— Боже мой, Гудхильд! — Ангелина подбежала к девушке, схватив её за руку. — Поднимайся! Что ты такое делаешь вообще? Это... это... вставай!

— Ваше Высочество, я вас не хотела оскорбить! — Отирая рукавом своей выцветшей сероватой рубашки слёзы, прислужница неловко поднялась. — Это дин Марта всё, клеветница проклятая... ходит, болтает тут! У меня, говорит, сестра троюродная дружит с женой торговца специями, а у него друг контрабандист, у которого брат знаком с одной тол, которая раньше помощницей кухарки была в графстве Скоттшир. Ну и она, говорит, много чего интересного рассказывала о сынке графа Скоттшира, — Алексе и Его Высочестве принце Уильяме... Она вас туда приплела, говорит: "Её Высочество не лучше своего брата... такие кренделя выписывает, само Божество стыдится!" Ну и всё в таком духе...

— И что там за "кренделя" такие?

— Ох, Ваше Высочество! — Гудхильд отвела взгляд от Ангелины. Щёки её заалели. — Ну там такие глупости! Сплошная мерзкая клевета!

— Ну Гудхильд, ну хватит ходить вокруг да около! Рассказывай! Я хочу знать, что тут обо мне думают.

— Да что рассказывать-то, Ваше Высочество? Ну, говорят, служанок в постель тягают... дак а кто из господ так не делает? Все делают! Кин Ратель-то вон, своего

молоденького помощничка тол Хэлтора только так и пользует! И в хвост, и в гриву его, бедняжку! Она дама строгая, с ней не забалуешь! И ничего! Никто слова ей поперёк не скажет, а тут нате вам — как разговор о принцессе Норфолка зашёл, так сразу заголосили...

— Э-э-э... и это всё, что ли? — В голосе Ангелины, к её собственному удивлению, проскользнуло разочарование. С одной стороны она, вне всяких сомнений, была рада тому, что список достижений её двойника куда более приемлемый, чем она себе навоображала, но с другой... эти намёки были настолько многообещающими, что у девушки против её воли сформировались определённого сорта ожидания, а неоправданные ожидания — это всегда, как минимум, некоторое смятение.

— Ну, поговаривают ещё, что вы любите э-э-э... когда у вас... кхэм, не с одним мужчиной, Божество меня прости, — Гудхильд быстрым движением трижды прикоснулась указательным и средним пальцами ко лбу, выражая своё почтение к Единому.

Ангелина в удивлении приподняла брови. Однако. Похоже, Генриетта действительно была не из числа тех людей, которые привыкли отказывать себе в удовольствии...

— Я надеюсь, какой-нибудь лютой чернухи связанной с трупами или животными там нет? — Неловко рассмеявшись, с надеждой спросила она.

— Ах! Великий Душителъ вас... Ваше Высочество! Конечно же, нет! Ох, Единый, ну вы и выдумали! До такой-то низости кто опустится! Фу!

— Ну, слава Божеству, всё не настолько запущено. А что касается остального, — Ангелина подошла к окну, наблюдая за тем, огромные тёмные драккары, решительно прорезая поверхность воды, приближаются к берегу, — глупости это всё. Просто сплетни пустые, не больше.

— Дак и я так говорю! — Гудхильд стукнула ладонью по своему бедру, отчего ткань её длинной юбки лениво всколыхнулась. — Мало, что ли, завистников у принцессы! Тут и про кухарку тебе наврут с три короба клеветники бесстыжие, а уж про дочку королевы так и подавно. Знамо дело.

С порта донёсся громкий звук рога, возвещая о скором прибытии конунга Каттегата.

— Подъезжают, — как-то отстранённо отметила Ангелина.

— Да, Ваше Высочество, — служанка согласно кивнула. — Нужно подготовить ваши ткани.

Очередной порыв ветра хлётко ударил в спину Ангелины, чуть не сбив её с ног. Девушка ахнула от неожиданности и, боясь упасть, вцепилась в руку семяющей за ней Гудхильд.

— Осторожно, Ваше Высочество, — служанка сжала ладонь своей подопечной, — ветра Каттегата очень коварные: чуть потеряете бдительность — и тут же окажетесь в снегу!

— И почему здесь так ветрено? — Ангелина кинула полный раздражения взгляд в сторону фьордов. — Разве эти штуки не должны защищать от ветра или типа того?

— Так они и защищают. Но этот-то ветер с Холодного моря. Он всегда такой... неприятный.

— Понятно. Давай тогда побыстрее как-нибудь пойдём, а то меня тут снесёт скоро. Далеко ещё до этих источников?

— Да уже почти что пришли, Ваше Высочество. Вона, — Гудхильд махнула рукой в сторону невысокой скалы, ярким чёрном пятном выделявшейся на девственно-белом фоне заснеженного пейзажа, — прям за малой горой. Видите, там свет за ней?

Присмотревшись внимательно, Ангелина заметила просачивающееся из-за тёмной глыбы тусклое желтоватое сияние. Мягко обволакивая грубые изгибы камня, оно едва заметно мерцало в сумерках, подобно сирене заманивая к себе путников.

— Да, я вижу, — девушка утвердительно кивнула, сжав ткань надетого на голову пухового платка сильнее.

Некоторое время она шла молча. Пушистый снег, достававший ей почти до середины голени, громко скрипел под ногами, нарушая тишину. Укутанная в тяжёлые шкуры Гудхильд прерывисто дышала, шагая рядом.

Собравшись с мыслями, Ангелина всё-таки спросила:

— А Его Величество... он уже там?

— А как же, Ваше Высочество! — Отозвалась служанка. — У нас так заведено: только Его Величество приезжает, тол Магнус тот час же молнией несётся к источникам — всё нужное принести, значит. Да пошустрее, потому как Его Величество, ежели нет срочных дел, заходит в свои покои только кольчугу сбросить, да оружие оставить, а после — сразу на источники. А там уж он тол Магнусу даёт распоряжение, кого из служанок к нему надобно привести.

Ангелина хмыкнула.

— У него что, там каталог всех служанок замка какой-то лежит? — Насмешливо проговорила она.

— Кот-котол... я... прошу прощения, Ваше Высочество, — растерянно произнесла Гудхильд, — я не знаю таких слов... не учёная я...

— Э-э-э, — Ангелина мысленно отвесила себе подзатыльник.

Опять! Господь свидетель, ей невероятно повезло, что она до сих пор не прокололась так перед кем-то, кроме необразованных служанок — иначе к ней уже давно бы возникли вопросы. Прикусив внутреннюю сторону щеки, она в очередной раз клятвенно пообещала внимательнее следить за своей речью и своими манерами — её фривольность уже начала вызывать у местных некоторые подозрения. Пока что, к счастью, всё списывалось на то, что она норфолка, но Ангелина чётко понимала: любому подобного рода карт-бланшу есть

предел. В конце концов, среди её ненавистников есть и те, кто не склонен к излишней дегуманизации противника, а предпочитает быть объективным в своих суждениях — и именно такие личности не преминут с выгодой для себя интерпретировать все странности принцессы Норфолка. Кто знает, не собирает ли уже один из злопыхателей Ангелины все возможные свидетельства её неадекватных выходов в надежде использовать их в качестве доказательств душевной нездоровости будущей правительницы Каттегата?

Надо думать, подобное оказалось бы крайне выгодно как для самого Харальда, который получит легитимную возможность избавиться от презренной жёнушки, так и для многих влиятельных ярлов — даже если её не сошлют после развода в какой-нибудь монастырь, а всего лишь значительно ограничат в правах, это станет прекрасной возможностью для представительниц знатных родов повысить свой статус посредством, например, рождения здорового наследника. Хоть Ангелина и не знала, как здесь относятся к бастардам, но в чём она была уверена абсолютно точно, так это в том, что ребёнок, рождённый сумасшедшей, априори способен вызвать опасения у ряда ключевых высокопоставленных лиц королевства, а то, что эта сумасшедшая ещё и принцесса враждебного государства с имеющими крайне неоднозначную репутацию родственниками — опасно вдвойне. Да, сейчас она, хоть и спорно, но всё же имеет заступников в лице ярла Ратель и самого конунга, но насколько это надёжно, а, главное, долгосрочно? Не сменит ли Харальд милость на гнев после того, как претворит свои планы в жизнь? В силу её высокого статуса она, как кажется, может не опасаться демонстративной расправы — как бы то ни было, у Норфолка остаются довольно влиятельные союзники — та же Ладога, откуда родом отец принцессы Генриетты, — и конунг навряд ли захочет портить с ними отношения, но вот "внезапная смерть" от сильной простуды ей вполне может грозить. И это будет вполне объяснимо: Каттегат славится своим суровым климатом, вполне способным свести в могилу не привыкшую к подобному хрупкую девушку, особенно, если эта девушка ещё и душевнобольная — взяла, да и отказалась от лечения. Идеальная схема.

Ангелина издала нервный смешок. Придётся выкручиваться.

— Ой, я имела в виду список... совсем уже путаюсь, — голос её вибрировал от натужной весёлости. — Это всё из-за прибытия Его Величества — оно меня взволновало. — Понизив голос, она доверительно проговорила, — ты ведь знаешь, как он относится к моей матери?

Служанка, прикинув поближе, быстро кивнула. Всю свою бытность проведшая прислугой, она безошибочно узнала этот тон — ей собирались поведать конфиденциальную информацию, а подобного рода валюта очень высоко ценилась в любом замке, а уж в королевском — и подавно. А потому, наострив ушки, она приготовилась внимательно внимать каждому сказанному принцессой слову.

— Так вот, — дождавшись утвердительного кивка, продолжила Ангелина. — Про меня он думает не лучше. Конечно, он хорошо ко мне относится, но я всё равно ощущаю отчуждение, понимаешь?

— Понимаю, Ваше Высочество, — быстро проговорила Гудхильд. — Но вы так сразу не беспокойтесь из-за этого — Его Величество ко всем так относится, даже к кин Ратель. А они ведь с детства друг друга знают! Такой уж он человек.

— Ты думаешь, я зря переживаю?

— Ну дак конечно! Божество вас помилуй! Да Его Величество такой человек благородный — до низости какой никогда не опустится, тем паче, если речь о женщине.

Очень уж он женщин уважает, да и жалеет всегда — вон, тол Ингрид, кухарку нашу, забрал у ярла Сигвальда — тот ещё паскудник, гнилая кровь — тут же, как только прознал, какие низости тот с ней вытворял! Она же, бедняжка, сиротка, заступиться за неё некому было... Помню, как только к нам приехала, первое время от мужиков шарахалась аж, её потому в кухню-то и отправили, в подопечные к нашей главной кухарке, тол Вигдис. Она баба хоть и суровая, но сердце у неё доброе — так и держатся до сих пор одна за другую. Вот так вот, Ваше Высочество. Ежели Его Величество и таит на вас обиду из-за вашей матушки, то на вас срывать не станет, нетушки. Не такой он.

— Хм, — Ангелина задумчиво прикусила губу. Может, Гудхильд права и она зря себя накручивает?

С самой первой секунды она ловила себя на том, что ощущает исходящую от конунга Каттегата угрозу, но насколько эта угроза была реальной? Быть может, это в ней выиграл неосознанно впитанный ею страх перед ним Генриетты и Бронхилая? У них, как у норфолкцев, были все основания для того, чтобы опасаться молодого и сильного правителя враждебного королевства, тем более, страх их могла усиливать неопределённость — насколько Ангелине было известно, норфолкский бомонд не имел никаких личных сношений с каттегатским правителем, предпочитая, вместо этого, черпать всю информацию о нём из досужих разговоров лиц разной степени надёжности и регулярно долетавших до них сообщений об очередном территориальном приобретении конунга. В контексте этого, возможно, ей действительно стоит попытаться взглянуть на Харальда непредвзято? Тем более, они скоро станут супругами. Не приведёт ли она сама себя к гибели, если то и дело будет подозревать правителя Каттегата в желании упечь её в монастырь или убить? Может, в первое время он и отнесётся к такому её проявлению недоверия к нему с пониманием, но рано или поздно это ему надоест, и — кто знает? — сподвигнет предпринять какие-нибудь решительные действия. В конце концов, он правитель государства — у него нет ни возможности, ни, надо думать, желания, вечно нянчиться с излишне враждебно к нему настроенной женой.

— Надеюсь, ты права, — спустя время ответила Ангелина.

— Как есть вам сказала, Ваше Высочество, — Гудхильд неопределённо махнула рукой. — Вот увидите. К тому же... не зря же Его Величество вас сегодня на источники позвал. Это хороший знак. Тол Фредрика, правда, разобиделась, но это она сама уже виновата — лишнего навоображала.

— А тол Фредерика — это..?

— Дак одна из служанок. Раньше прачкой была, да полы мыла, а сейчас одежду прядёт. Её ж Его Величество и в последние разы звал к себе, ну, на источники-то. Ну эта, возьми меня Великий Душител, дурочка и решила вдруг, что она чуть ли не будущая королева здесь. Это ж её в ткачихи отправили опосля того, как она об этом Его Величество попросила. Мол, слишком уж у неё здоровье слабое для такой работы тяжёлой... белоручка, прости меня, Единое. Так вот из-за того-то и надумала себе девчонка, а теперича ишь, как всё повернулося... Ох, и зададут ей трепак скоро — она ж тут на кого только не цыкнула.

— Вот как, — задумчиво протянула Ангелина. Этот разговор возбудил в ней нешуточный интерес. Взглянув на приближающегося с каждым их шагом каменного исполина, она с некоторым раздражением осознала, что они практически уже на месте, а значит, развить эту тему, как следует, у них не получится. Поджав губы, она недовольно прошептала:

— Давай отложим наш разговор на потом? Мы уже почти пришли.

— Как скажете, Ваше Высочество, — так же тихо ответила Гудхильд.

Остаток пути девушки проделали в полной тишине.

К тому моменту, когда они дошли до источника, Ангелина оказалась охвачена волнением. Разговор с Гудхильд, очевидно, здорово отвлекал её от переживаний, но стоило им обоим погрузиться в молчание, девушку тут же обуяла странная тревога. Зачем правитель Каттегата на самом деле позвал её сюда?

Когда Ангелина, сопровождаемая целым штабом слуг и воинов, шла на пристань бок о бок с Ратель, в её голове настойчивой мухой крутились слова Гудхильд о возможном приглашении Харальда. Конечно, она не могла, в силу своей неосведомлённости, с какой-либо уверенностью утверждать, насколько вообще вероятно для неё получить подобное предложение от конунга, но от неё зависело примет ли она его, если оно всё-таки поступит, или решит отказать.

Первой её мыслью, похожей больше скорее на эмоциональный порыв, было оскорбиться и, сопроводив свой ответ парочкой грубых выражений, отправить рискнувшего к ней заявиться с подобным гонца прочь. Но стоя на пристани и наблюдая за решительно приближающимися к берегу драккарами, Ангелина обдумала всё ещё раз, но с уже более холодной головой. Как бы ей не претила сама мысль о том, что бы вновь предстать перед Харальдом обнажённой и, возможно даже, претерпеть от него некоторые домогательства, она, в то же время, не могла не понимать, насколько выгодной со стратегической точки зрения эта ситуация могла бы оказаться для неё. По-видимому, слуги — а может, и не только они — придавали большое значение этой небольшой традиции, и потому отказ её может вполне оказаться интерпретирован ими однозначно — принцесса Норфолка пренебрегает вниманием конунга Каттегата и, что ещё более важно, своего будущего супруга. Означает ли это, что она не готова сотрудничать? Кому адресован этот отказ: персонально Харальду или всем каттегатцам? Опасаться ли каких-нибудь выходов с её стороны? И таких вопросов, которые могут возникнуть у любого, начиная от какой-нибудь прачки и заканчивая самим конунгом, тьма. Ангелина явно не в том положении здесь для того, чтобы позволять себе подобного рода финты ушами. Ей, если она хочет сытой, — а самое главное — безопасной — жизни, необходимо завоевать лояльность народа Каттегата, и в особенности его правителя.

Поэтому, отвечивая приветственный поклон ловко спрыгнувшему с драккара Харальду и с вежливой улыбкой расспрашивая его об их рейде, девушка чётко осознавала: если он будет нуждаться в её компании во время сегодняшних купаний, она не посмеет ему отказать.

Но теперь, наблюдая за тем, как Гудхильд, осторожным движениям водрузив её вещи на гладкий широкий камень, глубоко поклонилась и, дождавшись кивка конунга, поспешно удалилась, Ангелина забеспокоилась. Она была так сосредоточенна на себе и своих мыслях, что совсем обошла вниманием второго участника этого представления. Харальда и его мотивацию. Почему он позвал её? Рациональная часть мозга подсказывала ей, что их цели здесь вполне могли совпадать — ему, как и ей, сыграют на руку слухи об их сближении. Но не планирует ли он что-то ещё? Навряд ли у него имеются какие-то сомнения по поводу её осведомлённости в вопросе того, с какой именно целью он приводил сюда женщин. Не воспримет ли он то, что она добровольно решила составить ему компанию, как её согласие ещё и на близость с ним?

По спине Ангелины пробежали мурашки. Проклятье. Похоже, ей стоило более

обстоятельно всё обдумать и не спешить с выводами.

— Ты так и будешь там стоять, Генриетта? — Будучи застанный врасплох, девушка рефлекторно подскочила на месте, взвизгнув.

— Вы меня напугали! — Обвинительно воскликнула она.

Харальд мягко рассмеялся. Смех его показался Ангелине каким-то уставшим, и она взглянула на погружённого по пояс в горячую воду мужчину.

Его толстая коса была скручена в тугий жгут на затылке так, что ни один локон не касался казавшейся стеклянной поверхности воды. Лицо правителя Каттегата выглядело немного осунувшимся; под глазами залегли хоть и неглубокие, но весьма заметные тени. Тонкий шрам ровной линией выделялся на левой щеке, подсвечиваемый расположенными на каменных выступах масляными лампами.

Приподняв правую бровь, конунг невозмутимо проговорил:

— Какой же из меня каттегатец, если я перестану пугать норфолкцев?

Ангелина нехотя прыснула. Расцепив взмокшие от волнения ладони, она медленно стянула с головы пуховый платок. К удивлению девушки, её шею не пронзил ледяной поток ветра, напротив — исходящий от воды пар нагревал воздух, делая его немного теплее. Положив мягкую ткань на один из плоских камней, она потянулась к тесёмкам меховой накидки. Её пальцы мелко подрагивали, когда она распутывала тонкие, но плотные ниточки, а взгляд блуждал по сторонам, с интересом изучая окрестности.

Горячим источником оказалось небольшое, наполненное горячей водой углубление в каком-то окружённом камнями рве. Однородность пород и характер их расположения напомнили Ангелине об увиденных ею когда-то в учебнике по географии фотографиях с изображениями сформировавшихся после извержения вулкана всякого рода "гор" и "озёр" из застывшей лавы. Было ли это небольшое озеро, заботливо укрытое своеобразным каменным забором результатом вулканической деятельности? Или это природное явление иного свойства?

— Ты замёрзнешь, если будешь так долго раздеваться, — лениво проговорил Харальд.

Ангелина вздрогнула. Покачав головой, она одним быстрым движением стянула с ног сапоги, а после так же стремительно избавилась от длинного бордового платья. Стараясь не пересекаться взглядом с мужчиной, она осторожно приблизилась к озеру. Нащупав под ногами опору из камней, девушка медленно опустила одну ногу в воду. Кожу её тут же слегка обожгло жаром.

— Нужно привыкнуть, — конунг склонил голову набок, с лёгкой полуулыбкой наблюдая за действиями своей невесты.

— Я... поняла, — смущённо отозвалась Ангелина.

Её руки нервно блуждали по телу, подгоняемые неосознанным желанием девушки скрыться от внимательного взгляда сидящего напротив неё мужчины. Но разум, убеждённый в том, что ей не стоит показывать оппоненту своего смущения, давая тем самым тому возможность считать себя полновластным хозяином положения, непрестанно одёргивал непослушные конечности.

Глубоко вздохнув, Ангелина аккуратно погрузилась в воду. Стараясь держаться на расстоянии от конунга, она расположилась на противоположной стороне, вцепившись руками подводные каменные выступы. Мочки её ушей неприятно обожгло — исходящий от воды пар нагрел металл серёг, и те повисли угрожающими горячими углями возле шеи девушки.

— Ратель сказала, что ты неплохо освоилась здесь, — подождав, когда Ангелина разместится, спокойно проговорил Харальд. — Это правда?

— Да, — нагота мужчины, отчётливо прослеживающаяся под толщиной прозрачной воды, смущала её, и она старалась избегать любого зрительного контакта с ним, трусливо пряча глаза под выбившимися из высокой причёски редкими локонами. — Меня здесь... хорошо приняли, спасибо. Я ожидала худшего.

— Вот как? И чего же ты ожидала, Генриетта?

— Ну, не знаю... подвал с цепями, пыток, покушений... типа того.

Конунг весело рассмеялся.

— Похоже, в Норфолке обо мне думают ещё хуже, чем я представлял, — резюмировал он. — Мне нет резона держать тебя на цепи в подвале. Разве с будущими жёнами так обращаются?

Щёки Ангелины вспыхнули ещё сильнее. У неё не было проблем с тем, что бы принимать мысль об их скором замужестве, когда она находилась наедине с собой или беседовала об этом с Гудхильд, но обсуждать подобное с Харальдом... Это заставляло её испытывать смятение. Будто все разговоры до него были не более чем праздный трёп, а с ним эти намерения приобретали некую серьёзность, заставляли поверить в реальность происходящего.

— Не думал, что ты всё-таки придёшь сюда..., — помолчав немного, задумчиво проговорил мужчина. — Я удивлён.

— Почему я должна была отказаться? — Заставив себя, наконец, взглянуть на конунга, спросила Ангелина.

— Много причин... например, потому что твоя мать отказалась давать согласие на наш брак и сейчас активно готовится к войне, Генриетта.

Девушка прикусила внутреннюю сторону щеки. Как ей реагировать на это?

Раз Харальд считает, что это могло послужить причиной её отказа, то выходит, он предполагает, будто она должна была знать об этом до его прибытия... Но откуда? Разве что от Ратель, но та не говорила ей ни о чём подобном. Никто больше не смог бы быть информатором принцессы, и конунгу об этом должно быть известно — она не общалась ни с кем, кроме ярла и Гудхильд. К тому же, появившись новость о предстоящей войне с Норфолком, она бы тот час же разлетелась по всему замку — хоть один ярл, да проболтался бы о решении королевы кому-нибудь из своих слуг... В конце концов, слухи, а особенно подобного толка, разлетались здесь, как горячие пирожки.

Остаётся только один вариант — мать Генриетты. Больше Ангелина ни от кого не смогла бы получить информацию, о которой знал, похоже, пока только сам Харальд. Скорее всего, этот вопрос — намеренная провокация... правитель Каттегата пытается ненавязчиво разузнать, не ведёт ли его новоявленная невестушка переписок со своей матерью за его спиной.

"Но это глупо, — лихорадочно соображая, подумала девушка. — Что помешает королеве приказать Генриетте не демонстрировать свою осведомлённость?"

Ангелина раздосадовано поджала губы. Она совсем запуталась. Может, здесь и нет никаких подводных камней... Может, Харальд просто хочет посмотреть на её реакцию? Понять, изменится ли её настрой теперь, когда знает о предстоящем противостоянии?

— Я... я не знала об этом, — с изрядной долей растерянности произнесла она.

— Я заметил... — мужчина усмехнулся.

— Но это, — поспешно добавила девушка, — ничего не меняет. То есть... алког... пьянство — это болезнь. Королева больна, и она не способна здраво оценивать ситуацию.

— Вот как, — после недолгого молчания произнёс Харальд.

Его светлые глаза пристально разглядывали раскрасневшуюся то ли от жара воды, то ли от смущения Ангелину, заставляя ту неловко ёрзать.

— Ты что-то задумала, Генриетта? — Внезапный, произнесённый грубоватым голосом вопрос выбил девушку из колеи.

— Ч-что? — Изумлённо спросила она.

— Ты задумала что-то, Генриетта? — Жёстко повторил конунг.

— Нет! С чего вы это взяли?

— Ты слишком хорошо ведёшь себя... Очень уж твоё поведение не вяжется с тем, что мне о тебе рассказывали, принцесса.

— Мы уже говорили об этом, — облизнув губы, парировала Ангелина. — Исходя из того, что мне о тебе рассказывали, ты уже должен был притопить меня в этом озере, перед этим как следует помучив!

Мужчина усмехнулся. Откинувшись на шершавую каменную поверхность скалы, он смерил свою оппонентку слегка удивлённым взглядом, а после, покачав головой, медленно произнёс:

— Справедливо... Что ж, победа за тобой, дорогая невестушка.

Ангелина наклонилась, пряча улыбку. Похоже, идея попытаться взглянуть на правителя Каттегата непредвзято оказалась не такой уж плохой — по крайней мере, он не испепелил её на месте своей магией за дерзость, как это ожидается от человека с его репутацией.

Смахнув упавший на глаза локон, она несмело произнесла:

— И что теперь? Будет война?

— Если Боудика не хочет решить наш спор по-хорошему, то придётся воевать, — пожав плечами, ответил мужчина.

— А может попытаться уговорить принца сотрудничать? Вы могли бы заключить договор или типа того, и он бы организовал небольшой переворот, и всё бы решилось без войны, — Ангелина хлопнула в ладоши, довольная своей придумкой.

К изумлению девушки, Харальд, вместо того, что бы поддержать её идею, расхохотался.

— Я слышал, что ты бунтарка, Генриетта, — сквозь смех проговорил он, — но чтоб строить планы по свержению собственной матери... Ты не перестаёшь удивлять меня.

— Я не... строю никаких планов! — Обиженно отозвалась Ангелина. — Я просто пытаюсь найти способ решить всё мирно! В войне нет никакого смысла — все и так понимают, чем она закончится. Просто умрёт куча людей и всё. Это глупо.

— И почему ты думаешь, что твой брат пойдёт на это? Уильям ненавидит Каттегат, Генриетта. И об этом известно всем.

— Потому что это разумно, — девушка заправила болтающуюся на лбу прядь за ухо. В движениях её читалась нервозность — она надеялась, что Харальд не заметит этого прокола. Всё же ей стоит поостеречься и не заходить на территорию обсуждения родственников Генриетты, иначе она рискует рано или поздно допустить очень серьёзный фэйл. — Моего брата с рождения готовили к тому, что бы он занял трон, и ему привили ответственность за народ и всё такое прочее.

Харальд неопределённо хмыкнул.

Ещё несколько минут они провели в молчании. Каждый из них сидел, будучи погружён

В свои мысли, и только негромкое, натужное завывание ветра над их головами нарушало окутавшую горячие источники тишину.

Наконец, конунг поднялся и, запустив в небо столп сияющих чёрных искр, обратился к Ангелине:

— Нас уже ждут в трапезной.

Девушка кивнула.

Пожалуй, это утро было одно из самых нервных за последние несколько дней.

Пробуждение, как и обычно, началось с того, что Гудхильд, зевая на ходу, перемешала уголь в камине и, подкинув пару свежих дров, отправилась будить Ангелину. Поднятая нетерпеливо заламывающей руки служанкой, девушка умылась с её помощью в небольшой бадье, подгоняемая нестерпимым желанием выведать у Гудхильд, в чём причина её нервозности.

Успев нафантазировать себе ужасов разной степени чудовищности, она, дождавшись, наконец, когда служанка закончит помогать ей с одеванием, повернулась, взволнованно спросив:

— Что-то случилось? Ты сама не своя сегодня.

— Да как разве ж вы не знаете, Ваше Высочество? — Гудхильд с удивлением взглянула на Ангелину. — Говорят, война с Норфолком грядёт... все только и гудят с утра.

— А, ты об этом, — девушка активировала магию. Тысячи извивающихся коричневых змеек, вспыхнувших на руке, ловко добрались до деревянной шкатулки и, с лёгкостью донеся её до хозяйки, бросили той в руки. — Его Величество мне вчера об этом сообщил. Меня это тоже огорчило — я надеялась, что им удастся договориться.

— Ох, Единое, как же это так-то? Ради Божества и всех святых простите меня, но я всё же таки скажу: неужто королева Боудика не понимает, что дело это пустое? Всё же ясно уже, кто победит, к чему резню зазря устраивать?!

Ангелина выудила из шкатулки небольшие серьги с малахитом — в тон своему длинному зелёному платью.

— Не поверишь, — вдевая в уши украшения, отстранённо проговорила она, — но я отреагировала точно так же. Бойня ради бойни. Что кому это докажет?

— Ох, Ваше Высочество! — Гудхильд всплеснула руками в своей излюбленной манере. — Так, значит, вы не рады этому? Слава Единому! А то я уж, когда меня Его Величество попросил вас стеречь повнимательней, решила было, что вы теперь замышляете чего-то супротив него! Прости меня, Божество!

Ангелина прыснула. Значит, Харальд решил подстраховаться? Разумно. Хоть девушка и не могла не заметить, как это недоверие с его стороны неприятно отозвалось в её груди, она, тем не менее, оценила его предусмотрительность. Разве она сама, будь на месте конунга, не поступила бы так же? Он — глава государства, и, доверься он не тому человеку, разгребать последствия придётся всему Каттегату.

"Успокойся. Здесь не на что обижаться".

Вздыхнув, Ангелина отошла к отполированному до зеркальной гладкости обсидиану, разглядывая себя. Вроде, всё сочетается.

— А Его Величество разрешил тебе рассказывать об этом мне? — Весело проговорила она, бросив лукавый взгляд на Гудхильд.

Служанка осеклась. Пару мгновений спустя глаза её расширились от ужаса. Едва сдерживая рыдания, она сбивчиво затараторила:

— Ваше Высочество, так это ж... Ох, Божество, ужас какой! Язык мне вырвать... Ваше Высочество, это... так вот вышло уж... я ж не со зла! Душой к вам только-только прикипела, а тут на тебе... и приказ такой... огорчилась... Ну, а когда вы вот... сказали, что сами и не

рады... Не сдержалась! Великий Душитель меня покарай! Всё моя невоздержанность... Мнѣ мать всю жизнь говорила: "Гудхильд, ты не властвуешь собою!" Права была!

Ангелина снисходительно покачала головой. Непосредственность и живость служанки неизменно забавляли её — в какие-то моменты она даже ловила себя на том, что завидует этой непосредственности и даже в какой-то степени детской наивности каттегатки. Возможно, это так на ней сказало жизнь с больной алкоголизмом тёткой, но Ангелина всегда, сколько себя помнила, ощущала себя взрослой. Даже когда у неё не было в этом острой нужды, она всё равно старалась тщательно взвешивать каждое сказанное ею слово, и не принимать необдуманных решений. Это было уже рефлексом — будто в её мозгу находился какой-то тумблер, который переключался каждый раз, когда она сталкивалась с любой задачей, и запускал процесс препарирования поступившей информации. Порой, конечно, в силу своего природного темперамента, в ней проскальзывала некоторая порывистость, но это происходило не часто и заканчивалось обычно печально. Пожалуй, её вспыльчивость сходила ей с рук пока только при общении с Харальдом — видимо, конунг Каттегата отличался неплохим терпением. А может, дело было лишь в занимаемом здесь ею высоком положении, кто знает.

— Старайся не проболтаться Его Величеству о том, что мне сказала. Ему такое навряд ли понравится. — Весело ответила Ангелина.

— Ваше Высочество, а как же ж... я теперича уж язык свой прикушу, Единое мне свидетель! Ох, ох, — Гудхильд приложила руки к груди в клятвенном жесте. Выражение её лица по-прежнему было донельзя взволнованным, и ещё некоторое время, пока они заканчивали утренний туалет, она тихо причитала, чем знатно забавляла свою подопечную.

Покончив со сборами, девушки спустились в трапезную. Проходя мимо снующих по коридорам каттегатцам, Ангелина то и дело ловила на себе их взгляды. Конечно, с момента её прибытия в замок конунга она не раз становилась предметом обсуждения и мишенью для взглядов самого разнообразного толка, но на этот раз всё было иначе. Если раньше на неё смотрели с ненавистью или — если это был кто-то чересчур осведомлённый о жизни Генриетты — с насмешкой, то теперь в глазах окружающих читалась и некая настороженность.

Это было подобно тому, как небо, готовое вот-вот пролиться дождём, наполняет свинцом тучи, которые угрожающе нависают над головами людей, заставляя тех гадать, чем обернётся для них этот каприз природы. Окажется ли это освежающим землю и растения даром? Или же на этот раз природа обрушит на них, со всей силы свойственной ей безумию, своё буйство, уничтожив посевы и затопив поля?

Именно таким взглядом встречали и провожали в это утро Ангелину. В их глазах она была сейчас непредсказуемой стихией, и все, затаив дыхание, ожидали хода принцессы Норфолка.

Осознавая всю значимость своих дальнейших действий, девушка решительно шагала в сопровождении повеселевшей Гудхильд. Всё в ней — её походка, её движения, её взгляд — осталось неизменным. Она так же, как и обычно, раскланивалась по пути со знакомыми ей ярлами и слугами, время от времени перекидывалась редкими замечаниями со своей служанкой. С прежней невозмутимостью она вошла в полную народа трапезную и, поприветствовав собравшихся там ярлов и — отдельно — самого Харальда, разместилась на своём месте. Никак не обозначая своего смущения от нахождения под перекрёстным огнём полным настороженности взглядов, она, по обыкновению, позволила Гудхильд наполнить её

тарелку и бокал. Взяв в руки железную ложку, Ангелина принялась есть — к счастью, этикет в этом мире, по-видимому, ещё не настолько прочно вошёл в обиход местных патрициев, а потому она вполне могла себе позволить не дожидаться, когда монарх начнёт трапезу.

Затихшие при её появлении каттегатцы вновь активизировались, и всё помещение огромной комнаты опять утонуло в отражающихся от холодных каменных стен гуле голосов и брэнчании столовых приборов.

— Как твоё самочувствие, Генриетта? — Отпив из кубка, буднично произнёс Харальд. — Нет недомогания?

— Недомогания? — Голос девушки слегка вздрогнул от пульсирующего внутри неё напряжения. Глубоко вздохнув, она приказала себе успокоиться.

— После горячих источников некоторые мучаются жаром и кашлем, — насмешливо отозвалась сидящая по другую сторону от правителя Каттегата Ратель.

— О, нет, — Ангелина нервно улыбнулась, — похоже, мне повезло.

— Это хорошо, — военная довольно вгрызлась в жирный кусок мяса, — потому как Харальд любит там... развлекаться.

— Кин Ратель, побойтесь родителя нашего, Единое Божество! — Из-за спины каттегатки показался длинный тонкий нос занудной настоятельницы каттегатской церкви Единого мра Асвейг. Облизнув свои толстые, испачканные жиром пальцы, она бросила на проигнорировавшую её замечание Ратель полный высокомерного превосходства взгляд и обратилась к Ангелине. — Ваше Высочество, мне радостно знать, что вы пребываете в здравии после этих... купаний, но я — нижайше прошу меня простить мою резкость — слегка разочарована тем, что вы так ещё и не воспользовались моим приглашением. Я, конечно же, понимаю — у людей наподобие вас не так уж мало дел... но я надеялась, что вы заглянете хотя бы на молитву перед приездом Его Величества!

Ангелина запила прожёванную лепёшку разбавленным вином, стараясь не закатить глаза. Мра Асвейг обладала удивительной способностью навсегда засесть в печёнке человека всего за одну единственную встречу — наведывавшись к ней на третий день после её прибытия, настоятельница умудрилась привить к себе стойкую идиосинкразию уже после первой прочитанной ею лекции о величии Божества, а к концу вечера у Ангелины осталось только одно желание: узнать, где и как можно податься в служение Великому Душителю, бывшему здесь аналогом Дьявола.

Ко всему прочему, в силу того, что источник мра Асвейг был некромантским, её неизменно окружал настойчивый аромат разложения, что для не привыкших к подобному людей, к числу которых, собственно, и принадлежала Ангелина, являлось крайне неприятным обстоятельством. Потому девушка не горела страстью составлять, пусть даже и совсем не надолго, компанию надоедливой настоятельнице, предпочитая вместо этого проводить свой досуг подальше от церкви.

— Я бы с радостью присоединилась к вам вчера, мра Асвейг, — Ангелина натянуто улыбнулась, — но, видите ли, я здесь человек новый и ещё не знаю пока обо всех ваших порядках. Поэтому, я решила, что будет лучше дождаться Его Величества, и прийти уже с ним.

Настоятельница понимающе кивнула и, сделав глоток вина, проговорила:

— Уважение к чужим порядкам — это, несомненно, добродетель, угодная Божеству. И, по моему скромному мнению, именно по наличествованию этой черты мы можем отличить человека развитого, просвещённого от тёмного дикаря. Бесспорно, — подняв полный

указательный палец вверх, продолжила она, — нам, как людям, познавшим истину, надлежит с должным снисхождением и — не побоюсь этого слова — пониманием, смотреть на тех, кто всё ещё блуждает во мраке бездуховности и неверия. Но не будете же вы отрицать очевидное: дикари, хоть они и такие же дети Единого, всё-таки остаются дикарями. Им по-прежнему присущи невежество, отсутствие манер, излишнее, на мой скромный вкус, свободомыслие, презрение к всему святому... Разве не имеем мы право, в силу того, насколько устои этих созданий Божества далеки от уважаемых у людей праведных, противопоставлять наши добродетели ихним? Не имея целью своей — как можно! — оскорбить их, а только лишь для того, чтобы иметь возможности провести чёткую грань между обществом развитым и варварским, члены которого ещё покамест не открыли свои сердца для Божества — единственного, кто и дарует нам нашу мудрость, и исключительно, — голос Асвейг на этом моменте возрос на пару октав, — исклю-чи-тельно благодаря которому мы имеем право причислить себя к числу просвещённых.

Ангелина молча допила остатки вина, и, повернувшись к стоящей неподалёку от неё Гудхильд, дала той знак наполнить её бокал снова. Наученная горьким опытом, она знала, что вступать в разговор сейчас — это только подкидывать новых дров в огонь красноречия настоятельницы. Урок этот, судя по всему, хорошо усвоили и остальные — даже конунг и тот, казалось, изо всех старался молчать, дабы не провоцировать Асвейг на продолжение.

К несчастью для них, настоятельница каттегатской церкви Единого была барышней не робкого десятка. Будучи выросшей в монастыре и большую часть своей жизни проведя на своей должности, она не могла похвастаться ничем, кроме таланта часами разглагольствовать на тему Божества и величия церкви Единого. Монологи были неизменно огромными — порой казалось, что женщина намеренно каждый раз ставит перед собой цель быть как можно более велеречивой — и обязательно наполненными изысканными (по авторитетному мнению самой Асвейг, конечно) речевыми оборотами, дабы слушатель имел возможность всецело проникнуться высокодуховностью настоятельницы. Стоит сказать, что на прихожан подобные излияния производили немалое впечатление. Будучи в основной массе своей христианами, они с серьёзными лицами внимали речам ораторши, периодически кивая той в знак согласия. Однако по кивкам их, которые зачастую производились совершенно не к месту, можно было с лёгкостью обнаружить — никто из них толком ничего не понимал. Чаще всего прихожане просто вычленили из всего сказанного знакомые им аксиомы о величии Божества, нравственности, превосходстве над неверующими и прочем, и отвечивали одобрительные кивки, абсолютно не вдумываясь в смысл услышанного.

В результате в накладе не оставался никто: ни мра Асвейг, получившая в очередной раз возможность упиваться осознанием своей мудрости, ни прихожане, довольные тем, что осилили эту длинную лекцию об их собственном величии.

А потому, интерпретировав молчание её высочайших собеседников в выгодном для себя ключе, настоятельница завела пространную беседу о добродетелях и о том, как, с точки зрения церкви, эти добродетели надлежит воспитывать в детях так, чтобы из тех их было нельзя выкорчевать и после возвращения обратно в лоно Божества.

Ангелина, как, собственно, и все в округе, благополучно игнорировала поучения Асвейг, вместо этого сосредоточившись на завтраке. Напряжение, немного поутихшее после её присутствия, всё ещё ощущалось в воздухе. Она по-прежнему замечала то и дело бросаемые в её сторону настороженные взгляды и, казалось, даже улавливала во всей этой какофонии

звуков шёпотки некоторых обсуждавших её каттегатцев. Это начинало утомлять.

Прикрыв на мгновение глаза, она глубоко вздохнула. Спокойно. Это не будет продолжаться вечно. Скоро закончится война с Норфолком, и тогда все пойму, что её не стоит опасаться, и она сможет, наконец, расправить плечи и ощущать себя посвободнее.

— Ты чем-то обеспокоена, Генриетта? — Раздавшийся над ухом Ангелины глубокий шёпот Харальда заставил её вздрогнуть от неожиданности.

"Чёрт, — раздражённо подумала девушка, — такими темпами я скоро стану совсем дёрганой".

— Сегодня все обеспокоены, Ваше Величество, — так же тихо ответила она.

— Да, все в ожидании, — мужчина согласно кивнул. — Но у тебя нет никаких причин для этого — твоё будущее в любом случае определено.

— Но в одном из вариантов этого будущего предполагается убийство моей семьи, разве нет?

— Предполагается... но не обязательно свершится. Боудика может струсить в самый последний момент и сдать. Ты ведь сама вчера сказала: твоя мать больна, и она не может здраво оценивать ситуацию.

Ангелина прыснула.

— Что это, Ваше Величество, — с налётом сарказма проговорила она. — Неужели вы меня утешаете? Разве это не нарушает кодекс истинного каттегатца?

Харальд хохотнул, искоса взглянув на девушку. В его глазах, обычно холодных и равнодушных, плясали огоньки веселья.

— Кодекс истинного каттегатца... — отпив из кубка, произнёс он. — И что же ещё есть в этом кодексе, м?

— Это нужно у вас узнавать, Ваше Величество. Меня интересуют только статьи, регулирующие отношения с норфолкскими принцессами.

— Вот как? — Мужчина склонился ближе. Его тёплое дыхание приятно защекотало лицо Ангелины. — И о чём же говорится в этих статьях?

— Например о том, что вам нельзя убивать их мужей, — голос девушки немного дрогнул от смущения. Близость конунга взволновала её — с такого расстояния она могла с лёгкостью рассмотреть его лицо, подмечая каждую его маленькую чёрточку.

— Даже если я сам собираюсь стать её мужем? — Интимным тоном проговорил Харальд.

Красная краска стремительно разлилась по щекам Ангелины. Не найдя, что ответить, она нервно схватила свой бокал с вином и опустошила его одним махом.

Забавляясь её реакцией, мужчина подозвал своего слугу и, что прошептав тому, поднялся, уже громче проговорив:

— Благодарю всех за компанию, но дела не ждут. Настоятельница мра Асвейг, благодарю за ваш визит и за вашу проповедь — она была прекрасной.

— И она была бы ещё лучше, если бы вы воздержались от её прочтения, — саркастично добавила подымавшаяся вслед за конунгом Ратель.

— Благодарю, Ваше Величество, — проигнорировав замечание военной, высокомерно отозвалась настоятельница. — Надеюсь, что церковь сможет вскоре принимать вас и Ваше Высочество у себя.

— Безусловно, — подойдя к раскрасневшейся Ангелине, он взял её ладонь и, запечатлев на ней лёгкий поцелуй, дежурно произнёс, — приятного дня, Ваше Высочество.

— Благодарю, Ваше Величество, — растерявшись на секунду, ответила девушка. — И вам приятного дня.

— Благодарю, — мужчина выпрямился, и отправился по направлению к выходу.

В ту же секунду, следуя примеру конунга, со своих мест принялись подниматься и ярлы. Бросив мимоходом взгляд на замешкавшуюся у стола настоятельницу, Ангелина стремительно вскочила со стула и, вцепившись в руку своей служанки, тихо протараторила:

— Гудхильд, бежим скорее, пока мра Асвейг нас не заметила.

Кивнув, служанка резво утащила свою подопечную вглубь толпы.

* * *

Ангелина устало выдохнула, из-за чего искрящиеся магией коричневые змейки, потревоженные действиями своей хозяйки, едва заметно дрогнули. Боясь испортить рисунок, девушка напрягла пальцы сильнее, усиливая магический поток.

— У вас хорошо получается, Ваше Высочество, — робкий голос зазвучал совсем близко — силясь как следует рассмотреть работу своей подопечной, служанка приблизилась к той практически вплотную. — Так и не скажешь, что вы доселе ни разу не ткали.

— Благодарю, тол Торхильд, — Ангелина почувствовала, как на её лбу от напряжения начали собираться капельки пота. Кто бы мог подумать, что ткать одежду — это настолько тяжело? Приходилось прикладывать немало усилий для того, чтобы расщепить плотный поток магии на более тонкие ниточки, и ещё больше — на то, что бы заставить эти неповоротливые, толщиной всего с волосок мигающие лесочки захватывать и перетаскивать на нужное место нити пряжи. Мозг Ангелины вскипел от этого уже спустя несколько минут, и она с завистью посматривала на с лёгкостью строчивших свои тканевые полотна ткачих. Движения их пальцев были элегантными и быстрыми, какие бывают обычно у людей, посвятивших значительную часть своей жизни игре на клавишных музыкальных инструментах, а магические потоки — мягкими и плавными, что породило в девушке новый виток зависти.

Она уже не в первый раз замечала, насколько её магия казалась корявой и неповоротливой — тогда как для других людей собственный магический источник воспринимался как продолжение их рук, для Ангелины он был скорее неким вспомогательным средством, к которому она прибегала либо в момент острой нужды, либо когда вспоминала о необходимости его повсеместного использования. Отчасти именно поэтому она попросила у Харальда разрешения заняться ткачеством — требующая большого напряжения магического источника работа могла стать для неё отличной тренировкой.

Кроме того, у неё имелась и другая, куда более важная причина хотеть присутствовать здесь.

Тол Фредерика.

После того знаменательного завтрака, во время которого большая часть каттегатского истеблишмента имела возможность лично засвидетельствовать негласную позицию по интересующему их вопросу самой принцессы Норфолка, атмосфера в замке, несмотря на данное Харальдом распоряжение о подготовке к войне, заметно потеплела. Всё меньше настороженных взглядов теперь адресовалось Ангелине и всё большее число каттегатцев везде, куда бы она не пошла, спешили выразить ей своё почтение.

Конечно, до сих пор оставалась группа, и в значительности её не приходилось сомневаться, сохранявших как минимум скептическое, а как максимум — и вовсе однозначно негативное отношение к будущей супруге конунга, но даже малейшее

потепление в свой адрес девушка, только и наталкивающаяся в этом мире на беспрестанное отвержение толпы, воспринимала с огромной радостью. Ей по-прежнему приходилось держать лицо — обязанность, которая, похоже, будет лежать на её плечах теперь всегда, — однако осознание того, что это начинает давать свои плоды здорово подстёгивали уверенность в себе Ангелины.

Сейчас уже она не тушевалась, как раньше, всякий раз, когда очередной ненавистник норфолкцев позволял себе обронить какое-нибудь уничижительное замечание, касающееся как самого Норфолка, так и представителей его королевского дома, — теперь она со спокойной уверенностью осаживала его, порой делая это настолько филигранно, что окружающие, впечатлённые её остроумием, принимались бросать в сторону грубияна насмешливые взгляды, а некоторые даже позволяли себе откровенные смешки. В числе последних нередко оказывалась Ратель. Бравая военная, являясь личностью довольно саркастичной, и сама никогда не упускала возможности отпустить язвительный комментарий — жертвами её острого языка частенько становился даже конунг Харальд, относившийся к высказываниям своей подруги с большим юмором. Он в принципе, как успела заметить Ангелина, отличался редким спокойствием и какой-то внутренней устойчивостью. Как-то девушка, мучаясь в своей постели в одну из бессонных ночей, подумала о том, что её будущий супруг похож на фьорд — такой же величественный и умиротворённый на поверхности, и полный скрытой опасности внутри.

Диссонансный.

Абсолютная миролюбивость и незлобливость с теми, кто демонстрировал ему преданность и послушание, и тотальная, ужасающая своей бесцеремонностью жестокость к тем, кто его доверие терял или был врагом. У Ангелины до сих сжималось нутро при одном только воспоминании о том, как Харальд хладнокровно наблюдал за казнью уличённого в сотрудничестве с норфолкской торговой гильдией ярла. Всего раздетого, мужчину вывели на площадь и, поставив на колени перед расположившимся на высоком деревянном помосте конунгом, медленно стянули с него кожу с помощью управлявшихся магией нескольких толпродетых в него металлических крючков. Всё это время правитель Каттегата сидел в расслабленной позе, лениво разглядывая корчившегося в муках преступника. Ледяные глаза его обжигали холодом равнодушия — казалось, Харальда совсем не трогали ни мольбы его бывшего соратника, ни его мучения.

Получал ли он удовольствие от этого? Ангелина не могла ответить на этот вопрос. Как только казнь началась она, сопровождаемая разгорячённой происходящим Гудхильд, поспешила удалиться в замок — настолько далеко, чтобы душераздирающие крики умирающего не достигли её. Встретившись с конунгом за ужином, она, как и всегда, завела с ним ничего не значащую беседу: о слугах, одолевающей её скуке, своих открытиях; он, в свою очередь, с прежним интересом участвовал в дискуссии. Оба вели себя так, будто ничего не произошло, но каждый из них, вне всякого сомнения, сделал свои выводы о поведении другого. Внутренняя удовлетворённость, подмечавшаяся в ласкающем взгляде Харальда на протяжении всего ужина, давали Ангелине надежду на то, что её побег с площади не был интерпретирован в нежелательном для неё ключе.

К удивлению девушки, отдававшегося где-то глубоко в груди радостным воодушевлением, за минувший с момента прибытия конунга десяток, они, хоть и отчасти, но всё же преодолели некое подсознательное неприятие друг к другу. Во взгляде каждого из них по-прежнему читалась настороженность, но её уже явно было недостаточно для того,

чтобы они продолжали считать себя врагами.

Осознание этого внезапно охватило Ангелину в тот момент, когда она, натеревшись душистым хвойным маслом, лежала, наслаждаясь приятно ласкающей кожу тёплой водой. В последующие пару дней она была слегка рассеяна — даже преступно затянута проповедь мра Асвейг пролетела для неё практически незаметно. Её собственные чувства, впервые за всю жизнь, казались ей непонятными, и она усиленно пыталась от этой раздражающей неопределённости избавиться. Пока не произошли события, отвлекшие её от изнуряющего самоанализа.

В тот вечер Гудхильд, подобно снежной бури, ворвалась в её покои и, с заметной злостью бросив на кровать стопку чистого постельного белья, громко произнесла:

— Вы уже слышали, Ваше Высочество?

Ангелина промокнула свои влажные волосы полотенцем, равнодушно бросив:

— О чём это?

— О тол Фредерике! — Служанка упёрла руки в боки, на её лбу проступила вена, как показатель крайней раздражённости девушки. — Эта, прости меня, Единое, пигалица носится сейчас по замку и похваляется знаете чем? — Не давая своей собеседнице возможности спросить, она тут же ответила. — Тем, что её Его Величество не давеча, как после ужина, пригласил к себе в покои! Сами понимаете, для чего!

Ангелина с силой сжала влажную ткань.

— Ч-что? — Вопрос прозвучал тихо, рассеяно.

— То, Ваше Высочество, то самое! — Гудхильд всплеснула руками. — Да ещё и ходит, задравши нос, да и болтает, мол, сама норфолкская принцесса ей в подмётки не годится! Подлючка этакая!

Губы Ангелины искривились в презрительной улыбке. Вот как. Значит, пока она изо всех сил печётся об их с конунгом репутации и терзается мыслями об их отношениях, он позволяет себе развлекаться со своими любовницами, обесценивая тем самым её и все те усилия, что она затрачивает. Замечательно.

— Что за мерзость, — резким движением швырнув полотенце на пол, процедила она. — Такие разговоры... в такое время... Это неприемлемо.

— Вот и я этой, Божество прости, марамошке так и сказала! Говорю: как наглости хватает, бесстыжая?! О Её Высочестве такие вещи говорить! Да перед войной ещё! Совсем сдурела?! А эта стоит, растрёпанная вся — хотя у неё время было причесаться! — и лыбится. Мне, грит, до Её Высочества дела нет, она для меня никто!

— Ох, вот оно что, — Ангелина облокотилась о столбик кровати. Руки её сжимались в бессильной ярости. Для неё не было удивлением презрительное отношение к ней каттегатцев, но ещё ни разу подобные высказывания в её адрес не позволяли себе слуги. Она могла быть сколько угодно принцессой враждебного им государства, но это не отменяло того факта, что она всё-таки была и остаётся членом королевской семьи. Человеком, к которому в этом мире априори принято выказывать определённую степень уважения! — Что ж... Чем ты говорила она занимается?

— Ну так в ткачихи же её назначили, с высочайшего дозволения Его Величества.

— Понятно.

Всю ночь Ангелина провела в раздумьях. В первые секунды она, подгоняемая обидой, хотела тут же вскочить и, ворвавшись в спальню Харальда, обрушить на него всевозможные ругательства и оскорбления, но, немного остыв, она решила действовать тоньше. Такой

эмоциональный порыв мог сделать её предметом насмешек как минимум со стороны самой Фредерики — очевидно, той хотелось получить некоторую сатисфакцию, самоутвердиться за её счёт. К тому же, неизвестно ещё, как к этому отнёсся бы сам конунг. Ангелина, хоть и с некоторым неудовольствием, но всё же вынуждена была признать: они пока никто друг для друга. Да и имеет ли она сама, учитывая всю подноготную Генриетты, права требовать от него верности? Хотя нравы в этом мире и были куда более свободными, чем даже сто лет назад на Земле, но здесь мало кто, тем не менее, поощрял сексуальную распущенность. Церковь так и тем более всячески порицала всяческого рода свободомыслие в этом плане, активно пропагандируя моногамию.

Нет, устраивать сцену Харальду не стоит. Лучше Ангелине попытаться, для начала, самой разобраться с Фредерикой, и только после, если это не поможет, на холодную голову обсудить этот вопрос с правителем Каттегата. И лучшим местом, по мнению девушки, для того, чтобы приструнить зарвавшуюся каттегатку, чем её работа, не было.

"Заодно, — решила она, — найду себе занятие и потренирую магию".

Поэтому сейчас, усиленно напрягая пальцы, Ангелина скрупулёзно выплетала незамысловатый узор, краем глаза поглядывая на дверь в ожидании опаздывающей тол. Ткачихи, вопреки опасениям, приняли свою новую коллегу с удивительным радушием, с готовностью принявшись её обучать своему непростому ремеслу. Вдобавок ко всему оказалось, что сами мастерицы тоже не питали тёплых чувств к своей высокомерной соратнице по цеху, так что появление соперницы той вызвало в их рядах радостное предвкушение.

Вскоре двери просторной комнаты открылись, впуская высокую черноволосую девушку.

— Тол Фредерика, ты опоздала, — бросив взгляд на вошедшую, недовольно проговорила тол Торхильд.

— И без тебя знаю, — Фредерика сморщила свой маленький, чуть вздёрнутый носик.

— Разве вам платят за то, что бы вы опаздывали? — Ангелина обернулась, равнодушно осматривая облачённую в длинное синее платье девушку. Гибкая, немного полноватая фигура, на удивление простое, ничем не примечательное лицо. Серые глаза, маленькие, обрамлённые редкими ресницами, испуганно округлились, стоило ткачихе увидеть принцессу.

— Я... — сглотнув, она быстро отвесила поклон. — Прошу прощения, Ваше Высочество, этого больше не повторится.

— Надеюсь, вы имеете в виду не только опоздание, но ещё и, — Ангелина сделала паузу, наслаждаясь тем, как по пухловатым губам Фредерики пробежала судорога, — ваше хамство по отношению к вашему... руководству? — Тол Торхильд выпрямила спину, бросив насмешливый взгляд в сторону провинившейся.

— Да, Ваше Высочество, низайше прошу прощения за эту вольность, — девушка нехотя поклонилась своей руководительнице.

— Прекрасно, можете приступать к выполнению своей работы, — Ангелина кивнула на высокий ткацкий станок. — Тол Торхильд, проследите за тем, что бы тол Фредерика получила причитающееся ей за её выходку наказание — пусть она впредь не забывает своё место.

По комнате пробежала волна удивлённых шёпотков.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — пожилая женщина чуть склонила голову. Её тонкие губы тронула улыбка, которую ткачиха поспешила спрятать. Подняв голову, она громко

приказала, — Хватит болтать, работайте!

Ткачихи, продолжая время от времени бросать насмешливые взгляды в сторону нахмурившийся Фредерики, вернулись к своим станкам.

* * *

"Да где же эта Гудхильд..."

Ангелина брела по коридору, оглядываясь. Обеспокоенная утомлённым видом принцессы, Торхильд мягко предложила той закончить свою работу пораньше, с чем та радостно согласилась. И вот теперь она бродила в полном одиночестве по длинным коридорам замкам, пытаясь отыскать свою служанку — по окончании её работы они условились посетить сходить на рынок за новыми тканями для одежды. Но Гудхильд, будучи убеждена в том, что принцесса будет работать вплоть до середины второй половины дня, благополучно где-то развлекалась.

"Ну капец... И чем мне теперь заниматься? — Ангелина рефлексивно кивнула поклонившемуся ей слуге. — Я даже в своей комнате не смогу нормально посидеть из-за того, что там холодина, а камином я пользоваться не умею! Больше не буду отпускать Гудхильд надолго..."

Она поёжилась от сквозняка. Плотнее укутавшись в шаль, девушка решительно зашагала по направлению к кухне — местные обитатели были в дружеских отношениях с её служанкой, и она надеялась, что Гудхильд окажется там.

Завернув за угол, Ангелина наткнулась на Харальда.

— Ваше Высочество, — остановившись, удивлённо произнёс он.

— Ваше Величество, — чопорно ответила девушка.

— Разве ты не собиралась заняться ткачеством? — Брови мужчины вопросительно поднялись вверх.

— Я как раз возвращалась оттуда, — Ангелина выдавила из себя дружелюбную улыбку. Хотя на самом деле в ней ещё жила обида на конунга, она скорее умерла бы, чем позволила тому это увидеть. — Мне пока ещё непривычна эта работа, так что я ушла пораньше.

— Вот как... Раз ты ничем не занята сейчас, может, мы прогуляемся?

— С радостью, Ваше Величество.

Харальд предложил ей свой локоть. Девушка слегка замешкалась, но всё же положила на него свою руку. Они повернули в сторону тронного зала, ловя на себе заинтересованные взгляды слуг.

— И как тебе твоя работа? — Голос конунга звучал беззаботно, задавая светский тон их беседе.

— Довольно интересная, но сложноватая, — пытаясь унять непонятно откуда взявшуюся дрожь, произнесла Ангелина. — Хотя я рада, что решила этим заниматься — мне было скучновато сидеть без дела.

— Кто бы мог подумать, что принцесса Норфолка проявит такую страсть к труду, — мужчина хохотнул, что заставило девушку ощетиниться.

— Я не понимаю, что здесь смешного, — обиженно проговорила она. — Наследницы Вероны и Эссена тоже умеют ткать, и их родственники даже используют их ткани для пошива собственной одежды!

— О, я знаю об этом, — Харальд кивнул. — Но я ни разу не слышал, что бы ты интересовалась чем-то подобным.

Ангелина прикусила губу. Несмотря на то, что она осознавала неизбежность этого, но

всё же в какие-то моменты её начинало это утомлять. Сколько ещё времени должно пройти для того, чтобы она в глазах окружающих воспринималась как отдельная личность? Чего бы девушка ни сделала, на неё всегда смотрели с опаской и недоверием! Порой она замечала, как ограничивает себя в проявлении некоторых, особо негативных эмоций, исключительно потому что они способны были подкрепить устоявшиеся о ней взгляды.

"Когда уже я избавлюсь от призрака Генриетты?"

Глубоко вздохнув, Ангелина нарочито беззаботно ответила:

— В Норфолке у меня были и другие обязанности, а здесь я совсем ничем не занята. Так что, могу себе позволить.

Харальд кивнул, принимая её ответ. Не дожидаясь, пока он снова своим вопросом поставит её в тяжёлое положение, девушка быстро проговорила:

— Не было никаких вестей из Норфолка? Может, королева всё-таки передумала?

— Нет, — мужчина покачал головой. — Не передумала. Тебе не стоит так на это рассчитывать.

— Кое-кто говорил мне, что такое вполне может случиться...

— И я по-прежнему не исключаю такого варианта, — в глазах конунга появились весёлые искорки. Ангелина уже не в первый раз замечала, как тон её будущего супруга меняется всякий раз, когда разговор переходит в плоскость пикировок — определённо, ему была по вкусу некоторая зубастость собеседника. — Но не думаю, что это произойдёт раньше, чем мы с Боудикой встретимся на поле боя. Пока твоя мать плохо себе представляет истинные масштабы всей ситуации.

— И когда это случится?

Харальд рассмеялся. Проходящие мимо них слуги обернулись на его смех. Практически каждый из них жадно, как стервятник при виде умирающего животного, вслушивался в их разговор, надеясь выцепить в нём что-нибудь интересное.

— За обладание такой информацией ни один норфолкский командующий будет рад отдать ногу, а то и две...

— Я не тупая, — щёки Ангелина запылали от стыда. — Мне не нужна точная дата, я просто хотела узнать, насколько долго всё это затянется!

— Ненадолго, — конунг склонился к ней и, понизив голос, вкрадчиво поинтересовался, — так не терпится оказаться моей женой?

Девушка прыснула.

— Ну что вы, Ваше Величество, меня вполне устраивает статус вдовы. Настолько, что я не прочь получить его повторно.

— Я совру, если скажу, что удивлён этим ответом, — хохотнул Харальд. — Но я не планировал делать мою жену вдовой. По крайней мере, до старости.

— Именно осознание этого и мешает мне в полной мере наслаждаться пребыванием в Каттегате, — Ангелина патетично приложила руку к груди

— Утром ты убеждала меня в том, что тебе мешает делать это отсутствие какого-нибудь занятия. Как же быстро изменилось твоё мнение, дорогая невестушка. Всего-то за несколько часов работы.

— Ладно, — помолчав некоторое время, нехотя произнесла девушка. — Ты победил. Эта одинокая, незащищённая женщина повержена твоим остроумием. Доволен?

— Ну, всё по кодексу каттегатца, — Харальд улыбнулся, бросив взгляд на прыснувшую от смеха Ангелину.

Они поговорили ещё некоторое время о мелких делах и, после того, как девушка демонстративно беззаботно рассказала о своём первом рабочем дне в ткацкой мастерской, украдкой бросая взгляды в сторону шедшего рядом с ней конунга в том моменте, когда речь зашла о Фредерике, они разошлись, отправившись каждый по своим делам.

Оставив попытки отыскать Гудхильд, Ангелина повернула в сторону лестницы. Её покои, равно как и покои конунга, находились на втором этаже, что было не так уж и удобно — если она хотела поесть или прогуляться, ей приходилось преодолевать немаленькое расстояние. Зато у этого места имелся и весомый плюс: здесь практически не было посторонних, и девушка могла позволить себе насладиться тишиной и покоем.

Ангелина уже хотела подняться наверх, но тут её внимание привлёк странный шум. Девушка насторожилась, прислушалась и поняла, что источник шума находится совсем рядом. Это был... смех? Смех весёлый, беззаботный. Он, словно ветер, проносился по коридорам, заполняя его. И Ангелине не составило труда понять, кому он принадлежал. Гудхильд.

Она подошла к двери, ведущей в одну из многочисленных комнат, назначение которых девушка до сих пор так и не запомнила, и прислушалась. За дверью слышалось какое-то невнятное копашение, сопровождаемое хихиканьем служанки и вторившим ему мужскими стонами.

Ангелина отпрянула. Щёки её горели от смущения, когда она, развернувшись на каблуках, быстро вбежала по лестнице вверх. Ну и нравы в этом мире, однако.

Придерживая подол своего длинного синего платья, она решительно шагала по ступеням, от соприкосновения каблуков её высоких сапог с каменной поверхностью раздавался характерный стук. Он тонул в гуле многочисленных звуков самого разного толка, сливался с ними воедино, делая свою обладательницу частью всей этой будничной какофонии.

Достигнув последней ступени, Ангелина, окликнутая знакомым мужским голосом, резко остановилась. Ей навстречу, чеканя шаг, приближался кин Роалд — ярл одной из южных пограничных областей и старший брат кин Ульвара.

— Моё почтение, Ваше Высочество, — военный чуть склонил голову в знак приветствия, пристально глядя на собеседницу.

— Здравствуйте, кин Роалд, — Ангелина кивнула в ответ. На лице её отражалась заинтересованность — до этого момента ей не доводилось общаться с ярлом тет-а-тет, при их беседе, бывшей, зачастую, всего-навсего формальным обменом любезностями, неизменно присутствовали либо Ратель, либо Харальд.

— Как ваше самочувствие? — Равнодушно спросил мужчина.

— Я уже здорова, спасибо, — девушка слегка поморщилась, вспомнив о недавно перенесённой ею простуде. За последние пару дней, прошедших с момента её выздоровления, она успела, ответить наверное, на целую тысячу вопросов о её самочувствии. Неужели теперь она даже не сможет нормально поболеть, не будучи обязанной отчитаться по завершении болезни о своём состоянии перед каждым встречным?

"Спокойно, Ангелина. Это просто дань этикету. Ты будущая королева, как-никак, пора привыкнуть к этому".

Если бы кто-нибудь только знал, как иногда ей хотелось оказаться на месте Гудхильд... Ну, не прямо сейчас, конечно... в другие моменты.

— Я ищу Его Величество, — покончив с условностями, перешёл к делу Роалд. — Вы не

виделись с ним сегодня?

— Да, мы расстались только что. Его Величество как раз собирался взять что-то на кухне, а потом пойти на тренировку.

— Благодарю, Ваше Высочество, — лениво отвесив поклон, ярл приготовился было спуститься по лестнице вниз, но был остановлен вопросом Ангелины.

— Что-то случилось?

Мужчина быстро окинул её взглядом. Немного о чём-то поразмыслив, он, наконец, ответил:

— Его Высочество принц Уильям отбыл сегодня утром в Ладугу.

Девушка нахмурилась.

— Неужели он решил сбежать?

— Сомневаюсь. Будет просить князя Святополка дать отряд дружинников в подкрепление.

— Вот как... Ладно, не буду вас задерживать. Всего доброго.

— Всего доброго, Ваше Высочество. — Отвернувшись, Роалд поспешил вниз.

Наблюдая за его стремительно удаляющейся фигурой, Ангелина задумчиво прикусила губу. Значит, королева Норфолка всерьёз намерена воевать. Но чем это может грозить самой Ангелине? Бронхилай рассказывал, что основным мотивом побега принцессы служило желание избавиться от всех сопутствующих её статусу обязанностей, но не мог ли он ошибаться в своих выводах? Что, если Генриетта всего лишь была недовольна правлением матери, во-первых, и браком с дикарём, во-вторых? Не заявится ли она в Норфолк, когда поймёт, что оба эти препятствия теперь устранены?

Девушка помассировала виски. Как же это всё уже надоело. Нескончаемые опасения по поводу возвращения принцессы, ослиное упрямство Боудики, антипатия каттегатцев — висели над ней дамокловым мечом, лишая её сна и покоя. Она ощущала себя подвешенной к потолку какой-то пыльной антикварной лавки раритетной тряпичной куклой. Вот она висит, совершенно лишённая желаний причинить кому-либо дискомфорт, а все, начиная от владельца лавки и заканчивая посетителями, постоянно трепят её, всем она смертельно нужна и никто не хочет просто снять её истерзанное тельце с витрины и убрать в сундук, чтобы она могла получить, наконец, хоть минуту продыха.

Из груди Ангелины вырвался усталый стон. Бросив взгляд на волокущего по лестнице магическим арканом тяжёлое железное кресло слугу, она выпрямилась. Так, сейчас не время предаваться страданиям. Нужно бороться.

Перешагнув последнюю ступень, девушка уже было двинулась к своей комнате, как внезапно на периферии её зрения обозначилась знакомая кожаная куртка. Ведомая этим видением, она обернулась.

Гудхильд.

Ненавязчиво оглядевшись, служанка выскользнула из комнатки. В её движениях прослеживалась некоторая нервозность — которую, возможно, и не подметили бы те, кто не знал, чем она только что занималась. Пригладив свою рыжую косу и убедившись в том, что её вылазка не привлекла особого внимания редких прохожих, девушка быстро ушагала куда-то в сторону кухни.

Опёршись на перила, Ангелина чуть наклонилась. Несмотря на то, что её внутренняя стыдливость изо всех сил приказывала ей прекратить, она никак не могла найти в себе силы противостоять соблазну узнать: с кем же это развлекалась её служанка посреди бела дня?

Успело пройти добрых несколько минут прежде, чем двери каморки открылись, и в проёме показалась голова...

"Да ладно? — Девушка присвистнула про себя, ошарашенная. — Магнус? Серьёзно? Личный помощник Харальда? А у тебя губа не дура, Гудхильд".

Покрутив головой, Ангелина оттолкнулась от перил и, подобрав подол своего платья, отправилась в свои покои. С губ её при этом не сходила лукавая улыбка — иногда жизнь в королевском замке была весьма увлекательной.

— Фам оценъ к лису этот мъех, Ващѣ Висощество, — торговка протянула в руки Ангелине небольшой, напоминающий чайное блюдце, кусок обсидиана. — Этот мъех ис самых дальних степей Ладохги, рѣдкий зверь его носыл.

— Он такой мягкий, — Ангелина с восторгом провела по серой шерсти, наслаждаясь её мягкостью.

— Мьяхгий, оценъ мьяхкий, — пожилая женщина кивнула. Нанизанные на её морщинистые пальцы колечки радостно сверкнули, ловя редкие солнечные лучи.

— Девочки, а вы как думаете?

Гудхильд активно закивала, влюблёно глядя на меховую накидку. Глаза служанки жадно ласкали благородно переливающиеся волоски шерсти, а руки горели от охватывающего всё её существо желания погрузиться в эту манящую мягкость.

Не в пример служанке, Ратель прыснула, бросив равнодушное:

— Нормально.

Ангелина кивнула. Посмотрев на себя ещё раз в обсидиановое зеркальце, она прошлась руками по меху. Купчиха удовлетворённо причмокивала. Выпестованная десятилетиями работы в сфере торговли, она уже на уровне инстинктов ощущала, в какой реакции нуждается её клиент, поэтому сейчас она просто молчала, позволяя будущей королеве Каттегата красоваться столько, сколько той вздумается.

Наконец, Ангелина, повернувшись к торговке, довольно произнесла:

— Я её покупаю.

Отойдя в сторону, она предоставила Ратель возможность решить все связанные с оплатой вопросы, а сама в это время принялась радостно шептаться с Гудхильд.

— Ваше Высочество, она такая красивая, — голос служанки чуть ли не искрился от переполняющего девушку восторга.

— Я тоже так думаю, — поглаживая мех, тихо ответила Ангелина. — И такая гладкая... Хочешь потрогать?

Служанка всплеснула руками, едва не подпрыгнув от радости.

— Ох, конечно, Ваше Высочество!

Ратель краем глаза проследила за своими воркующими подопечными, пока купчиха пересчитывала протянутые ей ярлом золотые монеты. Военная не могла понять, в чём было дело, но принцесса вызвала у неё сильные подозрения. И проблема здесь была даже не в том, что дочь Боудики абсолютно не соответствовала тому образу, который был заявлен — это, как раз-таки, мало заботило каттегатку. Причина крылась в самой Генриетте. Она слишком уж странно себя вела.

Ратель заметила это ещё при их первой встрече в лесу, и не единожды подмечала и после — принцесса что-то скрывала. Её движения всегда были какими-то скованными, угловатыми, будто она было оживлённым трупом, а не живым человеком. При разговоре Генриетта старательно подбирала слова, хоть и прекрасно владела языком, и с какой-то настойчивой внимательностью вглядывалась в лицо собеседника, пытаясь проследить его реакцию на сказанное ею. В один момент ярл, вполне закономерно, заподозрила принцессу в шпионаже и даже приказала тол Хэлтору выяснить, не ведёт ли будущая королева Каттегата переписок с кем-то, но, к её удивлению, оказалось, что Генриетта за практически

три десятка не получила и не отправила ни одного письма. Как бы Ратель не пыталась поймать её за занятием какой-нибудь подозрительной деятельностью, она всегда оставалась ни с чем — казалось, принцесса была абсолютно непогрешимой. Но не было ли это на самом деле затишьем перед бурей? Могло ли быть такое, что именно в этом и состоял план Генриетты? Втереться в доверие ко всем ним и, когда все расслабятся и перестанут относиться к ней с настороженностью, нанести удар в спину. Но с какой целью? Помочь Боудике? Но война уже скоро должна начаться, ей не хватит этого времени. Или девчонка задумала отомстить?

Ратель прищурилась. Харальд ошибается. Она уверена в этом. Он напрасно оказывает такое доверие принцессе Норфолка и относится с пренебрежением ко всем увещаниям ярла. Генриетта что-то готовит, и военная не спустит с неё глаз, пока не выяснит, что именно та замыслила.

— Кто эти люди? — Ратель обернулась, услышав приглушённый голос Анжелины. Прижавшись к своей служанке, та заинтересованно разглядывала молодых женщину и мужчину.

— Это граф Ансар и его супруга, — поспешила ответить Гудхильд. — Я слыхала, что они много путешествуют, но нигде так и не останавливаются. Тол Ингрид, наша повариха, помните, я вам о ней рассказывала, — Анжелина быстро кивнула, — так вот, тол Ингрид знает одну служанку, которая работает в постоянном дворе, и та ей сказала, что они очень богатые. Но слишком уж какие-то чудные.

— В каком смысле "чудные"?

— Дак ведут себя чудно... Графиня-то то и делает, что шикает на мужа, а он, бедненький, как привязанный за ней ходит. У неё, говорят, характер больно уж дурной... и детишек у них всё нету, хотя столько лет уже живут!

Анжелина хмыкнула. Всего-то? Отсутствие детей и муж-подкаблучник?

— И что в этом странного, — тряхнув головой, разочарованно протянула она. — Может, у них просто отношения такие, вон, кин Ратель с тол Хэлтором тоже себя грубовато ведёт, и ничего. А детей они пока не хотят, наверное, вот и не заводят.

— Ох, Ваше Высочество, — поспешно зашептала Гудхильд. — Ну вы и сравнили, конечно. Кин Ратель-то же ж кин! Такой уж у неё источник, ничего вы с этим не поделаете. Где вы видели кин, над которым верховодил бы тол? То-то же, нигде.

— Так граф тоже кин?

— Дак нет же, он мра. Причём, говорят — но я в это, по правде сказать, не верю, — что аж в пятом поколении, если не в шестом! — Брови Анжелины поползли вверх. Особенности наследования источника были таковы, что и рождение ребёнка с тем же видом магии, что и у родителя происходило, в основном, только у тол и, куда реже — у кин. Зачастую — и особо это касалось редких источников, в числе которых входил и мра — дети рождались с каким-то другим видом магии, что являлось причиной многих государственных переворотов, поскольку помимо магических способностей человек получал и связанные с ними таланты. Так, кин оказывались прекрасными знатоками военного дела и стратегами, а тол — изобретателями и архитекторами. — А графиня, — продолжила служанка, — лита. И такой норов имеет, можете себе представить, Ваше Высочество?

Анжелина медленно покачала головой. Ей всё ещё было трудно свыкнуться с тем, насколько в этом мире природа магического источника определяет характер своего носителя. Что самое обидное — ограждённая, в силу сложившихся обстоятельств, от

большой части общества, она не имела возможности заиметь знакомства с несколькими представителями каждой из магических групп для того, чтобы проверить оправданность этих убеждений. Поэтому единственное, что ей оставалось в таких ситуациях — участливо кивать, делая вид, будто она понимает, о чём речь.

Гудхильд открыла было рот, желая добавить что-то ещё, но, заметив подошедшую к ним Ратель, которая уже успела расчитаться с любовно поглаживающей золотые монетки ладожской купчихой, замолкла. Ярл, скользнув по лицу служанки равнодушным взглядом, обратилась к Ангелине:

— Ты всё купила?

— Да, мы можем уже возвращаться, — девушка ещё раз провела рукой по своей новой меховой накидке, довольно улыбнувшись.

Всю дорогу до замка они провели в обсуждениях встреченных ими на рынке знакомых. Некоторые из них были слугами, заслужившими внимание девушек своими неординарными выходками, но чаще всего предметом их тщательного разбора становился кто-то из представителей каттегатского истеблишмента. Люди женились, разводились, прелюбодействовали, напивались, дрались в кабаках, — в общем, вели активную жизнь, полную разного рода курьёзов и случайностей.

Они дошли уже практически до ворот, как внезапно их окликнул знакомый голос. Все трое, мысленно взмолившись всем богам о том, что бы их предположение оказалось ошибочным, резко повернули головы.

Молитвы не помогли.

— Здравствуйте, Ваше Высочество, — занудный тон мра Асвейг вызвал начал вызывать зевоту уже с первых произнесённых ею букв. — А я вот зашла к вам, засвидетельствовать своё почтение.

— Здравствуйте, мра Асвейг, — на лице Ангелины обозначилась кислая улыбка. — Большая честь для меня.

— Ох, ну что вы, Ваше Высочество, — не заметив, — а может, и не желая замечать — проскользнувшие в голосе будущей королевы Каттегата нотки раздражения, настоятельница польщёно махнула рукой. — Для меня, как и для любого посланника властителя нашего — Единого, нет большей радости, чем нести слово святое всем, кто готов этому слово внимать.

— Тогда я не понимаю, зачем вы сюда пришли, — рот Ратель скривился, обнажив крепкие белые зубы.

Ангелина нехотя отметила, что подобной улыбкой — хищнической и отчасти диковатой — улыбался и Харальд. Такой оскал в принципе можно было часто увидеть у многих кин. Неужели это — ещё одна особенность их магического источника?

— Ах, кин Ратель, — пытаюсь справиться со своей отдышкой, проговорила настоятельница. — Вы всё продолжаете гневить Божество своими гадкими экивоками. Осторожно, Единое, конечно, милостиво к своим детям, но Оно не терпит хамства в отношении своих верных слуг.

— Что заставляет вас, мра Асвейг, считать, что хамство в ваш адрес — это то, за что Божество должно меня покарать, а не наоборот, наградить?

С любопытством наблюдавшие за перепалкой Гудхильд и Ангелина едва слышно прыснули. Пожалуй, наблюдение за регулярно происходившими между военной и настоятельницей входило в список увлекательнейших занятий.

— Ваше Высочество, как ваше здоровье? — Настоятельница приблизилась к Ангелине.

демонстративно проигнорировав выпад своей оппонентки. — Мне донесли, что вам нездоровилось с десяток назад.

— Всё уже хорошо, спасибо.

— Ох, благодарю тебя, Единое! Я надеюсь, что ваше недомогание не было вызвано посещением проповеди? Ведь вы заболели как раз после...

При одном напоминании об этой многочасовой экзекуции по спине Ангелины пробежал холодок. Хоть её простуда и была связана скорее с её собственной безалаберностью, но она вознесла бы благодарность Единому, если бы Оно ниспослало ей какую-нибудь непереносимость церквей или что-то наподобие того, лишь бы никогда больше она не подвергалась подобным пыткам.

— Не беспокойтесь, мра Асвейг, — произнесла она, — вы здесь совершенно не при чём.

— Мне радостно об этом слышать, Ваше Высочество, — натянув почти до носа обёрнутую вокруг шеи шаль, настоятельница решительно двинулась направлению к замку.

Девушки переглянулись. Несмотря на то, что каждая из них осознавала: от надоедливой церковнослужительницы так просто не отделаться, в глубине души, тем не менее, всё же теплилась надежда на то, что та, удовлетворившись ответом Ангелины, уйдёт. Но, увы и ах.

Скорбно вздохнув, они поплелись следом.

* * *

— ... разумеется, не без участия Единого Божества, — Асвейг отхлебнула из своего кубка немного разбавленного вина, на мгновение прервав свой рассказ.

Сидящие напротив неё Гудхильд и Ангелина безучастно смотрели в пол. С того момента, как они расположились в трапезной, прошло, по ощущениям девушек, добрых несколько часов. Не питающая особого пиетета к настоятельнице Ратель поспешила удалиться ещё по прибытию их в замок, сославшись на свою занятость, чем вызвала приступ зависти у обречённых на выслушивание очередной многочасовой лекции компаньенок. Поэтому сейчас они, которые поначалу даже пытались вникнуть в суть рассказа Асвейг, но потеряли нить повествования уже на третьей минуте, уже ни на что не надеясь, молча разглядывали аскетичный интерьер помещения, время от времени бросая тоскливые взгляды в сторону свободно бродящих обитателей замка.

— Тогда я ещё была слишком уж молода, чтобы суметь увидеть знаки, посылаемые мне самим Божеством, — беззаботно продолжила настоятельница, — но кто не совершает по юности лет ошибок? Да и нравы, знаете ли, были другими. Сейчас молодёжь может позволить себе такие вольности, о которых мы и не помыслили бы даже! А если бы и помыслили, или — ещё хуже! — осмелились совершить, то не миновали бы всеобщего порицания. — Асвейг достала из кармана своей рясы носовой платок, и протёрла им свой лоб. — Вспомнить дин Олава, например. Покойного, Божество прими его источник, друга тоже покойного, Божество, прими и его источник, отца конунга нашего, Божество, благослови его, Харальда. Разве ж не обрушилось на него осуждение всех добропорядочных людей, когда прознали о его связи с норфолкской графиней? — Настоятельница выставила указательный палец. На её морщинистом лице промелькнуло выражение, которое обычно бывает у людей, когда они одерживают победу в важном для них споре. — Обрушилось, Ваше Высочество, ещё как обрушилось. Покойный батюшка Его Величества, будучи достойным товарищем, разумеется, встал на защиту своего друга, из-за чего даже у них с покойной, Божество при её источник, конунгом Греттой возник разлад. Но многие достопочтенные ярлы заняли позицию обманутой мра Хельги. Можете себе вообр...

— Вы знали родителей Ратель и Харальда? — Бесцеремонно прервав настоятельницу, Ангелина размяла затёкшую шею.

В конце концов, если она всё равно обречена выслушивать заунывные речи Асвейг, то почему бы не обернуть это с пользой для себя?

— Разумеется, Ваше Высочество, — настоятельница величественно кивнула. — Я вступила, с позволения Единого, конечно, в сан аккурат за несколько дней до рождения Его Величества конунга Харальда. Эти воспоминания до сих пор свежи в моей памяти... тогда я поняла, Божество отвело мне величайшую роль в истории церкви Единого...

— Вот как, — не позволяя Асвейг соскочить с темы, Ангелина быстро задала следующий вопрос, — а какими были родители Его Величества?

— Достопочтенными людьми, Ваше Высочество. Хотя некоторые пороки в них и наличествовали — совершенным дано быть только Божеству, — но имеющиеся у них добродетели всё перевешивали.

— Какие у них были отношения? Я слышала, что их брак был заключён по любви, это правда?

— О том, какие чувства друг к другу питали покойные конунг и её супруг, я не ведаю, но отношения их казались прекрасными. Они, как и требует того церковь, обвенчались, когда им обоим едва только минул шестнадцатый год, и по всем законам земным и небесным считались женой и мужем. Оба редко когда позволяли себе пропустить службу, — Асвейг невзначай бросила красноречивый взгляд в сторону Ангелины, — а Её Величество присутствовала на моей проповеди даже перед самой своей кончиной, как то и полагается преданному чаду Единого. Ныне, к моему глубочайшему неудовольствию, уже редко встретишь такую верность Божеству нашему, все...

— И что же, у Её Величества не было отношений ни с кем после смерти мужа?

— Ах, ну разумеется, Ваше Высочество! Они же венчались! Разве ж возможна подобная... низость, такое неуважение к Божеству нашему?! При всём моём к вам уважении, но ваши взгляды, Ваше Высочество, порой меня изумляют. Её Величество была добропорядочной супругой, её чистой, незамутнённой пороками сути претила сама мысль о нарушении данной Единому брачной клятвы!

— Странно, что Его Величество не питает особого интереса к церкви. Разве Её Величество не пыталась приобщить своего сына?

— Ох, Ваше Высочество, пыталась, конечно! Пока Его Величество был маленьким, ни одной службы не пропускал... Как сейчас помню, читаю молитву, а он стоит, прижавшись к Её Величеству, и глаз с меня не спускает — чуть ли не с открытым ртом внимал, да так ещё по-взрослому, серьёзно. Уже тогда в нём этот стержень виделся, но оно и ясно — кровь не вода. Пробивается-таки нутро его предка, славного Мортена Завоевателя, — Асвейг пригубила вина, прервавшись. — А потом, как подрос, стал всё реже появляться. Всё по полям с мечами бегали с Ратель да и с другими кин, тренировались. Ох, знали бы вы, Ваше Высочество, как Её Величество в своё время напереживались из-за этого! Сколько слёз пролито, сколько десятков в молитвах проведено было, а всё одно — явится сын опосля очередной бойни к матери, почтение засвидетельствует, ради её спокойствия в храм забежит ненадолго, и снова обратно, к товарищам своим. Ну, а что тут поделать? Так уж Божеством задумано было, что сердца кин всегда там, на поле брани, в компании других бойцов, тут уж не ничего не исправишь.

— Вот как, — Ангелина прикусила губу. Слова Асвейг отозвались в её груди

непонятной грустью, но она предпочла проигнорировать это. — А откуда, — помолчав некоторое время, продолжила она, — у Его Величества на теле эти рисунки?

— Ох, Единое Божество, прости, — мра Асвейг затравленно оглянулась, будто испугавшись чего-то. — Знали бы вы, Ваше Высочество, как в своё время убивались из-за них мы с Её Величеством! Помню, она прибежала ко мне, вся в слезах, и говорит: "Мра Асвейг, молиться хочу за разум сына! С ним происходит что-то, никак сам Великий Душителъ его источником завладел!" Я, стало быть, взялась утешать её, да и расспрашивать, что и как. Вот и выяснилось, что Его Величество у какого-то каттегатского купца себе эти отвратительные рисунки и нанёс! Да и не просто у купца, а, как люди достопочтенные поговаривают, у того самого, что идолам старым поклоняется! У него ж, безбожника, даже на корме драккара древние руны высечены с восхвалением какому-то божеству-громовержцу... — настоятельница скорбно закатила глаза. — Ох, ну и всполошились мы тогда, Ваше Высочество. Его Величество был на следующий же день приведён ко мне, и мы с ним имели длинную беседу. Как верная слуга Единого, я бросила все свои силы на то, что бы образумить сбившегося с пути праведного единственного наследника Её Величества, надежду всего Каттегата! Я взывала к разуму его, отравленного гадкими идеями идолопоклонничества, к его совести; напомнила ему о его бедной матери, для которой он сейчас единственная отдушина...

— И какова же была реакция Его Величества? — Устав от пространныго словоизливания настоятельницы, Ангелина снова оборвала её.

— Его Величество прервали меня, что было в высшей степени невежливо, — Асвейг бросила в сторону собеседницы многозначительный взгляд, — и поспешили заверить меня в своей безусловной приверженности церкви Единого. Назвав свои чудовищные рисунки...

— Ничего не значащим увлечением, — мягкий голос Харальда ненавязчиво вторгся в беседу. Сидящие за столом женщины моментально обернулись, поспешив поприветствовать конунга Каттегата. — Мра Асвейг, вы решили почтить нас своим присутствием так скоро?

Настоятельница, лицо которой приобрела красный оттенок после того, как она поняла, что оказалась застуканной конунгом за распусканием сплетен о нём, неловко поёрзала на стуле.

— Ваше Величество, — нервным движением пригладив собранные в тугой пучок редкие волосы, проговорила она. — До меня дошли слухи о болезни Её Высочества... Вот я и пришла осведомиться о её самочувствии.

— Вы немного припозднились, мра Асвейг, — правитель Каттегата с улыбкой наблюдал за охваченной смущением женщиной, — Её Высочество выздоровела ещё десяток назад.

— К сожалению, я не могла прийти раньше — меня задержали дела в Тюргейме. Как вам, должно быть, известно, там сейчас строится новый храм.

— И как продвигается строительство?

— С определёнными сложностями, Ваше Величество, но без них никуда. А так, не считая небольших неприятностей, строительство идёт полным ходом, и настоятель Тюргейма надеется завершить его в срок, если на то будет воля Единого.

— На всё Его воля, — Харальд бросил лукавый взгляд в сторону Ангелины. Краснотой своих щёк девушка вполне могла посоперничать с Асвейг — она не в меньшей степени оказалась смущена появлением конунга. Она всегда была застенчивой и неловкой, и не знала, как вести себя рядом с ним. Единственное, что она могла придумать, — это убежать,

и она с радостью сделала бы это. — Вам нужно ещё что-то?

— Нет-нет, Ваше Величество, — грузно поднявшись из-за стола, поспешно поговорила настоятельница, — я уже закончила со всеми делами здесь, мне пора.

— Всего доброго, мра Асвейг, — мужчина подозвал одного из своих охранников. — Тол Логмэр, проводи нашу гостью.

Харальд отошёл в сторону, пропуская быстро откланявшуюся настоятельница. Всё это время его обманчиво спокойный взгляд не отрывался от лица Ангелины. Он смотрел на нее слишком долго, пока ей не показалось, что он видит ее насквозь. В его глазах было что-то такое, что заставило ее почувствовать себя маленькой и незащищенной. Внезапно она поняла, что смотрела на него, не видя его.

Бросив Гудхильд краткое "прочь" он медленно подошёл к столу. Сердце девушки забило с утроенной силой, когда мужчина опустился на стул напротив неё — туда, где всего пару минут назад сидела Асвейг. На губах его по-прежнему играла улыбка, но пульсирующей на его лбу вене можно было понять, что он злится.

Прервав мучительное молчание, он холодно спросил:

— Интересуешься моей биографией?

Его голос его, так же, как и лицо, казался подобно айсбергу — демонстративно безопасный на поверхности, в глубине он скрывал ледяной массив из эмоций. И эмоции эти были не самыми приятными.

— Я... — Ангелина прочистила горло. Исходящий от Харальда холод хлестнул по её коже ознобом, заставляя вздрогнуть.

— Мне просто хотелось узнать вас получше, — наконец ответила она.

Мужчина хмыкнул.

— О, вот оно что, — саркастично произнёс он. — Если у моей дорогой невестушки есть желание узнать меня получше, то почему она не пришла ко мне с вопросом, м? Мне казалось, — тон его резко переменялся, став грубым, — что мы достигли определённого... понимания. Или я ошибался?

— Не ошибался, — Ангелина заставила себя взглянуть в его глаза.

— Я не понимаю, в чём проблема, Ваше Величество. Вы собираете обо мне всякие гнусные сплетни со всех уголков мира, но стоило мне попытаться поговорить о вас с кем-то, так это сразу стало чуть ли не преступлением!

— Проблема в том, Ваше Высочество, что сплетни о тебе я был вынужден собирать, потому что мы не были знакомы лично. И я не сидел при этом в компании старой перечницы и своего нового увлечения, упиваясь ими — это была добываемая моей разведкой информация.

— Божество, ты серьёзно? — Хотя инстинкты девушки, напуганные реакцией мужчины, кричали ей быть осторожной, она позволила себе звучать раздражённо. — Это всего лишь безобидный разговор, вот и всё! Я всего лишь хотела узнать о твоей семье чуть больше, но ты преподносишь всё так, будто я собрала всех твоих бывших, и мы дружно принялись обсуждать ваши... постельные дела!

— Ещё раз, Генриетта, — венка на лбу конунга стала рельефнее, а пересекавший левую часть лица шрам потемнел, — что тебе мешало спросить об этом у меня?

Губы Ангелины скривились. Её подсознание требовало прекратить препираться с Харальдом.

"Извинись перед ним, — нащёптывала здравомыслящая часть мозга девушки, — скажи,

что сожалеешь, и он простит. Он хочет этого".

Но другая часть, у которой, видимо, имелись серьёзные суицидальные наклонности, упрямо проговорила:

— Я не собираюсь перед тобой оправдываться! Я не планировала делать — и не сделала — ничего плохого. Какая, чёр... Великий Душитель побери, вообще разница от кого я узнаю о твоём прошлом? Особенно в свете того, что обо всём, что мне рассказала Асвейг, и так всем известно.

Харальд откинулся на спинку железного стула. Его светлые глаза сияли от охватившего всё его существо раздражения, подобно обласканному солнцем льду, а губы нервно подёргивались. Сидящая напротив него Ангелина не шевелилась. Её твёрдое намерение одержать победу в этом споре отодвинуло в самый угол инстинкт самосохранения, и теперь вырывалось наружу через её полный настойчивой уверенности взгляд, который продолжал бурлить молчавшего мужчину.

"Ну же, скажи что-нибудь, — мысленно обращалась к нему она. — Покажи мне, какой ты истерик, какой ненормальный. Пусть и у меня появится право тыкать тебя носом в твоё дерьмо, как ты тычешь меня в дерьмо этой сучки Генриетты".

Конунг прикрыл глаза и устало провёл ладонью по лицу. Покачав головой, он, наконец, произнёс:

— Мне не нравится, когда обо мне говорят за моей спиной, — его голос был по обыкновению спокоен, и в нём не вибрировала больше злость. — Если ты захочешь ещё что-нибудь узнать про меня, то приди ко мне.

Сердце Ангелины пропустило удар. Её сопротивление, готовое вот-вот обрушиться на будущего супруга волной ярости, всего в одно мгновение оказалось поглощено его казавшемся бескрайним морем спокойствия. С шумом выдохнув, она холодно проговорила:

— Как угодно Вашему Величеству. Это всё?

— Да, — Харальд поднялся из-за стола, — это всё. До встречи на ужине, Ваше Высочество.

— Всего доброго, Ваше Величество.

Конунг вышел, сопровождаемый заинтересованными взглядами нескольких ошивавшихся в трапезной слуг. Допив остававшееся в её кубке разбавленное вино, Ангелина, тоже молча, покинула комнату.

* * *

— Да что с тобой не так, тупая подушка?

Приподнявшись, Ангелина снова взбила подушку.

За окном уже давно взошли две луны, робко просачивающиеся сквозь неплотные шторы своим тусклым светом. Замок стих; тишину спальни нарушал лишь звук мерно потрескивающего камина.

Со злостью швырнув набитый гусиными перьями мешок обратно, девушка откинулась на спину. Вот уже битый час она пыталась уснуть, но по какой-то непонятной причине Морфей настойчиво игнорировал все её попытки, лишая своей компании.

Определённо, всему виной был Харальд. Это из-за него Ангелине пришлось пережить сегодня серьёзный стресс, и именно этот стресс и стал причиной бессонницы.

— Мне ни нравица, кёгда обё мне говоят за моей спино-о-ой, — намеренно коверкая слова мужчины, повторила она. — Ну какая цаца, вы посмотрите на него.

Перевернувшись на бок, девушка зевнула. Говоря объективно, ещё и до стычки с

конунгом её охватывала необъяснимая тревога. Будто кто-то перевернул бочку с горячей жидкостью в помещении в открытом огне — медленно, но верно нить горячего растягивалась на полу, неумолимо приближаясь к своей цели. Точно так же растекалось в ней и беспокойство. Начиная с кончиков пальцев, оно поднималось выше, до самой головы, проникая в каждую клеточку её тела, пока не поразило мозг, не захватило центры её восприятия. Теперь всё, что бы ей не довелось увидеть, услышать или осязать воспринималось ею через призму этого беспокойства.

Слуги о чём-то шепчутся? Очевидно, они говорят о ней. Расположенный к ней ярл бросил на неё странный взгляд? Он точно скрывает от неё нечто страшное и испытывает из-за этого стыд. Кольнуло в бок? Кто-то натёр одежду ядом, чтобы Ангелина отравилась и умерла, нужно срочно переодеться.

Тревога искажало её восприятие, заставляла видеть проблемы и опасность там, где их не было, перекраивала саму основу её личности, превращая в дёрганное, запуганное существо.

Было ли это связано с грядущей войной? Или изменение сознания девушки явилось следствием свершившегося в её не выдержавшей эмоциональной перегрузки психике надлома? И, самое главное, обратим ли этот процесс? Не останется ли она теперь навсегда неврастеничным параноиком?

"Зачем вообще Бронхилай меня спас? — Ангелина глубоко вздохнула, поджав губы. — Дал бы помереть, и никаких проблем бы у меня сейчас не было".

При одном напоминании о лекаре её сердце сжалось. А ведь Семпрония оказалась права — оставь они старика в лесу, группа Харальда нашла бы его, и он остался бы в живых. И не выдал бы её секрет: к тому моменту, как его привели в чувство, они с Семпронией бы уже оказались схвачены. Она напрасно приказала командирше убить его...

"Когда я стала тем человеком, который легко принимает подобные решения?"

Ангелина натянула одеяло почти до самого носа. Камень на её кольце невесомо прошёл по губе, оставив едва заметное покраснение. Девушка нервно покрутила украшение на пальце. Забавно. Она не могла поверить, что с тех пор, как Генриетта, вручив ей пару своих колец и дав краткие напутствия, посадила её в бегатель, прошло от силы полтора месяца. Калейдоскоп всех произошедших за это короткое время событий пронёсся перед глазами Ангелины, вызывая у той невольное удивление. Неужели всё это не было сном?

Свадьба с Ротхеном, их неудавшаяся брачная ночь, его смерть, её побег, нападение сарайцев, освобождение Семпронии...

"Интересно, ей всё-таки удалось добраться до Норфолка?"

Вопреки опасениям девушки, Харальд ни разу не обмолвился о сбежавшей военной. Будто её никогда и не существовало вовсе. Неужели для него это действительно не имело никакого значения? Но зачем тогда он таскал её за собой? Почему не убил?

Ангелина раз за разом возвращалась к этому вопросу, но так и смогла найти внятные объяснения такому его поведению. Единственный вывод, к которому она пришла, заключался в том, что конунг, будучи благодарен ей за спасение жизни его военной, решил простить ей побег её военной, расплатившись с ней таким образом. Никак по-другому трактовать его полное равнодушие она не могла, не забыл же он вовсе о второй пленнице, в самом-то деле?

"Ну вот это уж маловероятно. Такой забудет, как же".

Разум Ангелины в очередной раз услужливо подкинул ей воспоминания об их ссоре в трапезной. Они с ним практически не разговаривали после этого. За ужином и она, и он ограничились парочкой дежурных, ничего не значащих фраз; и на протяжении всей трапезы общались не больше, чем этого от них требовал придворный этикет. Окружающие, уже, разумеется, осведомлённые о произошедшей между монаршими особами конфронтации деликатно обходили эту тему стороной, делая вид, будто не замечают никаких странностей. Только Ратель позволила себе, со свойственной ей прямолинейностью, поинтересоваться, в издевательской, конечно, манере, у Харальда, почему тот больше не веселится в присутствии своей дорогой невесты, как это бывало обычно. Получив в ответ многозначительный взгляд конунга, она гаденько улыбнулась, довольная тем, что ей удалось его подколоть, и демонстративно отхлебнула из своего кубка. Сидящая в это время по другую руку от правителя Каттегата Ангелина покраснела от смущения, проклиная про себя вредную военную.

Ангелина снова зевнула. Закрыв глаза, она попыталась отвлечься от тягостных мыслей и, к счастью, вскоре она заснула.

Струящиеся из пальцев Ангелины коричневые змейки проворно переплетали упругие нити, выстраивая их в нехитрый узор. Несмотря на то, что движения их были куда менее виртуозными, чем у других ткачих, процесс работы шёл уже намного быстрее, доставляя девушке меньше неудобств. С каждым днём магия всё больше подчинялась ей. Прохладные магические потоки вплетались в само её существо, будто достраивая его, подобно тому, как они создавали из разрозненных нитей пряжи единое полотно прочной ткани. И результат их трудов оказался настолько филигранным, что на какой-то момент девушка даже поймала себя на том, что она уже не способна представить свои пальцы без этих гибких мерцающих молний.

Ангелина размяла затёкшую шею. Мастерская, по обыкновению, была наполнена негромкими голосами, обсуждавшими последние столичные новости. Но на этот раз одной из основных тем для обсуждения была предстоящая война с Норфолком, подготовка к которой вступила уже в активную фазу.

Губы Ангелины сжались в тонкую линию. Она искренне недоумевала. На что рассчитывает Боудика, продолжая упрямиться? Разве для всех и каждого не очевидно, чем закончится противостояние Каттегата и Норфолка? Возможно, до падения Сарая у неё и могли быть какие-то шансы, но сейчас, когда каган Ротхен мёртв, а его империя распалась на несколько квазигосударств, отбиваемых друг у друга его братьями и командирами, надежд не осталось. Поначалу, особенно после нападения сарайцев в лесу, Ангелина беспокоилась о том, что преемники Ротхена озаботятся отмщением за своего любимого предводителя и, как минимум, станут совершать набеги на каттегатские гарнизоны, тем самым ослабляя их. Но Сарай, будучи продуктом ряда крайне удачных военных приобретений местечкового дикарского воина и пленённых его харизмой жаждущих быстрой наживы последователей, рухнул ту секунду, когда сердце молодого кагана остановилось. Многочисленные претенденты на огромное наследство вождя теперь вынуждены отстаивать своё личное право на владение тем или иным лакомым кусочком, а имя Ротхена для них стало не более, чем просто аргументом в наследственном споре. За исключением парочки идейных чум — по-настоящему преданных экс-кагану бойцов — никто оказался не заинтересован в столкновении с каттегатским правителем. Отдельные, наиболее умные и предприимчивые дельцы, даже поспешили выразить как Харальду, так и главам других крупных государств свою готовность в мирном сосуществовании с ними, заключив парочку торговых договоров.

Западные и южные страны может, и могли бы принять участие в конфронтации в надежде отобрать у Каттегата лакомый кусочек, но захват конунгом Гуркуланума — крупнейшей торговой фактории юга и самого крупного поставщика хлеба — остудил их пыл, заставив занять нейтральную позицию. Из возможных союзников у Норфолка есть только Ладога, связанная, однако, тесными торговыми сношениями с Каттегатом. Но ладожский князь, как поняла из разговоров ярлов Ангелина, был личностью неоднозначной, действия его редко кому удавалось предсказать, а мотивы не всем оказывались понятны. Однако с тех пор, как стало известно, что принц Уильям отправился к нему на поклон, прошло уже полтора десятка, а никаких вестей по-прежнему не было. Хотя возможно каттегатские разведчики и владели какой-то информацией — Харальд вполне мог сохранить её в секрете

в стратегических целях.

В общем и целом, перспективы Норфолка казались нерадужными. Так почему же королева упорно отказывалась вести переговоры? У неё есть какое-то секретное оружие? Или это всего лишь её природное упрямство? На что рассчитывает человек, который, осознавая, что проиграл, принимает решение дать бой? Надежда на чудо? Или вопрос принципов? А может, алкоголизм Боудики настолько уже деформировал её мозг, что она потеряла способность адекватно оценивать реальность?

Ангелина прыснула. Именно поэтому единовластие — это плохо. Тысячу норфолкцев будут вынуждены погибнуть исключительно из-за того, что их ненормальная правительница не способна совладать со своими собственными демонами. Когда она станет королевой обязательно учредит выборный парламент и даст тому широкие полномочия, как это сделали англичане в своё время. Пожалуй, этот вариант — наиболее приемлемый в подобной ситуации.

Взгляд девушки метнулся в сторону расположившейся за своим станком Гудхильд. После того, как ей пришлось полдня дожидаться служанки по возвращении с занятий, она настояла на том, что бы та присутствовала на них вместе с ней. В первое время та просто ждала свою госпожу, сидя в углу на лавочке, но вскоре тоже изъявила желание освоить искусство ткачества, и сейчас уже они обе оказались интегрированы не только в процесс создания ткани, но и в компанию ткачих.

Ладонь Ангелины дрогнули, когда она услышала звук отворяемой двери. Даже не оборачиваясь, она догадалась, кем была их посетительница.

Тол Фредерика.

Накануне вечером Гудхильд, по обыкновению, явилась в покои будущей королевы, планируя помочь той с вечерним туалетом. Ноздри её яростно раздувались, а в глазах горел странный огонь. Не дав принцессе раскрыть рта, служанка злобно процедила: "Его Величество только что пригласил эту... девку в свои покои".

Ангелина на секунду застыла, но уже в следующий момент, она, не желая выдать охвативших её чувств, равнодушно отмахнулась, заявив, что её подобное нисколько не волнует и вообще, конунг взрослый человек и сам решает, с кем и как ему проводить свой досуг. Снисходительно выслушивая возмущения Гудхильд, она приняла ванну, с наслаждением вдыхая свежий хвойный аромат масел, высушила волосы и облачилась в ночное бельё. На протяжении всего этого времени её лицо оставалось умиротворённым; оно не выражало ничего, кроме спокойного равнодушия, и даже самый внимательный наблюдатель не заметил бы никакой фальши и противоречивости. Но стоило утешенной поведением своей госпожи служанке удалиться, как Ангелина тотчас же бросилась на кровать, захлёбываясь рыданиями. Как он мог поступить так с ней? Разве между ними не было симпатии? Он принёс ей извинения спустя несколько дней после их ссоры, неужели это ничего не означало? Неужели она сама придумала себе охватившее его в тот момент волнение? И он вовсе не ожидал со смущением её ответа? Это всё было очередной иллюзией?

Господи, насколько же она жалкая. Готовая чуть ли не кинуться в объятия к мужику, стоит тому проявить к ней хоть малейшее беспокойство о её чувствах. Тупица. Она больше не позволит случиться этому... не позволит себе обмануться вежливостью Харальда. У неё была цель, и она продолжит идти к ней. Он по-прежнему для неё лишь средство для достижения этой цели и ничего больше. Плевать на него и на его подстилку, она будет выше

этого.

С этими мыслями Ангелина пришла в мастерскую, готовая встретить соперницу с достоинством. Она понимала, что на ней сейчас были сосредоточены все взгляды её коллег — подобные новости имеют свойство разноситься по замку со скоростью света, — а потому вела себя по обыкновению. Активно участвовала в обсуждении произошедшего между ярлом Ратель и её любовником разлада; искренне смеялась над рассказом тол Торхильд о том, как мра Асвейг отравилась скисшим молоком, которое ей советовали выбросить, но жадная душа настоятельницы воспротивилась этому и промучилась всю ночь с жутчайшей диареей; сочувствовала гибели мужа второй поварихи тол Хельги, обещая посодействовать бедняжке в организации похорон. Однако тол Фредерика не спешила являться на работу. Ткачихи тактично избегали этой щекотливой темы, но Ангелина ясно осознавала: они понимали, что на самом деле происходит. Игнорирование предыдущего распоряжения будущей жены правителя Каттегата было демонстрацией. Никто не знал, стояло ли за дерзостью Фредерики данное ей конунгом обещание защиты или же его одобрение подобного поведения, но никто не сомневался в том, что действие это не могло расцениваться иначе, кроме как публичная пощёчина.

И сейчас Ангелине, с демонстративным безразличием прислушивающейся с шуму приближающихся шагов каттегатки, предстояло на эту пощёчину ответить.

— Тол Фредерика, почему опаздываешь? — Голос Торхильд грубо нарушил воцарившееся при появлении девушки молчание.

Фредерика медленно подошла к своему станку, сопровождаемая полными любопытства взглядами ткачих, которые те бросали в её сторону украдкой, опасаясь выговора от старшей. Опустившись на деревянный табурет, девушка поправила волосы, намеренно выдерживая паузу.

Ангелина не сдержалась, закатив глаза. Похоже, эта глупая девчонка вздумала разыграть целый спектакль с собой любимой в главной роли.

"Боже мой... звезда Бродвея..."

— Тол Фредерика, я задала вопрос, — чуть громче проговорила Торхильд.

— У меня были дела, — в ответе девушки сквозило лёгкое пренебрежение, настолько подчёркнутое, что ни у кого из присутствующих не возникло сомнений в его демонстративности.

— В рабочее время у вас может быть лишь одно дело — ваша работа, — Ангелина обернулась, бросив равнодушный взгляд в сторону девушки. В груди её клокотала ярость, и она была готова уже осыпать зарвавшуюся служанку всевозможными оскорблениями, но занимаемый ею статус не позволял опускаться до мелких склок. Какие бы чувства в ней не пробуждала эта ситуация, она должна была сохранять достоинство и держать лицо.

Ангелина ощущала двойную необходимость в этом ещё и потому, что она считала ниже своего достоинства ронять себя в глазах общества ради какого-то мужика. Это он давал ей напрасную надежду, он обманул её ожидания, и это он обязан за это отвечать. Девчонка виновата только в том, что позволила себе проявить к ней неуважение своей выходкой, но подвергать её экзекуции за такое было бы не слишком дальновидным со стороны Ангелины — она надеется заслужить лояльность подданных, ей не нужен их страх.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, — глядя в глаза принцессы, насмешливо проговорила Фредерика.

Это было откровенным, неприкрытым хамством. Настолько возмутительным, что

Торхильд, не сдержавшись, воскликнула:

— Тол Фредерика! Ты что позволяешь себе, мерзавка?!

— Отвечаю на вопрос Её Высочества, — всё с той же наглостью парировала девушка.

Ангелина деактивировала магию, сжав руку в кулак.

"Спокойно. Не позволяй ей зайти тебе под кожу".

— Вам стоит выбирать тон, когда вы разговариваете со мной, тол Фредерика, — в её голосе угрожающе завибрировали строгие нотки. — Я не потерплю хамства в свой адрес.

На мгновение лицо девушки потемнело, в глазах промелькнул испуг. Но реакция эта оказалась молниеносной — уже в следующую секунду она вновь заискрилась самоуверенностью. Издевательски склонив голову, Фредерика невозмутимо произнесла:

— Приношу свои извинения Её Высочеству.

Губы Ангелины дрогнули.

Мерзавка.

Она была готова вскочить со своего места и, бросив на прощание "посмотрим, кто кого", убежать в кабинет Харальда. Закатить ему скандал, потребовать сейчас же спуститься в мастерскую и прилюдно наказать девчонку. И наказание это должно было быть настолько впечатляющим, что к вечеру пересказ этих событий оказался бы у всех на устах и не сходил с них ещё очень долго. После такого мало кто посмел бы посмотреть на неё без уважения, мало кто усомнился бы в том, насколько оправданно она занимает статус будущей правительницы Каттегата.

Но Ангелина не могла этого сделать. Если до вчерашнего вечера она, окрылённая очередной, имеющей явно интимную природу, беседой с ним, ещё и позволяла себе верить в существование у него каких-то чувств к ней, то сегодня у неё не было ни капли уверенности в нём. Она с присущим её мышлению реализмом осознавала: конунг вполне может пренебречь ею в этой ситуации и, если не поддержать Фредерику полностью (такое было бы невозможно, ведь служанка очевидно перегнула палку), то, по крайней мере, решить ограничиться устным замечанием, которое вполне может быть сделано любовнице в приватной обстановке.

— Приступайте к работе, тол Фредерика, — Ангелина отвернулась, вернувшись к своему станку. Пусть она и не может позволить себе бежать и искать защиты у Харальда прямо сейчас, она, тем не менее, остаётся его невестой и принцессой Норфолка и на основании этого она имеет права требовать уважения к себе. Поэтому пока, решила Ангелина, она не станет разбрасываться громкими словами и угрозами — ведь если они окажутся на поверку пустой бравадой, это серьёзно ударит по её репутации, — она дожждётся окончания своей смены и тогда уже поговорит с конунгом. Объяснит ему, чем чревато подобное попустительство в отношении его любовницы для их общей репутации. В конце концов, разве он сам не заинтересован в том, что бы их союз считали крепким?

Приняв для себя решение, она боковым зрением проследила за действиями своей соперницы. Активировав магию, та лениво принялась переплетать нити льна. В самодовольном лице её при этом явно читался триумф. Похоже, она праздновала свою победу.

* * *

Ангелина отстранённо наблюдала за деревянным узором ведущей в личные покои конунга двери. Грудь её медленно вздымалась и опадала в такт размеренному дыханию, отражая царивший в душе девушки покой.

Забавно.

Сидя в мастерской и прокручивая в голове их разговор, она воображала себе, как будет стоять перед Харальдом, с трудом сдерживая рвущиеся наружу эмоции, старательно цедя слова. Будто заезженная пластинка, мозг её прокручивал раз за разом сценарий их предстоящей конфронтации, генерируя всевозможные варианты реакции правителя Каттегата и её потенциальные ответы на них. Почему-то ей виделось это чем-то ярким и эмоциональным, и внезапно овладевшее ею по окончании смены равнодушное безразличие вызвало недоумение.

Куда делась эта ярость? Что стало с застрявшей ледяным комом в горле обидой? В чём причина этого охлаждения? Неужели она уже настолько истощена была всеми этими непрекращающимися переживаниями, что её мозг просто отключился?

Спину Ангелины обдало прохладным потоком воздуха, когда, бросая исподлобья заинтригованные взгляды, мимо неё прошла одна из служанок.

"Готова поспорить, уже к ужину все будут знать о том, что я заходила после работы к Харальду..."

Из-за дверей раздался какой-то тихий звук. В следующую секунду она отворилась, и показавшийся в проёме Магнус в пригласительном жесте распахнул тяжёлые деревянные створки.

Ангелина кивнула затянутому в подбитый мехом костюм мужчине, смело входя в покои конунга.

Первым, что она заметила, был атаковавший её ноздри приятный хвойный аромат вперемешку с лёгким запахом дымка, исходившего от расположенного у стены камина. Неподалёку от него находился тяжёлый на вид простой деревянный стол, за которым, лениво откинувшись на спинку высокого, окованного железом стула, сидел Харальд. Его высокая мощная фигура выделялась на фоне небольшой комнаты, что заставило Ангелину вздрогнуть. Забавно, но до этого момента ей не доводилось встречаться с ним где-то, кроме мест общественного пользования, не считая, конечно, того случая в постоялом дворе. Но так она была настолько напугана и раздосадована, что совсем не озаботилась разглядыванием интерьеров. Лишь сейчас, видя его в небольшом по площади пространстве, она заметила, наконец, насколько на самом деле правитель Каттегата выглядел сильным... и угрожающим.

Простая льняная рубаха — возможно, даже из той же ткани, что они изготавливали в своей мастерской — свободно сидела на нём, ненавязчиво подчёркивая перекачивающиеся под ней мускулы. В районе шеи из-под неё виднелся покрывавший грудь и спину мужчину замысловатый рисунок из переплетающихся между собой рун и фигурных символов. От одного воспоминания о том, при каких обстоятельствах ей представилась возможность увидеть их, девушка зарделась.

— Ты хотела поговорить со мной, Генриетта?

Его грудной голос тягучей помадкой пролился на слуховые рецепторы Ангелины, заставляя её сердце ускориться.

"Прекрати, ты ведёшь себя, как озабоченная малолетка".

— Да, хотела, — девушка заставила себя взглянуть в глаза конунгу. Обрамляющая его зрачки светлая радужка, отражая свет пламени, едва заметно сияла, подобно сверкающему на солнце льду.

— И о чём же?

— Я могу присесть? — Ангелина указала рукой на придвинутый к его столу невысокий

стол, предназначавшийся, видимо, для посетителей.

— Могла и не спрашивать, — Харальд кивнул и, отодвинув в сторону стеклянную баночку с чернилами, расслабленно сложил руки на стол.

— Спасибо, — опустившись на стул, девушка нервно заправила выбившийся из косы локон. — Я хотела поговорить с тобой о твоей любовнице. Тол Фредерике.

Брови конунга чуть приподнялись. Он явно не ожидал подобного вопроса.

— И... что именно ты хотела сказать?

Ангелина сжала руки. Чёрт. Это оказалось намного сложнее, чем она себе представляла. В её мыслях она приходила к нему, вся преисполненная внутреннего достоинства, и выдвигала все имеющиеся у неё претензии без тени волнения и страха. Почему же сейчас её тело сотрясала мелкая дрожь, а мысли лихорадочно путались, будучи не способны облечься в слова?

— Тол Фредерика... ведёт себя недопустимо, — прерывающимся голосом выдавила девушка.

Харальд нахмурился.

— Недопустимо? — Равнодушно повторил он.

— Да. Я не намерена её терпеть здесь.

"Боже, что ты несёшь, дура?! — Мысленно Ангелина отвесила себе пощёчину. — Мы как репетировали?"

Но процесс уже был запущен. Конунг хмыкнул, на губах его заиграла саркастичная улыбка.

— Вот оно что? — Сюсюкающим тоном проговорил он. — Чем же тебе, дорогая невестушка, так мешает моя любовница?

— Ты это по серьёзке спрашиваешь сейчас, или что? — Возмущение, мощной волной затопившее нутро Ангелины, хлынуло наружу. — Я просто не могу поверить! Ты реально сидишь тут перед своей будущей женой и на серьёзных щах спрашиваешь меня, чем мне мешает твоя любовница?! Ты головой не ударился на тренировке, дорогой женишок?

— Я не понимаю твоих возмущений, Генриетта, — Харальд, казалось, был настолько удивлён реакции своей собеседницы, что даже на долю секунды опешил. — Ты таскаешь свою любовницу за собой целыми днями, не стесняясь... даже моего присутствия. И при этом коришь меня за меньшее?

Под конец голос его стал громче, и последние слова были произнесены чуть ли не криком.

Рот Ангелины сам собой приоткрылся от шока. Что?! Это какая-то шутка? Он пытается так оправдать себя, нагло метнув стрелки на неё? Как вообще ему такое в голову могло прийти? Она и Гудхильд...

"Совсем поехавший?!"

— Что за ерунду ты несёшь?! — На лице девушки отразилось искреннее недоумение. — Гудхильд — моя служанка, практически мой друг! Ты... как ты... фу! Даже всерьёз воспринимать такие гадкие предположения не хочу!

Она подскочила со своего места, тяжело дыша от злости.

Проклятая Генриетта... Это всё её вина. Тот случай, когда она "помогала" ей с принятием ванны, намёки ярлов и слова Гудхильд... Очевидно, принцесса Норфолка имела не совсем адекватные наклонности, и подобные выводы от правителя Каттегата были вполне понятны. Но как же обидно... Она в очередной раз оказалась вынуждена терпеть унижение

из-за дурной репутации своего двойника. Неужели ей до конца жизни теперь придётся разгребать последствия идиотских решений Генриетты? Это несправедливо!

— Ты принимаешь меня за глупца? — Конунг поднялся вслед за ней. Венка на его лбу угрожающее набухла, глаза зло сверкнули. — Ты зовёшь её в свои покои почти каждый раз перед сном, кроме тех дней, когда у тебя идёт кровь... Ты отослала данных тебе в услужение служанок... — Стремительно приблизившись к Ангелине, он резко схватил её за подбородок, заставляя ту смотреть на него. — Это тоже ерунда, м? Ерунда?

— Я зову её к себе вечером, потому что мне нужна помощь с принятием ванны, а те пафосные сучки, которых ты мне сбаврил, смотрели на меня, как на врага народа, поэтому и были посланы куда подальше, — сквозь зубы процедила девушка.

— Так может, у них есть причина для таких взглядов, а, Генриетта? Или это не твоя мамаша обкрадывала мой народ? Разве это не королева Боудика виновата в том, что мы лишились почти всех купцов двадцать лет назад, почти всех рынков? Оказались отрезаны от Жемчужного моря, а? Разве ты не заслуживаешь ненависти, Генриетта?

Покои конунга прорезал звонкий звук пощёчины. Мужчина мотнул головой, неверяще взглянув на прерывисто дышащую Ангелину. Обжигающая слабая боль медленно расплзлась по его правой щеке, а место удара налилось краснотой.

На губах его в одно мгновение зажглась и погасла полуулыбка, а уже в следующую секунду он впился в губы девушки жадным, настойчивым поцелуем.

Из груди Ангелины вырвался полный удивления выдох, тотчас же потонувший в жёстком поцелуе. Упёршись руками в его грудь, она попыталась было вырваться, но продолжавшие удерживать её подбородок сильные пальцы не позволили ей отодвинуться ни на миллиметр. В конце концов, девушка вцепилась в грубую ткань его рубахи, позволяя себе сдать его подавляющим губам. Голова закружилась от окутавшего её свежего запаха его тела — тонкие нотки хвои вперемешку с лёгким ароматом пота сводили с ума. Близость пышущего мощью тела Харальда разжигала желание где-то в районе живота, заставляя тянуться к нему сильнее, в надежде получить его всего, без остатка.

Сперва неуверенно, сейчас Ангелина уже двигала своими губами активнее, следуя за умелыми движениями мужчины, упиваясь этим полным страсти танцем. На мгновение они отстранились друг от друга, переводя дыхание, но в следующую секунду девушка уже сама потянулась навстречу конунгу, вновь подпадая под власть его нежных губ.

Их внезапно прервал настойчивый стук. Нехотя оторвавшись от Ангелины, Харальд бросил раздражённый взгляд на дверь. Стук повторился снова, но уже сильнее — их визитёр определённо был решительно настроен пообщаться с правителем Каттегата.

Прочистив горло, мужчина громко приказал:

— Магнус, что там?

Дверь приоткрылась, и в проёме обнаружилось взволнованное лицо черноволосого молодого парня с выбритыми висками.

— Кин Бьёрн, командир Рулганнского южного гарнизона. Говорит, срочная посылка для Его Величества.

— Впускай.

Харальд вернулся к своему креслу, указав Ангелине на стоящий рядом с камином небольшой диванчик. Не успела раскрасневшаяся девушка отойти от стола, как двери открылись, впуская высокого, плечистого мужчину средних лет. Отвесив быстрый поклон монаршим особам, он грубым басом отрапортовал:

— Ваше Величество, по пути в столицу мы встретили отряд сарайцев под предводительством кин Абантес. Они передали нам это, — он поднял выше небольшой тёмно-серый мешок и потряс им. Приглядевшись, Ангелина заметила привязанный к нему небольшой коричневатый свёрток. — Сказали, передать Её Высочеству принцессе Генриетте Норфолкской.

— Мне? — Девушка удивлённо приподняла брови.

— Да, Ваше Высочество, — подтвердил мужчина. — Вам лично в руки.

— Лекари проверили? — С любопытством осматривая посылку, спросил Харальд.

— Так точно, Ваше Величество, всё проверили. Никакого яда. Чисто.

— Генриетта, — конунг мягко подозвал невесту, продолжая разглядывать мешок. Когда она подошла, он активировал боевую магию. — Если не хочешь, я посмотрю сам.

— Нет, я хочу, — Ангелина приблизилась к лежащему на столе предмету.

Дождавшись одобрительного кивка жениха, она потянулась к записке, и, развернув её, прочла нацарапанное корявым почерком:

"Око за око".

Её брови задумчиво сошлись у переносицы. Что это значит? Они не общались с Абантес достаточно для того, что бы она научилась понимать намёки сарайки, но по какой-то неясной причине написанное вызвало у неё волнение.

Пальцы Ангелины неприятно дрожали, когда она, активировав магию, направила сотни мерцающих коричневых змеек к тугим верёвкам. С каждой секундой тревога охватывала её всё больше, пока, наконец, мешок не был открыт. Отодвинув магией грубую холщовую ткань, девушка ахнула.

В мешке лежала отрубленная голова молодого мужчины.

Одного взгляда на его лицо Ангелине оказалось достаточно, для того, чтобы заметить их явные внешние сходства.

— Принц Уильям, — не скрывая своего потрясения, тихо выдохнул Харальд.

Настроение Анжелины, несмотря на недавно произошедшие мрачные события, в общем и целом было довольно приподнятым. Безусловно, она оказалась вынуждена облачиться в чёрное в знак скорби по своём безвременно почившем якобы единственном брате. И, хотя необходимость носить траур по абсолютно незнакомому мужику её и тяготила, она ответственно выполняла свой долг любящей сестрицы, будучи в глубине души невероятно благодарна всем богам за подобный поворот событий. Порой, конечно, ей становилось совестно за такие мысли, но осознание того, что смерть принца Уильяма означает отсутствие у Норфолка каких-либо союзников в войне, удачно заглушало глас совести. Разве приведи Уильям подмогу от ладожского князя это не растянуло бы войну на более долгий срок и не привело бы к ещё большему количеству жертв? Если посмотреть с этой стороны, то убийство норфолкского принца оказывалось очень даже удачным стечением обстоятельств, и радоваться этому — тем более абсолютно постороннему человеку, коим она и была — совершенно нормально.

Пожалуй, только однажды она пожалела о произошедшем — когда мра Асвейг, заявившись, как обычно, без приглашения, заставила Анжелину выслушать многочасовую панихиду по усопшему. Ситуация эта усугублялась ещё и тем, что настоятельница искренне была убеждена в том, что оказывает бедной скорбящей принцессе ценнейшую услугу, ведь её брат был человеком бесчестным и малоприятным, да и вдобавок ко всему ещё и врагом Каттегата. Тогда, сидя на жёсткой деревянной церковной скамье уже битый час и слушая заунывные причитания Асвейг, Анжелина искренне пожалела о смерти Уильяма. А к концу этой экзекуции девушка могла с полной уверенностью утверждать, что скорбь её по нему настолько велика, что она с радостью бы воскресила норфолкского принца и лично проследила бы за тем, что бы тот не дай бог не помер. По крайней мере, раньше настоятельницы каттегатской церкви Единого.

Но не только это обеспечивало мозг Анжелины дозой серотонина. Было ещё одно событие, при одном только воспоминании о котором губы девушки самой собой расплывались в улыбке.

Тол Фредерику отослали из замка.

Это случилось на следующий день после их с Харальдом поцелуя. Анжелина по обыкновению проснулась, разбуженная Гудхильд, собрала с помощью служанки волосы и облачилась в длинное элегантное платье из красной мягкой ткани, купленной ими недавно у какого-то веронского купца. Лицо её всё это время хранило слегка блаженное выражение, а сама она казалась себе рассеянной. Гудхильд, которая, не сомневалась Анжелина, была уже осведомлена обо всём произошедшем в покоях конунга, бросала в сторону своей госпожи хитрые взгляды, деликатно избегая этой щекотливой темы. Но они, откровенно говоря, и не нуждались в том, что бы озвучивать друг другу все свои мысли — каким-то странным образом им удалось за всё проведённое вместе время достичь той степени душевной близости, когда для того, чтобы понять некоторые эмоции друг друга, им не требовалось обличать их в слова.

В мастерскую Анжелина вошла со всё с тем же ощущением спокойного удовлетворения. Поприветствовав своих коллег — возможно, чуть нежнее, чем обычно, — она опустилась на невысокий деревянный табурет у своего станка. Ткачихи, уже успевшие узнать последние

новости, беззаботно щебетали, испытывая что-то наподобие радости за свою, пусть и высокопоставленную, но всё же коллегу по цеху. Никто не мог сказать, что именно произошло, но абсолютно все сидящие в мастерской отчётливо ощущали лёгкое дуновение ветерка перемен — перемен, которых уже давно и с большим нетерпением ждал каждый каттегатец.

Эта полная счастливой беззаботности идиллия оказалась нарушена вошедшей в комнату тол Торхильд. Пожилая руководительница, поприветствовав своих подопечных, представила им их новую работницу — невысокую застенчивую девушку, которая густо покраснела от смущения, когда кланялась Ангелине. Подобная новость вызвала немедленное брожение среди ткачих: они принялись переглядываться, украдкой позволяя себе бросать заинтересованные взгляды в сторону будущей правительницы Каттегата.

После того, как смена Ангелины окончилась, она отправилась на обед, во время которого они с Харальдом завели безобидную беседу. За маской учтивости каждый из них скрывал охватывающее их обоих страстное желание увидеть в другом ответы на свои многочисленные вопросы. Их выверенные движения время от времени нарушала лёгкая дрожь волнения, и в эти моменты их взгляды скрещивались, говоря своему собеседнику куда больше, чем пустые слова.

И только по окончании обеда, когда Гудхильд, пообщавшись с другими слугами, пришла, наконец, в её покои, Ангелина узнала, что произошло. Как оказалось, спустя некоторое время после того, как её, совершенно не помнящую себя от шока, довели до кровати конунга и усыпили, Харальд приказал Магнусу рассчитать Фредерику и найти девушке достойную должность где-нибудь за пределами замка. Сделать это всё приказано было тихо и аккуратно, дабы не спровоцировать ненужных пересудов.

Вот так вот, быстро и без лишнего шума служанка уже к вечеру покинула замок.

"Как мне шепнула тол Ингрид, которой об этом рассказал стражник кин Освальд, — не сдерживая улыбки, проворковала Гудхильд, — рыдала наша несостоявшаяся фаворитка, как белуга. А говорили ж ей люди: не забывай своего места".

Губы Ангелины в тот момент вопреки воли их обладательницы радостно изогнулись, а сердце зашло в бешеном стуке. Похоже, наступило её время праздновать триумф.

Но царившие в её душе покой и умиротворение вскоре омрачились одним печальным событием. Не прошло и четырёх дней, как Харальд, собрав всех в тронном зале, объявил об отбытии в Норфолк. Объявление это, несмотря на то, что Ангелина чётко осознавала неизбежность скорого наступления, вызвало в душе девушки недоумение.

"Так скоро?". "Почему бы не подождать потепления?" "Неужели начинается?"

Все оставшиеся до отбытия каттегатской армии дни девушка пробыла в абсолютной протрации, которую окружающие списывали на горечь от потери брата. На людях она старалась держать лицо, но оставшись в одиночестве, она предавалась переживаниям и порой даже слезам. В голове её крутились сотни навязчивых мыслей.

Что, если Каттегат всё-таки проиграет?

Не может ли оказаться, что отрубленная голова принца Уильяма — подделка, а на самом деле Норфолк вступил в сговор с Абантес и они готовят ловушку для каттегатцев?

Что будет, если Харальд погибнет в бою?

От последней мысли горло Ангелины сжало спазмом.

Нет. Этого не произойдёт. Не должно произойти. Только не сейчас, когда она, наконец, получила надежду на то, что её будущее здесь окажется менее безрадостным, чем она себе

представляла. Пожалуйста, жизнь... Это было бы слишком жестоко по отношению к ней. Она и без того уже претерпела достаточно, она заслужила счастье. Быть любимой. Любить...

Отъезд конунга с войском Ангелина помнила смутно. Всё происходящее казалось каким-то сном, тревожным и нечётким.

Вот Гудхильд её одевает, полчаса подбирая серьги к платью.

Вот она стоит на пристани, прощаясь с Харальдом. Глаза его, кажется, снова сияли, сливаясь в её мыслях с таким же сияющим мягкой белизной снегом.

Вот он наклоняется к ней, запечатлевая на её лбу любящий поцелуй.

Вот Ратель, оставшаяся на время отсутствия конунга в качестве его заместителя, мягко тянет её назад, в замок, пока она с тоской и тревогой провожает взглядом строй медленно удаляющихся за горизонт драккаров.

Теперь им остаётся только ждать.

* * *

Ангелина ковырнула ногой выглядывающий из-под слоя снега камень. Со времени отбытия конунга с войском минуло уже четыре дня. Всё это время она жила затворницей, пока сегодня утром к ней не явилась военная, в приказном порядке объявив, что они идут проветриться на пристань.

И, хотя поначалу девушка и ворчала, но в конечном итоге она прониклась к каттегатке благодарностью — вид бескрайнего водного простора умиротворял.

— Ратель, — Ангелина украдкой взглянула на наблюдавшую за набегающими друг на друга волнами военную.

— У? — Девушка обернулась. Лицо её было странно задумчивым, будто мыслями она находилась не здесь, а где-то далеко.

— Как думаете, они уже в Норфолке?

Ратель смерила Ангелину долгим, внимательным взглядом. Этот осмотр заставил девушку внутренне съёжиться.

"Почему она всегда так на меня смотрит, будто подозревает в чём-то? Неужели я где-то прокололась?"

— Думаю, что да, — наконец ответила военная.

— Ясно.

Ангелина замолчала. Посмотрев ещё раз на море, она вновь заговорила:

— Что-то не так?

— С чем?

— С морем. Вы на него постоянно смотрите и хмуритесь.

Каттегатка мотнула головой, вновь задумавшись о чём-то своём. Спустя время она нехотя проговорила:

— Холодное море раньше не вело себя так... странно.

— Странно? — Ратель кивнула. — И что же в нём странного? По-моему, море как море.

— Посмотри на волны. У Холодного моря совсем другое течение.

Ангелина послушно последовала совету своей компаньонки, но, как она ни старалась, так и не смогла увидеть то, на что та указывала.

Море как море.

— Вы думаете, это может быть какая-то диверсия?

— Ди... что?

Девушка прикусила губу. Снова.

— Ну, — она нервно поправила чуть сбившейся при очередном порыве ветра пуховый платок. — Подлянка от врагов... северян, например. Я имею в виду, может они изобрели какое-нибудь устр... механизм, чтобы ну, не знаю даже, для чего-то поменять течение моря или что в этом роде.

— Нет, я так не думаю. Это природа чудит. — Безапелляционно отрезала Ратель.

Краем глаза Ангелина заметила приближающуюся к ним фигуру молодого мужчины. По его походке она сразу же догадалась, кем был их гость — похоже, недавние слухи о примирении Ратель с тол ИМЯ оказались правдивы, и военная вновь проводила свободное время со своим подчинённым.

Девушка снова повернулась в сторону моря, устремив задумчивый взгляд вдаль. Внезапно она заметила на снегу неподалёку от себя какое-то странное движение. Решив поначалу, что ошиблась, Ангелина подошла чуть ближе, присмотревшись внимательнее.

Нет, не показалось.

Убедившись, что Ратель занята разговором со своим слугой и не наблюдает за ней настолько активно, она ненавязчиво приблизилась к медленно удлиняющейся бороздке на снегу. Тянувшийся ленточкой след едва заметно подмигивал коричневым, и наклонившись, девушка увидела толкающих маленький кусок желтоватой бумаги магических змеек, исчезнувших в тот же миг, как только она потянулась к посылке.

"Это что же... записка? Неужели для меня?"

Поразмыслив немного, Ангелина всё же развернула сложенный вдвое листок. Стоило её глазам быстро пробежать по лениво выведенным буквам, руки девушки тут же затряслись. Генриетта.

"Ангэлина, я буду ждать тебя в лесу у Фрейского дуба сегодня перед закатом. Генриетта".

Ангелина осторожно ступала по сугробам. Ночной заснеженный лес встретил её тихим пением ветра, шелестом падающих снежинок и мерным стуком дятла.

Она долго раздумывала над тем, как ей стоит поступить.

Самым первым вариантом, пришедшим ей в голову, было убийство, однако мысль эта воскресила в сознании Ангелины воспоминания о событиях, произошедших по дороге в Каттегат, когда ей пришлось убить двоих сарайцев, вызвала у неё приступ рвоты. Перепуганная недомоганием девушки, Гудхильд даже порывалась было вызвать лекаря, но остановленное категоричным приказом своей госпожи, успокоилась и, убедившись, в том, что подобное больше не повторялось, покинула покои.

В конце концов, проведя практически весь день в прострации, Ангелина всё же решила предложить Генриетте откуп. Идея эта, внезапно пришедшая ей в голову, вызвала невольно улыбку. Забавно, как причудлива бывает жизнь: когда принцесса Норфолка была той, которая обещала своему двойнику золотые горы, а теперь сама Ангелина готова отдать все деньги мира за согласие сотрудничать.

Ирония.

К тому моменту, как она добралась до назначенного места, уже почти стемнело, но это вовсе не помешало девушке разглядеть своего гостя. Её Высочество стояла, закутанная в меховую накидку, возле дуба, держа в руке масляную лампу. Она заметила приближение Ангелины сразу. Поспешно скинув капюшон, Генриетта решительной походкой приблизилась к ней и, не тратя время на приветствия, объявила:

— Наша сделка окончена, Ангелина. Обмениваемся одеждой и расходимся.

— Вот как? — Будучи донельзя возмущённой бесцеремонной наглостью своего двойника, девушка даже на секунду опешила. — И где же тогда моя плата, Ваше Высочество? Мой дом в Ладогe уже дожидается меня?

Губы принцессы растянулись в снисходительной ухмылке.

— Твоя плата? — В голосе её сквозила неприкрытая насмешка. — Ну, надо же... А за что это я должна тебе платить, скажи на милость? Разве мы сейчас стоим в Гуркулануме, и в моей постели дожидается моего возвращения этот дикарь Ротхен? По-моему, ситуация немного иная, не находишь?

Ангелина поджала губы.

Бесстыжая дрянь.

Она же и не собиралась вовсе платить!

— Бронхилай рассказал мне, почему ты на самом деле сбежала, Генриетта, — сохраняя спокойствие, ответила девушка. — Я пришла не выяснять отношения. Я пришла договориться.

— Надо же. Что ж, сделаю вид, что мне интересно. Предлагай.

Принцесса лениво облокотилась о дерево, смерив Ангелину заинтересованным взглядом. Лицо её было опухшим, такое обычно бывает у людей, не привыкших отказывать себе в удовольствии пропустить стаканчик-второй. Глаза казались немного расфокусированными, лицо опухшим.

— Я знаю, что тебя тяготили твои обязанности. Здесь их будет ещё больше, Генриетта, чем было в Норфолке.

— Сейчас меня тяготит твоя излишняя словоохотливость. Короче.

— Я предлагаю тебе содержание в обмен на твоё молчание. Куплю тебе дом где-нибудь в Норфолке или, если захочешь, в любом другом месте, и буду раз в десяток высылать денег на твои нужды. Ты ни в чём не будешь нуждаться, Генриетта, я даю слово.

— Даёшь слово, — принцесса цокнула. Её лицо приобрело задумчивое выражение. — А откуда мне знать, что ты это слово не нарушишь, м?

— Оттуда, что я — это не ты.

Генриетта рассмеялась.

— Так что, — дождавшись, когда принцесса закончит веселиться, проговорила Ангелина.

— Что ты решила?

— Я решила, что услышала достаточно.

Обе девушки подпрыгнули от звука раздавшегося со стороны леса женского голоса. Повернув головы, они увидели выходящую из-за деревьев Ратель. В руке у неё был охваченный чёрными лентами боевой магии меч, а в глаза полыхала ярость.

— Р-ратель... — голос Ангелины ослаб, и на некоторое время она, казалось, забыла, как дышать.

— Значит, я всё-таки была права, — не сводя ястребиного взгляда с растерянных девушек, с удовлетворением в голосе процедила она. — Ты слишком странно себя вела, Ангэлина. Слишком хорошо.

— Ч-что ты теперь собираешься делать? — Ангелина сжала ручку лампы настолько сильно, что та впилась в ладонь девушки.

Каттегатка медленно, подобно огромной дикой кошке, обошла застывших девушек, разглядывая их. Как бы Ангелина не пыталась, она не могла угадать, о чём сейчас та думает. Ярл Северных земель отличалась крайней скрытностью, и за всё время их знакомства ей так и удалось приблизиться к постижению личности горделивой военной.

— Я думаю, — нарушив, наконец, молчание вновь заговорила Ратель. — Что за мной есть должок. Пора его вернуть.

В темноте ночи яркой вспышкой пронёсся окутанный чёрным сиянием длинный меч. Рассекая тьму, он остановился, погрузившись в плоть едва успевшей дёрнуться Генриетты.

Из горла Ангелины против воли вырвался полный изумления вопль. Закрыв ладонями глаза, она глубоко задышала. До её ушей долетел уже знакомый ей не понаслышке звук — густая кровь мощным потоком хлестала изо рта едва слышно стонущей Генриетты.

Истощённая этой сценой, Ангелина провалилась во тьму.

— Вот эти, Ваше Высочество, обязательно должны быть эти, — Гудхильд приложила к лицу Ангелины серьги с каким-то крупным, явно дорогим, бордовым камнем.

— Я тоже так думаю, — девушка согласно кивнула.

Драккары Харальда уже приближались к пристани, и охваченные волнением каттегатцы сновали по замку, подготавливаясь ко встрече своих воинов. К тому же, воины эти возвращались с победой.

Спустя несколько дней после произошедших в лесу событий, о которых Ратель с Ангелиной условились не вспоминать, согласившись на сохранение статуса-кво, в королевский замок прибыл гонец от конунга. Весь запыхавшийся и взмыленный, он влетел в тронный зал, где ярл в компании будущей правительницы Каттегата обсуждали маячившее на горизонте торговое соглашение с Эссеном, и, рухнув перед девушками на колени, объявил о том, что королева Боудика, узнав вести о смерти своего сына, бросилась со скалы, после чего войска Норфолка благополучно сдались, выдав нескольких не согласных с решением армии аристократов Его Величеству Харальду.

Услышав об этом впервые, Ангелина чуть было вновь не лишилась чувств — радость от осознания того, что всё теперь кончено, захлестнула обеих девушек настолько, что они заключили друг друга в объятия.

И вот, оглядывая своё отражение с ног до головы, будущая правительница Каттегата украдкой улыбалась, предвкушая встречу с конунгом. Эмоции настолько переполняли её, что ей казалось, будто появился Харальд сейчас перед ней, она бросится в его объятия, и разрыдается от счастья.

— Ваше Высочество, — Гудхильд отскочила от окна, в два прыжка оказавшись подле своей госпожи. — Приехали.

В следующую секунду Ангелина услышала извещающий о прибытии драккаров громкий рёв рога.

Да. Прибыли.

Похоже, её долго и счастливо наступило.

Больше книг на сайте - Knigoed.net